

sf_detective

Алиса
Дорн
630b37b1-dee1-11e4-8f35-0025905a06ea

Сыщик и канарейка

У всего есть две стороны. У города. У дара. У человека. Тихий провинциальный Гетценбург преобразается под покровом ночи. Дар становится самым страшным проклятием. А люди...
Блестящий хирург. Детектив полиции. Взмалошная аристократка.
У каждого из них свои секреты. И своя темная сторона.

расследование преступлений,остросюжетные детективы,фантастические миры
2019

ru

Alesh

FictionBook Editor Release 2.6.7
2019-02-20
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40953569
Текст предоставлен издательством
f3d20c97-3531-11e9-82ee-0cc47a5203ba
1.0

v 1.0 – создание fb2 – (Alesh)

Литагент
АСТ
c9a05514-1ce6-11e2-86b3-b737ee03444a

Сыщик и канарейка
АСТ
Москва
2019
978-5-17-113021-3

Алиса Дорн

Сыщик и канарейка

© А. Дорн, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Тихие воды

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ,

в которой доктору напоминают, что провинциальные города, равно как и тихие воды, таят в себе множество опасностей

Глава 1

Доктор

Чтобы получить представление о семье, достаточно посмотреть, кто приходит к ним на обед. В доме моего отца огромный, способный уместить сорок едоков стол накрывался на три персоны – и только гулкое эхо разносилось под каменными сводами Эльмсбери-холла. У Эйзенхартов разговоры никогда не умолкали. В особняке на набережной бывали гости самых различных профессий и сословий: подруги их дочери и бывшие однокурсники зятя, подчиненные сэра Эйзенхарта, с которыми он проводил совещания во время званных вечеров, приехавшие с визитом родственники, дамы из благотворительного общества, совершенные незнакомцы, которых притаскивал их сын... И, собственно, сам Виктор, вечно опаздывавший к назначенному часу.

– Прости, задержался. Убийство.

Эйзенхарт-младший влетел в обеденную залу, чмокнул мать в щеку и уселся слева от нее, заталкивая салфетку за воротник. Леди Эйзенхарт улыбнулась сыну и укоризненно покачала головой. По мнению супруги начальника городской полиции, убийство не являлось достаточной причиной, чтобы пропустить обед.

– Где Шон? – кротко спросила леди.

– Пришлось оставить Брэма там. Кто-то должен сопроводить тело в морг. Не переживай, – успокоил Виктор мать, пока слуга наливал вино. – Захвачу ему что-нибудь из дома.

Голодным ребенок не останется.

«Ребенок», на правах родственника проживавший у Эйзенхартов, был восемнадцатилетним детиной под два метра ростом и с недавних пор – сержантом полиции. Что не мешало леди Эйзенхарт его всячески опекать.

Как, впрочем, и меня.

Стремление окружить заботой всех обездоленных мира сего было в крови у подопечных Мэри-Голубки, покровительницы филантропов и добровольцев.

– Что произошло? – поинтересовался сэр Эйзенхарт.

– Барона Фрейбурга выловили из реки. Мой начальник отправит кого-нибудь к тебе, как только Шон ему доложит. Хотя он может решить, что это и не обязательно. Все равно я тебе расскажу. Алистер, да отдайте, наконец, поднос, я способен положить себе картофель! – Отвоевав у слуги гарнир, Виктор продолжил: – Строго говоря, выловили

барона утром. Но это случилось у Кладбища висельников, вне нашей юрисдикции. Пока доставили в местный участок, пока выяснили, кто он... Но труп довольно свежий. Рыбы даже обглодать толком не успели.

Я машинально перевел взгляд на сестру Виктора. Леди Луиза, периодически оглаживавшая большой живот, с любопытством слушала рассказ брата. Не похоже, чтобы ей становилось дурно от подробностей.

– Несчастный случай?

– Точно нет. Увидишь, – ухмыльнулся Виктор, берясь за бокал.

Единственным, кому за столом было не по себе, казался барон Истон, супруг леди Луизы.

Мы обменялись понимающими взглядами: два чужака в этой странной семье...

Я познакомился с Эйзенхартами на похоронах родителей. Они погибли внезапно: поместье охватила пожар. Меня спасло, что неделей ранее я вернулся с каникул в интернат.

Стоя у могилы, я не сразу понял, что хотела от меня незнакомая женщина. Отец не разрешал матери поддерживать связь с ее бывшей семьей; я даже не подозревал, что у меня есть тетка. Я тогда подумал, что она одна из многих, кто решил воспользоваться моментом, чтобы попросить об услуге во имя старой дружбы. Но леди Эйзенхарт не стала просить.

Вместо этого она обняла меня и пообещала, что больше «бедный мальчик» не останется один.

Добросердечная леди была готова забрать меня к себе, но ее супруг напомнил, что, получив при рождении благословение Змея, патрона врачей и целителей, я имел право на обучение в любом медицинском учебном заведении империи. Я мог отправиться с ними в Гетценбург или поступить в училище для одаренных сирот при Королевской и Императорской военно-медицинской академии. Я выбрал академию.

Долгое время Эйзенхарты оставались для меня именами на поздравительных открытках.

После учебы я отправился по распределению в Альсизар. Четвертая колониальная война длилась к тому моменту уже пятый год и постоянно требовала свежей крови. Затем были назначения в Шакрем и Южную Веспасию, и другие... Пока моя карьера не оборвалась.

Ранение не позволяло мне больше работать хирургом. Меня отправили на пенсию. В тридцать лет я оказался свободен от службы и дара – и не знал, что с этим делать.

Тогда леди Эйзенхарт снова написала, приглашая посетить их. Прожив несколько месяцев в метрополии и обнаружив, что мне это больше не по карману, я как раз задумывался о переезде и не стал отказываться от ее предложения. А спустя неделю пребывания в гостях наткнулся в «Гетценбургских новостях» на объявление о вакансии ассистента профессора на медицинском факультете с жалованием в тысячу шиллингов в год и бесплатной *garçonnière*

[1]

в университетском кампусе – и решил откликнуться. Из всех доступных мне теперь видов деятельности этот был самым близким к моей прошлой профессии.

– Кстати, Роберт! – Виктор будто услышал мои мысли. – Как успехи на кафедре танатологии?

– Боюсь, это сложно назвать успехами.

Танатология занималась человеческими воскрешениями. Если духи способны оживить человека, почему этого не может наука? Увы, смерть была поразительно упряма. Созданная на основе исследований Эшенбаха методика позволяла вернуть душу в мертвое тело, но до сих пор ресurreкции, произведенные по воле ученых, редко длились более нескольких минут. Другой проблемой была вечная нехватка материала: родственники погибших даже в наш век оставались достаточно суеверны, чтобы запрещать использование тел.

– По сути, до конца месяца мне нечего делать в лаборатории, – признал я.

– Значит, вы не откажетесь помочь полиции?

Просьба Виктора меня удивила: управление редко обращалось на кафедру. Но не насторожила. А зря...

На следующее утро я отправился в университетский морг, куда Виктор пообещал доставить тело. У дверей меня ждал Брэмли, от холода шмыгавший веснушчатым носом. При виде меня он вытянулся по стойке смирно.

– Детектив Эйзенхарт велел мне остаться на случай, если у вас будут вопросы.
Я рассеянно кивнул. Несмотря на то что мы постоянно виделись в доме Эйзенхартов, мне никогда не приходило в голову заговорить с Шоном: разница в возрасте не способствовала общению. Как и его странная привычка робеть при виде меня.
– У меня должны быть вопросы? – коротко поинтересовался я.
– Никак нет, сэр.
Лицо Брэмли приняло страдальческое выражение, которое я понял, как только откинул простыню с трупа.
– Это шутка?
– Никак нет, сэр, – повторил сержант, старательно не глядя на тело.

В нашем мире, где люди обладают не большей волей, чем марионетки в руках кукловода, духи решают, кому и когда умереть. И хотя это не означает, что человек не может лишиться жизни подобного себе, это приводит к тому, что убить кого-то окончательно довольно трудно. Если духи посчитают, что чья-то судьба оборвалась слишком рано, они не погнушаются с помощью своих слуг-дроздов вернуть этого человека – столько раз, сколько потребуется.

Но и духи, и наука бессильны, если человека обезглавить. Как лежавшего на столе мужчину.
– Я не могу оживить труп без головы, – проинформировал я Брэмли. – Даже духи не в состоянии дать ему второй шанс. Как Эйзенхарт это себе представлял?
Молчание было мне ответом.
– Сержант?
Брэмли с мученическим видом поднял глаза к лампочке под потолком.
– Никак, сэр. Детектив Эйзенхарт просит вас сделать повторное вскрытие, – появившись, он протянул мне картонную папку. – Здесь отчет по первичной аутопсии и медицинская карта барона.
Я не спешил брать бумаги. О таком мы с Виктором не договаривались.
– Эйзенхарту была нужна моя помощь как танатолога.
– О, сэр... – сержант тяжело вздохнул и сделал попытку объяснить мне само собой разумеющееся. – Но ведь этого он не говорил, верно?
Не говорил. Я вспомнил вчерашний вечер. Но ведь Виктор знал, что вынудило меня покинуть фронт. Он должен был понимать, почему я попытаюсь отказаться... И что заставит меня в итоге согласиться. Я прищурил глаза. Похоже, нас с Виктором ожидал долгий разговор.
– Давай папку.
Брэмли поспешил сунуть ее мне в руки, пока я не передумал.
– Еще детектив Эйзенхарт велел сказать, что смотрел ваше расписание на сегодня, – обрадованно протараторил он уже в дверях. – И ждет вас в два часа в кафе «Вест».

Глава 2

Доктор

Кафе «Вест» встретило меня мраморными колоннами и латунной вязью каштановых листьев под потолком. Осмотревшись, я обнаружил Виктора на полукруглом диванчике в углу зала. Перед ним уже стояла тарелка с мясом, которое он поспешно приканчивал. Рядом лежала папка с делом барона. Уплетая обед, Виктор рассматривал фотографии трупа.

– Нет-нет, вы как раз вовремя, это я пришел раньше, – Эйзенхарт перехватил мой взгляд, брошенный на часы. – Простите, что заказал без вас, но такова моя работа: никогда не знаешь, удастся ли поесть.

Проигнорировав протянутую для рукопожатия ладонь, я сел напротив. Тотчас подлетел официант.

– Возьмите мароновый суп и оленину, – отрекомендовал Эйзенхарт, заказывая себе еще кофе.

– Мароновый – это из каштанов?

Ганзеатское наречие, которым жители Лемман-Клива по привычке разбавляли нормальный язык, могло сбить с толку любого приезжего.

– Из чего еще? Вечно забываю, что вы не отсюда и с вами надо говорить на чистом имперском. Ладно, – Виктор отодвинул тарелку. – Похоже, сейчас наступит момент, когда мне придется вас уговаривать. Нужно будет напомнить: несмотря на то что ваша лицензия временно приостановлена и вам пока нельзя работать с живыми, на мертвых ограничения не распространяются. А если вы способны работать на кафедре, значит, ваши руки в достаточном порядке, чтобы вскрыть мертвеца. Еще можно воззвать к вашему профессионализму. Сказать, что вы видели больше насильственных смертей, чем кто-либо в этом городе. И самое главное, у вас есть дар. Чутье Северина-Змея...

Не дар.

Знаменитое змеиное чутье, талант к медицине, являлся не даром, уникальным для каждого человека и определявшим самую его суть, а склонностью – инклинацией, как ее называют ученые, – свойственной всем, кто родился под звездой Змея. Но я понимал, к чему вел Эйзенхарт.

– Лесть вам не поможет, – сухо предупредил я.

– Это не лесть. Заодно стоит надавить на вашу совесть. Знали бы вы, на что я готов пойти, лишь бы заполучить хорошего эксперта! Это вы в академии постоянно крутились возле лучших. Светила науки, мэтры... В нашей милой северной дыре они на вес золота. Старик Гоф, наш патолог, хорош, но в силу возраста не может работать как прежде. А Ретт... это его помощник... Вы наблюдали студентов на вашем факультете, можете представить себе его уровень.

Мысленно я посочувствовал Виктору. Все, кто находился под покровительством Змея или обладал достаточным умом, чтобы сдать вступительные экзамены, обучались в специализированных медицинских учреждениях. На врачебные факультеты университетов шли остальные: ленивые, глупые, интересовавшиеся жалованием врача больше, чем профессией. То, что Гетценбург, несмотря на статус одного из промышленных центров империи, оставался провинцией, лишь усугубляло ситуацию.

– Кроме того, я мог бы воззвать к вашему гражданскому долгу...

– Вы убеждены, что способны уболтать любого, верно? – с любопытством спросил я, перебивая.

Казалось, этот спектакль одного актера не только не утомил его, но доставлял удовольствие. Виктор пожал плечами, не отрицая.

– Разница лишь в том, сколько времени потребуется. Или скажете, что с вами фокус не пройдет?

– Нет.

– Нет? – переспросил Эйзенхарт, явно прикидывая в уме варианты. – В смысле, вскрытие не проведете?

– Уже провел.

Виктор недоверчиво уставился на меня.

– Я считал, мне понадобится еще минут пятнадцать, чтобы уломать вас. Думал напомнить вам о былых подвигах, о вашей помощи военной полиции...

– Я обязан вашим родителям.

Так же недоверчиво Виктор хмыкнул:

– Дело только в этом?

– Не берите на себя больше, чем сможете взять, – посоветовал я. – И в следующий раз, если вам будет нужна моя помощь, не присылайте вместо себя Шона в надежде, что я из

жалости не смогу ему отказать. Приходите сами. И не думайте, что сможете использовать меня вслепую.

– Разумеется, – заверил меня Эйзенхарт.

Не слишком искренне, впрочем. Я достал из кармана портсигар и закурил в ожидании заказа.

– Процессы мацерации только начались, когда барона выловили: на ладонях уже появилась характерная окраска, но разбухание не слишком заметно. Температура воды сейчас должна быть около десяти, максимум двенадцати градусов. Исходя из этого, я полагаю, что труп пробыл в воде не менее восьми, но не более десяти часов. Я бы сказал, барона убили между десятью часами вечера среды и полуночью. Вы будете записывать?

Эйзенхарт кивнул и поспешил достать из кармана пальто блокнот:

– Совпадает с мнением нашего патолога. Как он умер?

Я с сомнением посмотрел на детектива.

– Если вы не заметили, ему отпилили голову.

– Да, но каким образом? Фрейбург был здоровым мужчиной, он бы сопротивлялся. Но следов борьбы Ретт не нашел. Его могли обезглавить посмертно?

– Исключено.

Виктор вновь кивнул, сверяясь с записями.

– Значит, его чем-то накачали. Наркотиком или снотворным. Но Ретт не обнаружил ничего в крови. И следа от укола на теле не было.

– Все так, – подтвердил я. – След от инъекции могли повредить, когда тело вытаскивали из воды багром, но вряд ли он был.

– Тогда что? Чем-то надышался?

– Думаю, препарат попал в организм с едой. Или, скорее, с питьем. Слизистая оболочка пищевода была раздражена.

– Ретт ничего не нашел ни там, ни в желудке. Предположил, что причиной раздражения был алкоголь.

– Погибший много пил? – уточнил я. В медицинских записях об этом не было ни слова.

– Немало. В определенных кругах он был известен разгульным образом жизни, – Виктор внимательно посмотрел на меня. – Ладно, док, колитесь. Я вижу, у вас есть версия.

– Хлороформ.

– Можете это доказать?

– Содержимое желудка указывает на то, что барон умер спустя час-два после последнего приема пищи. Хлороформ быстро выводится из организма, и его концентрация в крови или на слизистых могла к тому времени быть слишком низкой для обнаружения. Вероятно, именно поэтому ваш специалист ничего не нашел. Но анализ жировых тканей печени показал другие результаты.

Я хотел было сказать, что удивлен, почему полицейский патолог не провел анализ, но вспомнил замечание Эйзенхарта о местных студентах, и многое стало понятно.

– Значит, кто-то подлил лорду Фрейбургу хлороформ в вечерний чай...

– В спиртное, которое тот выпил за ужином, – поправил я Эйзенхарта. – Хлороформ бесследно растворяется в этаноле, но не в воде. Сладкий бренди после ужина или гайст [2]

, чтобы скрыть привкус.

Виктор кинул на меня странный взгляд.

– Вечно забываю, что змеи все воспринимают буквально. Значит, кто-то подлил барону хлороформ в бренди, после чего оттащил на лесопилку, где лишил его головы... В чем я теперь не прав?

Я вынул одну из фотографий из-под руки Эйзенхарта и указал на нее.

– Посмотрите на срез. Для дерева используют пилы с крупными зубьями. Ими получается пилить гораздо быстрее, но они оставляют после себя грубый пропил с рваными краями. В вашем случае срез почти идеален. Даже ножовка для металла оставила бы более заметные следы. Это сделали не на лесопилке.

– Тогда где?

– В больнице, морге... На скотобойне.

– На скотобойне, говорите, – Виктор вздохнул. – Дело понятнее не становится.

Наконец мне принесли суп, и я отвлекся на еду. Однако не настолько, чтобы не заметить, как мой собеседник нервно тарабанит пальцами по столу.

– Рассказывайте, – велел я. – Ваша очередь.

Он будто ждал моего сигнала.

– Барон Ульрих Эдуард Фрейбург – последний из своего рода...

– Кстати говоря, как его опознали?

Этот вопрос интересовал меня с тех пор, как я откинул простыню с трупа. Голову ведь так и не нашли. Особых примет на теле не было.

– При нем остались все его вещи, кроме фамильного перстня. Письма и визитные карточки размокли, но на визитнице была гравировка, а на одежде – именные метки. В личности у нас сомнений нет, – пояснил Эйзенхарт и вернулся к рассказу. – Как я упомянул, барон – последний из Фрейбургов. Братьев и сестер у него нет, отец погиб вскоре после его рождения, мать умерла около двух лет назад. Родился и вырос в Гетценбурге. Последние пять лет провел в кабаках, опиумных денах, борделях, подпольных казино и на скачках. Назовите любой порок и попадете в точку. Само собой, с таким образом жизни он обзавелся бородой из долгов. Еще немного, и барону пришлось бы заложить родовое поместье. Хотя, поверьте на слово, это его не спасло бы. Пусть он из древнего рода, но богатство ушло из их семьи еще до его рождения, – Эйзенхарт задумчиво поболтал остатками кофе в чашке. – В общем, положение его было крайне неблагоприятным, пока он не решил остепениться. Примерно полгода назад он объявил о помолвке с леди Эвелин Гринберг.

– Знакомое имя, – отметил я.

– В каком банке вы держите деньги, док? Лично я, да и большинство жителей нашего славного герцогства, – в «Гринберг и сыновья». Которым владеет отец леди Эвелин, барон Гринберг.

– Из новой крови, полагаю?

Баронские роды, как правило, делились на два вида: старые и бедные либо же богатые и купившие титул при последнем императоре.

– Как ни странно, из старой. Но недавно разбогатевшей. Даже вы должны были слышать ту историю про дедушку леди Эвелин. Нет? Ее дед по молодости влюбился в первую красавицу герцогства. Но, увы, был беден как мышь. Поэтому ее отец Гринбергу отказал. Тогда предыдущий барон поступил не свойственным для аристократа образом: продал имение, городской дворец, все, что осталось от благородных предков, и ушел торговать. Не знаю, было дело в удаче, хватке или даре, но меньше чем за десяток лет его компания превратилась в финансовую империю, а он сам – в одного из богатейших людей страны. Ну и вернулся, само собой. Женился... Однако не будем отвлекаться. Леди Эвелин – младшая дочь нынешнего барона Гринберга и, как вы догадались, завидная невеста. На свадьбу своей старшей дочери барон потратил порядка двадцати тысяч шиллингов. Размер приданого никому не известен, кроме ее мужа, но, учитывая, что у алтаря ее ждал граф Паулет, оно было немаленьким. Леди Эвелин же, вопреки логике, не пользуется возможностью заарканить графа или даже герцога, а обручается с нищим бароном Фрейбургом. Конечно, она и ее брат-близнец считаются *enfant terribles*

[3]

в чинном и благополучном семействе Гринбергов, но эта выходка настолько ошеломила всех, что леди повезло в очередной раз избежать попадания на восемнадцатую страницу

[4]

и... Кстати, вот и она!

Виктор подался вперед. Проследив за его взглядом, я увидел молодую женщину, разговаривавшую с метрдотелем у входа в зал.

– Надеюсь, вы не против, если я приглашу ее присоединиться к нам?

Не дожидаясь моего ответа, Виктор встал из-за стола.

Глава 3

Доктор

Главной чертой младшей леди Гринберг оказалась ее полная, совершенная даже непримечательность. Ее типаж оценил бы выходец с Королевского острова: лишь там человеческая внешность настолько лишена красок, а бледную, почти прозрачную кожу и светлые серые глаза считают признаком неразбавленной крови. В Гетценбурге, который до девятнадцатого столетия принадлежал синеглазым и золотоволосым ганзеатам и куда в последние годы стекались иммигранты со всего мира, леди Гринберг терялась. Она была модно и дорого одета: расшитый зелеными маками костюм дикого шелка, подбитый ханским мехом жакет, охотничья шляпка замысловатого фасона. Но наряд только подчеркивал ее невзрачность.

Самой яркой и самой говорящей частью ее внешности были запутавшиеся в темных волосах желтые перья, знак Элайзы-Канарейки. Канарейки часто встречались в высшем свете. В отличие от других людей, они не получали от своей покровительницы чрезмерную силу или исключительный ум, но от рождения обладали не менее ценной инклинацией: обаянием. В их хрупкости было нечто очаровательное, вызывавшее немедленное желание защитить. Неудивительно, что, подобно канарейкам пернатым, они чаще всего оказывались в положении комнатной птички, украшавшей салон очередного богача.

Виктор отодвинул стул и поспешил закрыть папку с фотографиями тела.

– Прошу вас, леди.

– Впервые вижу полицейского, – проговорила она, принимая приглашение.

Вот голос ее невыразительным нельзя было назвать. На удивление глубокий и хриплый, он не подходил для леди. Впрочем, при ближайшем рассмотрении черты ее лица тоже выглядели слишком грубыми для аристократки. Огромные раскосые глаза, резкие скулы, большой подвижный рот. Они скорее пошли бы дочери мясника.

– И... – она перевела взгляд на меня.

– Доктор Роберт Альтманн, – представил меня Эйзенхарт. – Помогает мне в расследовании. Стоило ей сесте, как метрдотель принес еще один стул, чтобы леди положила на него свертки с покупками.

– Кофе. Черный, – бросила ему вслед леди Эвелин. – Чем я могу вам помочь, господа?

– Для начала расскажите, что вы делали в среду вечером.

– Неужели я стала свидетельницей преступления? – Леди достала из сумочки серебряный портсигар. Покрутила в руках, но не открыла. – В среду вечером, вы сказали? Дайте вспомнить... После обеда я зашла на чай к леди Харден, мы с ней поболтали. Потом решила пройтись по магазинам, тем более что Сара живет в начале Биржевой улицы...

– Простите, – перебил ее Эйзенхарт, – в каком часу это было?

– Около трех.

– Не могли бы вы перейти в своем рассказе к, скажем, часам шести?

Леди Гринберг задумалась.

– Право, не знаю, где я была. Когда гуляешь, не слишком следишь за временем. Помню, что была на Биржевой, но где именно... Подождите!

Она надорвала упаковку на одном из свертков.

– Как раз в среду я зашла в книжную лавку Хубера. Несколько книг из моего списка там не было, пришлось оформлять заказ. Сегодня я их получила. На квитанции должно быть прописано время. – Леди Гринберг передала чек Эйзенхарту и, словно защищаясь, добавила: – Не смотрите на меня так, детектив. Жанр женской литературы может считаться сомнительным, но без него у нас вовсе не было бы прозы. Если бы не первые романы сестер...

– Четверть седьмого, – прочел Эйзенхарт и перевел разговор с литературы на более важную тему. – Куда вы отправились после этого?

– К мистеру Кинну на Охотничьей улице. Хотела заказать у него новый парфюм, и мы разговорились. Вспомнили о времени, только когда зазвонили часы на ратуше.

– То есть без пяти восемь.

Эйзенхарт сделал пару пометок в блокноте и спросил:

– Что было потом, леди Гринберг?

– Зовите меня Эвелин, прошу вас. Что было потом, вам вряд ли будет интересно. Я отправилась домой и по дороге ничего не видела.

– И все же расскажите.

Леди Гринберг пожала плечами.

– Я села на трамвай. Четвертый маршрут идет как раз от перекрестка Охотничьей и Башенного переулка до Каменного моста. Оттуда прошла пешком до дома. Было около девяти вечера. Есть я не хотела, поэтому поднялась к себе в комнату и сразу легла спать.

– После этого вы не выходили из дома?

– В среду? Нет.

– Кто-нибудь может подтвердить ваш рассказ?

Она нахмурилась.

– Мистер Кинн помнит мой визит, я уверена. Моя горничная может сказать вам точно, когда я легла в постель, но вряд ли вы примете ее показания. Вы меня в чем-то подозреваете, детектив?

– Больше никого, кто может сказать, что вы не выходили ночью из дома?

– Я не замужем, детектив. Неудивительно, что я имею обыкновение спать в одиночестве, – с кривой улыбкой парировала она. – А теперь ответьте на мой вопрос. В чем дело?

Эйзенхарт не стал ходить кругами, щадя ее чувства:

– Барон Фрейбург умер.

Я ожидал от леди Гринберг иной реакции. Я был готов к слезам и лихорадочному отрицанию, обмороку и требованиям вызвать врача, но леди Гринберг меня удивила.

– Вы хотите сказать, его убили, – педантично поправила она. На ее лице ничего не отразилось. – Иначе у полиции не было бы интереса к его смерти.

– Боюсь, что так. Вам что-нибудь об этом известно?

– Ничего.

– Вы не знаете, кто мог желать его смерти?

Леди Гринберг не ответила, в глубокой задумчивости глядя на стол перед собой. Эйзенхарт повторил вопрос. Крышка портсигара, который она снова принялась вертеть в руках, громко щелкнула, и леди Эвелин вздрогнула.

– Прошу прощения, – извинилась она. – Видимо, это известие оказалось для меня большим ударом, чем я думала. Вы не возражаете, если я на минуту отлучусь в дамскую комнату? Мне нужно прийти в себя.

– Разумеется.

Виктор проследил, как леди Гринберг скрылась за ширмой на другом конце зала, прежде чем обернулся ко мне.

– Что вы о ней думаете?

– Канарейка. Хотя и несколько обделенная их очарованием.

Инклинация леди Гринберг была под стать ей самой: блеклой. Эйзенхарт смерил меня внимательным взглядом.

– Вы из тех людей, кто судит о человеке по его покровителю, док?

– Мой опыт показывает, что этот метод не хуже других, – не поддался я на провокацию. – Вы считаете иначе?

– Да, – подтвердил Эйзенхарт. – Считаю.

– Почему же?

– Потому что ничего из того, что мы сейчас видели, не сходится с портретом канарейки. Я ничего подобного не заметил.

– Например?

– Она упряма. И откровенно пренебрегает мнением общества. Оглянитесь вокруг, док!

Я последовал его совету и понял, что он имел в виду. Публика в кафе была исключительно мужской. Брокеры и служащие министерств, офицеры и молодые аристократы. Черные котелки и кепи, белые накрахмаленные рубашки, синие мундиры и твид. Прийти в подобную компанию в одиночестве? Скандал для молодой леди.

Тот же скандал, что слышался за коротким «Кофе. Черный».

За время последней войны мир изменился. Когда я отбывал в Альсизар, ужасным конфузом было случайно увидеть щиколотку дамы. Правила приличия исключали любой контакт, кроме танцев, а незамужние девушки не могли выйти из дома без дуэньи. Замужние дамы имели больше свободы, но даже им запрещалось посещать кафе и рестораны, поскольку прием пищи считался слишком личным занятием для женщин. Исключения совершались только для званых вечеров, на которые леди были вынуждены сопровождать супругов.

Табак? Как можно! Кофе? Помилуйте, не для столь нежных и хрупких натур. Разве что самую каплю, разбавленную до белизны молоком и густыми сладкими сливками. Прочее оставьте тем, кто выдержит горечь и крепость. Мужчинам.

Тысяча восемьсот девяносто восьмой, двенадцать лет войны, двенадцать лет без надзора мужчин, и все перевернулось. Современная мода поощряла оголять ноги настолько, чтобы была видна резинка чулок, а сигареты и янтарно блестящий мундштук стали модным женским аксессуаром. Никто не удивлялся, увидев девушку на улице без сопровождения. Откровенный флирт уже никем не осуждался. Зашла даже речь о предоставлении женщинам прав. Но все же...

— Это не комильфо, особенно для незамужней леди, — подтвердил мои мысли Эйзенхарт. — С принятия закона прошло пять лет, и они обязаны впускать дам, но все же кафе «Вест» позиционирует себя как заведение для джентльменов. Если обойти здание, можно попасть в отдельный дамский салон. Насколько я знаю, метрдотель каждый раз пытается объяснить это леди Гринберг, — Виктор широко улыбнулся. — Но она отказывается. Говорит, здешние повара нравятся ей больше. Обедает тут минимум раз в неделю. Иногда со своим братом, иногда с другими спутниками, но чаще одна, игнорируя просьбы бедных владельцев заведения, чью репутацию, по их словам, рушит вместе со своей. А теперь скажите мне, доктор, сколько вы знаете канареек, которых не беспокоило бы чужое мнение?

Я был вынужден признать, что ни одной. Эйзенхарт кивнул:

— Канарейка не пойдет на открытую конфронтацию. Это может отвратить людей от нее, а ничего другого канарейка не жаждет так сильно, как любви и одобрения. Это последнее, что леди Гринберг найдет здесь. Не говоря уже об их легкомысленном щебете...

«Легкомыслие» — пожалуй, последнее определение, которое я использовал бы для леди Гринберг.

— Какие же определения вы бы в таком случае использовали?

— Ум. Расчет. Вы обратили внимание, как она тщательно подбирала слова? И строила свои показания так, чтобы узнать, что именно меня интересует?

— Она просто отвечала на ваши вопросы, — осадил я Виктора. — Не преувеличивайте.

— Но хоть тут согласитесь: ее реакцию на смерть барона нормальной не назовешь!

Я покачал головой.

— Склонен считать, что это шок и сейчас она рыдает в уборной.

— Склонен считать, что леди Гринберг не из тех, кого можно шокировать, — отозвался Виктор и засек время. — Впрочем, на случай, если я ошибаюсь, дам ей несколько минут на слезы. А вам — на оленину. Вы даже не приступили к обеду.

Спустя пять минут Эйзенхарт начал нервничать.

— Успокойтесь, — посоветовал я. — Ей нужно привести себя в порядок. Скоро она к нам присоединится.

Несмотря на мои обещания, леди Гринберг так и не появилась. На столе остывал украшенный сливками бокал: должно быть, метрдотель не услышал слова «черный» в заказе. Спустя четверть часа забеспокоился и я: с леди могло что-то случиться. Эйзенхарт отошел попросить, чтобы кто-нибудь из obsługi проверил дамскую комнату, и вернулся мрачнее тучи.

— Дерьмо! — выругался он. — Одна из дверей за ширмой ведет на кухню. Леди Гринберг воспользовалась ею и попросила выпустить ее через черный ход. Она не первый раз так

делает, поэтому ее провели без вопросов, – он подхватил пальто и направился к выходу. – Собирайтесь, док, нам надо ехать!

– Куда?

– На квартиру к барону!

Глава 4

Доктор

Пока Виктор препирался с портье, утверждавшим, будто потерял ключ к квартире лорда Фрейбурга, я осматривался. Барон снимал жилье недалеко от городского рынка, в районе, который еще несколько лет назад считался пристойным. В отличие от других частей города, доходные дома содержались тут в порядке и радовали глаз недавно окрашенными стенами, мостовые не были скрыты под слоем гниющих листьев, а фонари не щерились на прохожих осколками ламп. Но история оставила свой отпечаток и здесь: последние годы все больше беженцев с материка оседало в империи. Гетценбург не избежал этой участи. По краю рыночной площади ютились деревянные постройки, в которых ночевали продавцы и грузчики с непривычными для местного уха именами, а нижние этажи домов были украшены вывесками на чужих языках. С ностальгией читая колониальную вязь, я не услышал, как Эйзенхарт окликнул меня.

– Пойдемте, – потянул он меня за рукав, умудряясь при этом выглядеть одновременно хмурым и довольным. – Я был прав: из кафе она приехала сюда. Портье сознался, что отдал ей свой ключ. Он знал о помолвке, не раз беседовал с леди, когда та сюда приходила, и не увидел ничего необычного в просьбе впустить ее в квартиру и никому об этом не говорить. Несчастный кретин! Считал, что поступает благородно. Нам на второй этаж. Она еще там, есть шанс узнать, что ей хотелось скрыть от полиции.

Поднявшись, мы дошли до апартаментов с табличкой «У. Э. Фрейбург». К счастью, леди Гринберг не стала запираť дверь.

Комната, в которую мы зашли, при жизни барона служила ему кабинетом и гостиной одновременно. В настоящий момент ее пол был усыпан листами бумаги: кто-то не поленился вывернуть ящики стоявшего у окна секретера и разбросать по полу корреспонденцию.

– Ну и работу вы успели проверить, – присвистнул Эйзенхарт.

Леди Гринберг, которую наше появление застало врасплох, вздрогнула и выронила пачку бумаг.

– Это не я, – огрызнулась она и бросилась их собирать, но детектив ее опередил.

– А кто? Духи? Дайте-ка посмотреть, – Эйзенхарт поднял с пола листок. – Обналиченный банковский чек на предъявителя, выписанный леди Эвелин Гринберг на сумму в двести шиллингов. А это, – выхватил он из рук леди Гринберг следующий, – еще один чек, выписанный той же леди Гринберг на ту же сумму. И еще один... Поздравляю, леди, кажется, мы узнали ваш мотив для убийства лорда Фрейбурга.

– Это не я, – повторила леди Гринберг.

– Он вас шантажировал? Поэтому вы ему платили? Он заставил вас с ним обручиться?

– Да нет же! – она тяжело вздохнула. – Верните чеки, детектив, я все объясню.

– Объясните. В управлении. Незаконного проникновения в квартиру и этих документов будет достаточно, чтобы я задержал вас как подозреваемую.

– Нет.

Голос леди Гринберг прозвучал твердо, холодно и совершенно спокойно.

– Не я убила Ульриха и не я устроила здесь погром. Когда я пришла сюда, нашла квартиру в том же состоянии, что и вы. Проверьте записи портье, там должно быть указано, кто заходил к Ульриху до меня. Барон Фрейбург меня не шантажировал, более того, помолвка

была моей идеей. Но если вы отвезете меня в управление, я ничего не расскажу. А вам придется иметь дело с мистером Норбертом.

Судя по лицу Виктора, перспектива встретиться с лучшим адвокатом герцогства его не вдохновляла.

– Ставите мне ультиматум? – поинтересовался он.

– Вы меня вынудили.

– Хорошо, – Эйзенхарт поднял опрокинутое кресло и уселся в него, – начинайте рассказывать.

Леди Эвелин растерялась:

– Здесь?

– Вы же отказываетесь ехать в управление.

– Но здесь не топили по меньшей мере два дня, – леди Гринберг поежилась. – В доме напротив есть небольшое заведение, где варят отличный кофе, мы не могли бы пройти туда? По дороге заодно спросите у портье, кто еще сюда приходил, убедитесь, что я не вру. Ради всех духов, детектив! Я не собираюсь снова от вас убежать, но это не значит, что я хочу простудиться.

Я был склонен с ней согласиться. Даже мне, человеку, проводившему долгие часы в прохладе морга, было зябко. Что в таком случае говорить о леди, которой пришлось бросить жакет в кафе? Эйзенхарт сдался.

– Так и быть. Доктор, вы не могли бы присмотреть за леди, чтобы нам не пришлось опять гнаться за ней через полгорода? Я пока переговорю с портье.

Я осторожно встретился взглядом с леди Гринберг, но она, казалось, не возражала против меня в роли тюремщика. С невозмутимым видом взяв меня под локоть, леди поспешила вниз по лестнице, задержавшись только у выхода, чтобы Эйзенхарт догнал нас.

– Надеюсь, Симмонс рассказал, кто успел побывать в квартире до меня? – спросила она у Виктора, переходя площадь.

– Никто, леди. До вас в квартиру никто не заходил.

Она нахмурилась:

– Это невозможно.

– Это правда.

Леди Гринберг остановилась и повернулась к Эйзенхарту.

– А в дом? Кто-то мог сказать, что идет в другую квартиру, а потом спуститься к Ульриху.

– Ни сегодня, ни вчера в доме не было никаких посетителей, кроме обслуживающего персонала. Доставка продуктов, белья из прачечной, приходящая уборщица... Все они приезжают постоянно и находятся вне подозрений. Вы первая, кроме жильцов, кого портье выпустил через парадный вход. Надеюсь, у вас есть очень хорошее объяснение.

Глава 5

Доктор

– Я не знаю, как объяснить разгром в квартире Ульриха, – призналась леди, открывая дверь с табличкой на одном из материковых наречий.

Помещение за ней пропиталось запахами пива и кухонного масла. Леди Гринберг, несколько не смущенная обстановкой, кивнула хозяину и, показав три пальца, устроилась за ближайшим столом.

– Садитесь, – похлопала она по скамье рядом с собой, – сейчас нам принесут самый крепкий кофе в городе. Здесь удобно разговаривать: пан Блажей не поймет ни слова, что мы скажем. Мы с Ульрихом заходили сюда, чтобы обсудить дела.

– Вам было что скрывать?

Детектив Эйзенхарт выбрал место напротив леди и теперь сверлил ее полным подозрения взглядом.

– Всем нам есть что скрывать, детектив. Разве я не права? – она почему-то оглянулась на меня.

Ответить Эйзенхарт не успел: принесли кофе. Я сделал глоток и едва не закашлялся: малинового гайста в кружку добавили от души.

– Крепкий во всех смыслах.

– Именно так я всем говорю, – подмигнула мне леди.

– Мы можем наконец перейти от светской беседы к разъяснениям? – раздраженно потребовал Эйзенхарт. – Или нам все-таки придется поехать в управление?

Со вздохом леди отставила кружку.

– Я не знаю, кто был в квартире Ульриха и что он там искал, но знаю, что означали эти чеки. Ульрих не шантажировал меня. Я платила ему жалование, – нехотя призналась она.

– Жалование? За что?

– За то, что он изображал моего жениха.

Это было неожиданно.

– Простите? – удивленно переспросил Эйзенхарт.

– Наша помолвка с бароном Фрейбургом была фиктивной, – повторила леди. – Мне нужен был жених, и я предложила Ульриху исполнять эту роль за деньги.

Мы с Эйзенхартом переглянулись.

– Но, ради всех духов, зачем? Вы богатая, молодая, даже в определенной степени привлекательная особа...

– «Даже»... – пробормотала леди Эвелин. – А вы умеете делать комплименты, детектив.

– Вы легко нашли бы себе мужа, не прибегая к таким уловкам!

– Но я вовсе не искала мужа! – возразила она. – Лишь жениха, и то на время.

За столом повисло молчание.

– Возможно, вам стоит попробовать начать с начала, – предложил Эйзенхарт.

Леди Гринберг достала из сумочки портсигар.

– Моя зажигалка осталась в жакете. Не поможете?.. Благодарю. – Она вернула мне спички и попросила: – Раз вы так добры, доктор, не могли бы вы снять очки? Ужасно отвлекает, знаете ли, когда не видишь глаза собеседника.

Просьба застала меня врасплох. Каждый из духов, благословляя при рождении, оставляет нам не только склонность и дар, но и частицу себя. Кого-то это красит: перья, растущие на голове вместе с волосами, выглядят оригинально и придают определенную изюминку внешности; я также знал не одну танцовщицу, чьей карьере помог пушистый хвостик, доставшийся от Лайлы-Кошки. Другим везет меньше: мало кто хочет жить с оленьими рогами или, в моем случае, со змеиными глазами на человеческом лице. Никто не назовет это уродством – было бы оскорблением духов даже думать в таком ключе, – но, зная о неоднозначной реакции окружающих, я предпочитал скрывать глаза за синими стеклами.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Я же не прошу вас снять перчатки, – резонно заметила она.

Было это случайностью, или леди что-то заметила? Я решил уступить, но предупредил:

– Это не самое приятное зрелище.

– Уверена, вы преувеличиваете... Я же говорила: так гораздо лучше.

Она улыбнулась, и я не сумел удержаться от ответной улыбки. Я не мог сказать, каким именно образом, но манера, с которой держалась леди Эвелин, изменилась. Отстраненная вежливость сменилась искренностью, пусть не всегда любезной. Но это новое лицо леди Гринберг мне нравилось гораздо больше. Затянувшись сигаретой, она начала свой рассказ:

– Мы живем в крайне прогрессивной стране...

– Когда я сказал «с начала», леди, я не имел в виду сотворение мира, – перебил ее Эйзенхарт.

Леди Гринберг его замечание демонстративно проигнорировала.

– Вы все-таки хотите поговорить с мистером Норбертом? Нет? Почему-то так и думала. Как я уже сказала, империя идет на гребне прогресса: мы вторые в мире по объему промышленности, на тридцать лошадиных повозок в Гетценбурге уже приходится два автомобиля, а в столице и все пять, электричество проведено во все дома в крупных городах. Но в то же время женщины не могут голосовать, учиться в университете или

иметь свой капитал. Если женщина замужем, все ее деньги принадлежат мужу; если нет, то откуда ей их взять?! Она не может заключать контракты на суммы, превышающие карманные расходы, не может пойти работать без разрешения отца, который будет получать за нее жалование, а в большинство завещаний вставлена клаузула

[5]

о семейном положении, – она передернула плечами. – Право, какая дикость!

– Да вы феминистка!

– Я женщина, – ответила леди Эвелин таким тоном, будто это все объясняло.

– Считаете, что сами распорядились бы деньгами лучше?

– Конечно. Или вы из тех мужчин, которые считают, что женщина в мгновение ока все спустит на тряпки? В любом случае я распорядилась бы своим состоянием эффективнее, чем мой зять, вложивший приданое моей сестры в бриквайтские алмазные копи. Он бы еще купил акции Южно-Роденийских железных дорог!

– «Экономический вестник империи» давал им самый положительный прогноз, – заметил я. Леди фыркнула:

– Верьте больше газетам! Вместо того чтобы включить мозги, сходить в торговую палату и заплатить шиллинг за просмотр их отчетности. Один только процент представительских расходов делает все очевидным. Южно-Роденийские дороги даже никого не обманывают: люди сами с удовольствием делают это за них. – Леди Гринберг покачала головой и продолжила: – Я возвращаюсь к делу, детектив, успокойтесь. Моя бабушка оставила мне небольшое наследство. Но она выросла и жила в то время, когда считалось, что женщина не приспособлена для ведения серьезных дел, поэтому поставила условие: если к двадцати одному году я не выйду замуж или хотя бы не буду обручена, деньги перейдут под контроль моего отца, пока он не решит, что я достаточно взрослый и, – леди Эвелин скорчила гримаску, – почтенный человек, чтобы распорядиться ими самостоятельно. А он так не решит никогда.

– Поэтому вам пришлось в голову нанять барона Фрейбурга на роль жениха?

Леди Эвелин пожала плечами:

– Если вкратце, то да.

– А еще говорят, что правильное воспитание позволяет укротить преступные наклонности! – проворчал детектив.

– Не забывайте, я выросла в семье банкиров. Вряд ли это можно назвать правильным воспитанием. Пока вы учились ловить убийц, мои родственники изучали тысячу и один способ уйти от налогов.

Увидев, что кофе за столом кончился, хозяин принес нам еще поднос. Пробормотав слова благодарности, леди Гринберг продолжила:

– До меня доходили слухи о долгах Фрейбурга, а у меня были деньги. Полгода назад я решила спросить Ульриха, не согласится ли он оказать мне небольшую услугу, и мы обо всем договорились. Каждый месяц я платила ему определенную сумму, а он в обмен на это выходил время от времени со мной в свет. Мы договорились, что наша помолвка продлится до февраля, чтобы я успела получить наследство. После этого он должен был завести с кем-нибудь интрижку, чтобы дать повод помолвку разорвать, и мы расстались бы, крайне довольные друг другом. Как видите, детектив, у меня не было никакого резона убивать Ульриха. Более того, – с тоской произнесла она, – его смерть мне крайне невыгодна. Если бы его убили месяцем позже!.. Теперь моим планам не суждено сбыться.

– Вам так нужно это наследство, леди Гринберг? Зачем? Насколько я понимаю, вы не стеснены в средствах.

– Это личное.

Эйзенхарт усмехнулся.

– Сколько, вы сказали, вам оставили?

– Немного, – леди Эвелин не выдержала и отвела взгляд. – Возможно, триста...

– Не сходится. Вы уже заплатили лорду Фрейбургу больше этой суммы, – перебил ее детектив.

– Тысяч. Триста тысяч шиллингов.

– Это вы называете «немного»?!

У его возмущения были причины: по меркам обывателя сумма казалась немыслимой. Я посчитал в уме. Мое жалование в университете составляло порядка восьмидесяти шиллингов в месяц, не считая налогов. Такое количество денег я не скопил бы и за пять жизней.

– По сравнению с тем, что получила моя сестра, это немного, – спокойно подтвердила леди Гринберг. – Надеюсь, теперь вы верите, детектив, что у меня не было причин убивать Ульриха?

– Нет.

– Нет?

– Вы слишком много недоговариваете, – пояснил ей Эйзенхарт. – Поэтому – нет, я вам не верю. Но у вас есть возможность меня переубедить. Почему вам так нужны эти деньги?

Леди Эвелин окинула его недовольным взглядом.

– Я хотела уехать в колонии, – отчеканила она.

– Почему? У вас какие-то проблемы в империи?

– Никаких. Просто мою семью легче любить на расстоянии.

– Для этого не обязательно переселяться на другой конец света.

Леди Эвелин пожала плечами:

– Возможно, переезд на другой континент – немного кардинальное решение этой проблемы, но едва ли оно квалифицируется как преступление.

Черкнув что-то неразборчивое в блокноте, Эйзенхарт задал следующий вопрос:

– Почему именно барон Фрейбург?

– Я вам объяснила. Всему свету известно, что барон на грани банкротства и пойдет на все, лишь бы не продавать поместье. Я решила попытать удачи. Надеюсь, – сузила она глаза, – вы не думаете, будто я питала к нему нежные чувства и решила таким образом завлечь под венец?

Детектив отреагировал без всякого смущения:

– Это одна из версий. Но, раз мы об этом заговорили: почему вы не завлекли под венец, по вашему же выражению, кого-то, кому не пришлось бы платить?

– А почему вы не женаты? – парировала леди Эвелин. – Брак – это сделка. Способ получить социальный статус или финансовую безопасность. К счастью, у меня есть и то, и другое. И потому нет никакой необходимости вступать в подобные отношения.

– Некоторые люди женятся по любви, – заметил Эйзенхарт.

Вместо ответа леди Эвелин затянулась сигаретой.

– Вы могли точно так же разорвать помолвку после получения наследства.

– И оплачивать бедняге бальзам на сердце?

[6]

Я потеряла бы на этом больше, чем выиграла бы. К тому же, что бы вы обо мне ни думали, мне не доставило бы удовольствия обманывать безвинного человека.

Возможно, это заявление произвело бы большее впечатление, если бы леди не упомянула в первую очередь о финансовой стороне дела.

– Хорошо, – сдался Эйзенхарт, – допустим, вы тут ни при чем. Вы знаете, кто мог желать барону Фрейбургу смерти?

– Мы не были близки с Ульрихом. Разумеется, нам приходилось разговаривать, но у нас не имелось причин затрагивать подобные темы. Вам лучше спросить Андрэ... Андрэ Коппинга, сына текстильного магната. Они с Ульрихом были друзьями с детства. Если кто-то сможет вам рассказать об Ульрихе, так это он. Я знаю только... – Она колебалась, но все же решила продолжить: – Я знаю, что некоторые из его кредиторов проявляли нетерпение. Около недели назад мне довелось услышать, как один человек кричал на Ульриха, требуя вернуть ему долг. Он был весьма рассержен.

– Где это было? Вы можете описать того человека?

– Лучше. Он работает в казино здесь неподалеку. Я могу вас туда провести.

Виктор одарил ее тяжелым взглядом.

– Вы ведь знаете, что подобные заведения запрещены законом? Что вы вообще там делали?

Леди Эвелин знала.

– Но у моего брата наступила темная полоса, и он попросил помочь ему отыгаться. Не могла же я ему отказать, – ее губы снова тронула усмешка.

– Отчего он попросил именно вас?

– Мне везет. Больше, чем другим.

Эйзенхарт вздохнул.

– И почему вы еще не за решеткой? – поинтересовался он у леди Эвелин.

– Потому что у моей семьи много денег и хорошие адвокаты, – получил он ответ. – Бросьте, детектив! Половина мужчин в этом городе играет в азартные игры. Но только я признаюсь в этом, чтобы помочь вам в расследовании.

Глава 6

Доктор

Казино располагалось всего в трех кварталах от квартиры барона, но обстановка вокруг не могла отличаться сильнее. Улочка была настолько узка, что на растянутой между домами веревке едва помещались две рубашки. От мостовой шел запах нечистот. Вместо газовых фонарей горели красные бумажные, колониальный символ квартала удовольствий.

– Это место не из тех, что я обычно посещаю, – бросила леди Эйзенхарту. – Поэтому я не назову вам имени человека, требовавшего с Ульриха долг. Но, если увижу, покажу.

На стук в дверь покосившегося здания вышел мужчина восточной наружности. В его глазах мелькнуло узнавание, когда он заметил леди Эвелин.

– Со мной еще двое, – просунула она в ладонь охраннику несколько купюр. – Надеюсь, это не проблема?

Так же молча инец посторонился, пропуская нас внутрь.

Зал был заставлен оттоманками в черно-красных тонах и бронзовыми статуями Рейнара-Лиса, покровителя мошенников и игроков. Стояла дымовая завеса, курительницы наполняли помещение запахом олибанума. В алькове хозяин посадил музыканта с кемендже. Китч как он есть. Прожив много лет в колониях, я не был впечатлен, но представлял, как это виделось жителю холодного Лемман-Клива. Чуждо. Роскошно. Волнующе. Я же отметил тяжелый аромат, доносившийся из-за завешенного шелком прохода, и татуировку на шее подавальщицы. Это заведение было не только игорным домом.

Леди Эвелин присела за стол, где кидали кости. Эйзенхарт встал у нее за спиной.

– Ставка пять пенсов, – предупредила меня леди.

Вскоре я был вынужден выйти из игры: мой бумажник был не бездонным, а леди раз за разом выпадало двенадцать очков.

– Я же говорила, – потянулась она за очередным выигрышем. – Мне везет.

Еще один игрок покинул наш стол; осталось трое. Мне пришлось наклониться к ее уху, чтобы меня было слышно за окружавшим нас шумом.

– Другие назвали бы такую удачу шулерством.

Она повернулась, и серые глаза оказались неожиданно близко от моих.

– Разве такое возможно? – невинно взмахнула она ресницами. – Кости бросает крупье.

– И все же должен предупредить: если продолжите в таком духе, это привлечет внимание.

Она рассмеялась низким грудным смехом.

– Поверьте, доктор, я на это рассчитываю.

Ее тактика принесла плоды. Не прошло и десяти минут, как к нашему столу подошел пожилой выходец из Инья. Бросил пару слов крупье, и тот объявил об окончании игры.

Через несколько мгновений мы остались одни.

– Леди, – косоглазый старик поклонился леди Эвелин. – Вам всегда рады на той половине дома, но играть вам запрещено. Мне казалось, я ясно дал это понять в прошлый ваш визит.

Леди Эвелин улыбнулась ему.

– Но я хотела вас видеть.

– Зачем очаровательной леди компания старика? И вам, детектив? – инец повернулся к Виктору. – Добрый вечер, мистер Эйзенхарт. Давно не видел вас у себя. Пришли снова закрывать мое заведение?

– Мистер Ченг, – Эйзенхарт кивнул. – Как вам известно, я больше не работаю в патруле. Я пришел из-за убийства.

– Чьего?

– Не притворяйтесь, что не знаете. Вам наверняка доложили, что тело барона Фрейбурга нашли в Талле вчера утром.

– Я не имею к этому отношения.

– Мне это сегодня уже говорили.

Слушавшая их разговор леди Эвелин потупилась.

– Я знаю, что барон задолжал вам денег. Ваш человек угрожал ему. Тоже будете отрицать? В голос старика, тягучий и сладкий, словно подсыпали яда.

– Почему я должен отвечать на ваши вопросы, когда могу убить вас, Виктор?

Подобравшись, я прикинул расстояние до мистера Ченга. Безусловно, вокруг было достаточно его людей, но если успеть... Повисшее над столом напряжение разорвал смех Эйзенхарта.

– Не ломайте комедию, мистер Ченг, – ухмыляясь, посоветовал он. – Мне уже не шестнадцать, и я не поведусь на ваши шутки.

– Я должен был проверить, – ослабилась в ответ Ченг. Акцент из его речи исчез. Присев на одну из подушек, инец подобрал под себя ноги. – Барон был мне должен, факт. Мы часто даем в долг клиентам и забираем потом у них вдвое, а то и втрое больше. Фрейбург часто опаздывал с выплатами. Последние полгода ему удавалось возвращать деньги вовремя, как я понимаю, благодаря вам, леди, – поклонился он леди Гринберг. – Но в этом месяце он опять сорвался. Пришлось его припугнуть. Но я не убивал его. С мертвеца денег не возьмешь. Когда я видел его в последний раз, он клялся, что принесет деньги тридцатого. Это заинтересовало Эйзенхарта.

– Он объяснил, почему произошла задержка?

– Уверял, что женился, и храмовые сборы съели все его наличные, но скоро ему снова заплатят. Любопытная история, не так ли? – он склонил голову набок, рассматривая леди Эвелин. – Потому что я не вижу на вас венчального кольца, леди.

Втроем мы вышли из казино и вернулись к дому барона. Поймав там экипаж для леди Эвелин, Эйзенхарт настоял на том, чтобы мы взяли следующий. По дороге домой я не удержался и спросил:

– О чем вы так задумались?

– Заметили выражение лица леди Гринберг, когда она услышала о женитьбе барона? Для нее это стало новостью.

И неприятной. Когда старик обратился к леди Гринберг, на ее лице промелькнула досада. Только вот отчего? Оттого, что барон нарушил их договор? Или оттого, что Эйзенхарт узнал об этом?

– Похоже, никому нельзя доверять, – быстро вернула она тогда на лицо улыбку. – Даже тем, кому платишь.

Вопрос заключался в том, можно ли было доверять ей.

Глава 7

Эйзенхарт

Виктор постучал еще раз и отхлебнул из стаканчика кофе. Либо в квартире никого не было, либо... Дверь распахнулась.

– Что вы тут делаете? И который час?

Оценив шлафрок, Виктор сверился с хронометром у себя на запястье.

– Половина одиннадцатого. Похоже, вы не из жаворонков, доктор.

Ответом послужил хмурый взгляд змеиных глаз. Виктора едва не передернуло. Нет, все-таки леди Эвелин была не права: с очками лучше...

– Я тут проходил мимо и вспомнил, – преувеличенно бодро начал он, – а ведь за время вашего пребывания в Гетценбурге я так и не удосужился устроить вам экскурсию по городу! Мое поведение непростительно, но, надеюсь, вы проявите великодушие и позволите исправить оплошность.

– Полагаю, список местных достопримечательностей совпадет с адресами людей, которых вам нужно допросить по делу барона Фрейбурга?

Очевидно.

– Вот значит, какого вы мнения обо мне, – Виктор широко ухмыльнулся. – Но вы правы. Сегодня меня ждет опрос свидетелей, чай с мистером Коппингом и осмотр возможного места преступления. Не желаете присоединиться?

– Я думал, для этого у вас есть сержант.

– У старины Брэма другое задание. Так вы идете?

В ответе Виктор не сомневался. Как бы его кузен ни пытался убедить других, в Гетценбурге ему было смертельно скучно. Ничего удивительного: после колоний Гетценбург наверняка казался уснувшим королевством, а университет и вовсе никогда не просыпался. Чего Виктор понять не мог, так это почему Роберт, даже отказываясь работать с живыми, не выбрал себе более подходящее место работы.

– Дайте мне десять минут на сборы.

Кузен управился за две – должно быть, сказала армейская привычка. С поправкой на пальцы, само собой.

– Куда мы направляемся сейчас? – жадно потребовал он.

И этот человек еще пытался делать вид, будто помогает против своего желания?

– В бистро на углу Биржевой. Я захватил вам кофе, но выпил его, пока вы открывали, так что угощаю. К тому же вы еще не завтракали. Потом – в парфюмерное ателье. Я проверил книжный магазин мистера Хубера, время с квитанции совпадает с тем, когда леди Гринберг видели там. Хочу узнать, что скажут у мистера Кинна.

В бистро Виктор заказал себе еще кофе. Перед глазами все плыло. Нет, все-таки надо спать побольше...

– Вы все еще думаете, что леди могла отпилить барону голову и сбросить труп в реку? – спросил Роберт, закончив с яичницей. – Мне она не показалась силачкой.

– У нее мог быть поделник. Она могла нанять кого-то, кто убил лорда Фрейбурга для нее.

– В таком случае проверка алиби вам ничего не даст, – разумно заметил кузен.

Виктор поморщился и поставил пустую чашку на стол.

– Не портите мне дело, док! У меня нет никаких зацепок. Никто не знал барона. До совершеннолетия он жил в поместье. Приехав сюда, проводил время в основном в местах, о посещении которых люди стараются не упоминать в разговоре с полицией. Барон посещал пару-тройку приемов в месяц, раз или два в неделю появлялся в клубе, близких знакомств не завел. В его переписке мы не нашли ничего, кроме счетов. Да, у него были долги, но даже если бы мы знали, кому кроме мистера Ченга он задолжал, нам бы с наибольшей вероятностью ответили то же самое: с мертвого нечего взять! – Виктор перевел дух и продолжил: – Никто даже не видел барона в последний вечер его жизни. Поэтому я буду проверять слова леди Гринберг, пусть это ничего не даст. На данный момент она единственная, кого мы можем связать с Фрейбургом.

– Она и мистер Коппинг.

Виктор согласился.

– Надеюсь, хоть он сможет помочь. – Получив счет, Виктор поспешил перетянуть его к себе. – Пойдемте, доктор.

Виктор всегда любил ателье Кинна. За странную смесь запахов, навевавшую мысль о волшебных зельях. За обстановку аптеки: не новомодной, выкрашенной в болезненно-белый цвет, где готовые лекарства доставлялись на кассу по пневмопочте, – а старой, с

деревянными шкафами от пола до потолка, поблескивающим темным стеклом пузырьков и загадочными порошками в подписанных по-латыни банках.

За рабочим столом сидел мужчина лет пятидесяти. Он поднял голову на звон висевшего на двери колокольчика, но взгляд скользнул мимо.

– Добрый день, мистер Кинн, – поздоровался Виктор, подходя ближе. – Детектив Эйзенхарт из полиции.

– Земля, порох и можжевельник, – узнал слепой парфюмер. – Я помню вас, молодой человек. Вы сделали у меня три заказа на Канун года. Эх, молодежь...

Виктор улыбнулся шутке.

– Вы прекрасно знаете, что третий подарок был для Луизы.

– Но для кого тогда предназначался второй?

Для Лидии. Которая наверняка выбросила флакон.

– А вашего спутника я не знаю, – заметил парфюмер.

– Мистер Кинн, это доктор Альтманн, он помогает мне в расследовании. Доктор Альтманн – мистер Кинн, лучший парфюмер во всем герцогстве Лемман-Клив, если не во всей империи. Запомните его адрес, перед праздниками он просто незаменим, – представил их Виктор. – Мистер Кинн, мы могли бы поговорить с вашим сыном?

– С Теодором? Он уехал в Фельс. Мы открываем там еще один магазин, – не без гордости сообщил парфюмер.

– Надолго?

– Десять дней. Тео уехал во вторник, так что должен вернуться в... Дайте подумать...

Следующий четверг.

– Во вторник? Значит, в среду вы были в магазине одни?

– Если не считать Салли, нашей уборщицы. Она приходит по утрам перед открытием.

Плохо. Присяжные не слишком поверят, что старик никогда не спутает по запаху человека.

Но делать нечего.

– Мистер Кинн, в среду вечером к вам заходила леди Эвелин Гринберг?

– Ко мне постоянно заходят леди. Я плохо запоминаю их имена. Если бы вы могли сказать, чем от нее пахнет...

Она проскользнула рядом, пока он держал для нее дверь кэба. Под табаком Эвелин пахла летом: ягодами, сорванными украдкой в саду, и серебристыми охапками полыни, которую срезали под конец июля, сушили, раскладывали по холщовым мешочкам и развешивали в гардеробных. Каждый раз, доставая из шкафа пропахшее ею пальто, Виктор вспоминал детство и залитую солнцем веранду.

– Полынь, розовый перец и что-то из красных ягод. Смородина. Или малина, – заметив у Роберта на лице изумление, Виктор рассмеялся. – Не удивляйтесь, док. Запоминать детали – моя работа.

Мистер Кинн открывал ящики в высоком комод. Виктор знал, что в каждом из них хранится бессчетное количество стеклянных колб: все ароматы, которые когда-либо создавал слепой парфюмер. Для каждого клиента – свой. Никогда не повторяющийся. Доставая то одну, то другую колбу, Кинн открывал каждую и вдыхал хранившийся в ней запах, подолгу прислушиваясь к себе.

– Полагаю, вы имели в виду эту леди, – найдя нужный аромат, мистер Кинн продемонстрировал его. Память не обманула Виктора: на этикетке значилось «Э.

Гринберг». – Помню ее. Интересная молодая девушка. Пришла с одним оригинальным вопросом... Боюсь, я тогда немного увлекся разъяснениями; если бы не часы на ратуше, задержал бы ее дольше приличного.

– Хотите сказать, она ушла от вас около восьми? – уточнил Виктор.

– Может, даже немного позже.

– И вы уверены, что это была именно она? – не удержался от вопроса Роберт.

Мистер Кинн не обиделся. Многие сомневались в его даре.

– Никаких сомнений. Глаза, уши... Все это может подвести. Но нюх, – парфюмер слегка постучал себя по носу, – не обмануть никогда.

За время, проведенное в магазине, на улице начал капать холодный ноябрьский дождь. Виктор остановился на крыльце и полез в карман за сигаретами. Кузен встал рядом, с жадностью глотая свежий воздух.

– Алиби леди Эвелин выглядит довольно достоверным, – издали начал он.

– Похоже на то, – откликнулся Виктор.

– Вы не выглядите разочарованным.

– Потому что я не разочарован. На что вы пытаетесь намекнуть?

– Я думал, вы были бы рады, появившись у вас возможность арестовать леди Гринберг. И, соответственно, не рады, не найдя для этого повод.

Виктор ухмыльнулся.

– Вы делаете из меня какого-то изверга. Я хочу узнать, какие секреты она утаивает, а не бросить ее за решетку. И я говорю не про дело барона, – предупредил он вопрос. – Скорее про то, что заставляет ее раз за разом делать странный для нормального человека выбор.

– Если вы про фальшивую помолвку, то мне ее аргументация показалась вполне адекватной, – Роберт тоже достал портсигар. – Некоторые люди не мечтают о семейном счастье. На мой взгляд, в таком случае фиктивные отношения лучше созданных со скрытыми намерениями.

– Такие люди являются отклонением от нормы. А любое отклонение имеет причину.

– Вы преувеличиваете, – решил поспорить кузен. – Я, к примеру, не имею никакого желания вступать в брак, и никаких причин у меня нет.

Виктор с любопытством на него покосился. Он в самом деле так считал?

– Вы убеждаете себя в этом, потому что боитесь после женитьбы выяснить, что вы такой же тиран, как ваш покойный отец. Не обижайтесь, Роберт, об этом может догадаться любой, кто хотя бы слышал об Уильяме Альтманне. – Ответом Виктору послужило оскорбленное молчание. – Но поскольку леди Гринберг не является вашей сестрой, у нее должна быть другая причина.

Уличные часы пробили двенадцать. Затоптав окурки, Виктор повернулся к кузену:

– У нас есть полчаса до времени, назначенного нам мистером Коппингом. Заглянем кое-куда по дороге к нему?

– Куда?

– В городской храм. Мистер Ченг сказал, что барон жаловался на размер храмовых сборов. Посмотрим, не скажут ли там, кому лорд Фрейбург поклялся в вечной любви и верности.

Глава 8

Эйзенхарт

В первую очередь главный городской храм предназначался тем, чьи духи-покровители жили на земле. Для тех, кто парил в небесах, на самом высоком месте Гетценбурга город построил Птичий павильон, а у холоднокровных было свое святилище возле реки. Впрочем, Виктор не видел в них разницы.

Считается, что, когда в зал входит отмеченное духом дитя, вырезанные из обсидиана на стенах храма тотемы оживают. За Виктором они лишь следили с неодобрением и затаенной враждебностью.

– Что вы здесь делаете? – раздался под сводом купола возмущенный окрик.

Виктор дернул плечом: мало ему давящей атмосферы. Второй причиной, по которой он избегал храмов, были дрозды. Вечные служители духов, стоявшие одной ногой на мосту между мирами. Считавшие само существование Виктора оскорблением.

– Вы! – подошедший жрец практически ткнул Виктора в грудь костлявым пальцем. – Что вы здесь делаете?

– Пришел помолиться, понтифик

[7]

. Что еще?

Неприязнь была обоюдной. Краем глаза Виктор заметил взгляд кузена: удивленный, изучающий. Наверняка Роберт гадал, чем вызвано такое отношение.

– Убирайтесь отсюда, – прошипел жрец.

– Это общественный храм, в котором может находиться любой желающий. Особенно, – Виктор скучающе продемонстрировал прикрепленный ко внутреннему карману пальто значок, – если этот желающий из полиции.

– Вы не имеете права!

– Я имею полное право, – заверил его Виктор. – Барон Фрейбург убит. Мне нужно знать, был ли он женат, и, если был, кто является его вдовой.

– Я ничего вам не скажу.

В самом деле? Казалось бы, даже у религиозных фанатиков должны оставаться зачатки благоразумия...

– В таком случае завтра я приду сюда с ордером на просмотр храмовых книг и обыск всех помещений. Который проведу собственноручно.

Служитель побледнел. Угроза возымела действие. Меньше всего дрозд хотел пускать Виктора в святая святых.

– Мне нужно время на проверку документов.

Виктор сомневался, что открыть книгу и пролистать последние месяцы так уж тяжело и займет больше десяти минут. Но не мог же многоуважаемый понтифик сдаться без боя.

– У вас оно будет, – пошел Виктор на уступку. Слишком сильно давить на жрецов все-таки не следовало. – Надеюсь, выходных вам для этого хватит? Пришлите копии до понедельника. И еще кое-что. – Виктор склонился к уху жреца, игнорируя, как дрозд дернулся от отвращения. – Я хочу увидеть метрику леди Эвелин Гринберг.

– Ее отцу это не понравится, – пробормотал жрец, подтверждая его подозрения.

– Все-таки ордер? А мне казалось, мы договорились. Жду посыльного от вас в понедельник. А теперь позвольте избавить вас от моего присутствия, – Виктор приподнял шляпу в знак прощания. – Пойдемте, Роберт.

Он ожидал, что кузен задаст вопрос сразу, как только они выйдут из храма. Но тот молчал. Пришлось Виктору самому начинать разговор:

– Гадаете, что я натворил?

– Пытаюсь понять, кто является вашим покровителем. Обычно это довольно легко угадывается...

Виктор метнул на него внимательный взгляд. Кузен оказался проницательнее, чем он сначала решил. Во всяком случае, формулировку подобрал верную.

– Никто. Я бездушник.

– Простите?

– Бездушник, – повторил Виктор. – У меня нет покровителя. Нет души. Нет судьбы.

Он посмотрел на выбитую над входом надпись. «Габе и Лос». Дар и судьба, две основы жизни каждого в этом мире. Кроме него. У нормальных людей Судьба определяла, что с ними случится. Сплетала их путь еще до рождения, и духи, глядя на эти пути, выбирали, кого одарить и взять под свою защиту. Выбирали подобных себе: отсюда появилось понятие инклинации, позволявшее по духу-покровителю определить склонности человека. Выбирали и подтверждали свое покровительство на церемонии имянаречения в храме. Судьбу Виктора Лос сплести забыла.

– В день моего имянаречения ни один из духов не признал меня, – продолжил он. – У меня нет дара. Нет защиты. Когда я умру, я не воскресну и не попаду в мир духов. Я исчезну. Родись я пару веков назад, меня бы убили как ворона: помните поверье, что Лос не любит бездушников, и потому они притягивают несчастье? Но мне повезло, так что всего-то нужно перетерпеть их крики, когда приходится сюда зайти. У дроздов я как бельмо на глазу.

– И вы в этом так легко признаётесь? – вырвалось у Роберта.

Судя по выражению лица кузена, он сам был не рад, что задал вопрос.

– Все в курсе. Старший сын начальника полиции герцогства! На церемонию тогда собралась вся местная пресса. Только вы не знали, вы же не местный, – не удержавшись от соблазна, Виктор похлопал его по плечу. – Выше нос, Роберт! Я не болен и не умираю.

Взгляните на это с другой стороны: что бы вы ни сделали, ваша жизнь уже написана Лос. Я свою судьбу пишу сам.

Глава 9

Эйзенхарт

В особняке на Парковой аллее их встретил сам мистер Коппинг. Высокий статный мужчина проводил их в модно обставленную гостиную и теперь ходил кругами по комнате. Кончики его пшеничных усов горестно повисли, и всем своим видом он выражал страдание.

– Это такая трагедия... Я узнал о смерти Ульриха только вчера, когда вы прислали записку... Газеты почему-то не написали об этом...

– Из-за расследования мы пока не хотим афишировать обстоятельства его смерти, – подтвердил Виктор.

Он знал этот тип людей. Знал и не любил. Под утонченной, капризной даже красотой скрывались житейская сметливость и нюх на выгоду. Мистер Коппинг мог нервно заламывать руки, но смерть барона волновала его только потому, что могла нанести урон его репутации.

– Подумать только, в тот день мы сидели в этой самой гостиной... Если бы я только знал! Я бы ни за что не отпустил его...

– Вы видели лорда Фрейбурга в среду?

– Он заглянул ко мне около семи, – рассеянно сообщил мистер Коппинг, вертя в руках каминные часы. – Миссис Роджерс! Велите подать господам чаю!

Неслышно появившаяся в дверях гостиной домоправительница так же тихо удалилась.

– Вы договаривались с ним о встрече?

– Да, мы собирались обсудить скачки. На следующей неделе начинается новый сезон...

Если бы я только знал!..

Мистер Коппинг упал в кресло и в отчаянии обхватил голову руками. Виктор молча ждал, отказываясь участвовать в представлении.

– Простите, никак не соберусь... Ульрих был для меня как брат, которого у меня никогда не было, и потерять его...

– Это большая утрата, – повторил заученную фразу детектив. – Но все же, если вы сумеете ответить на несколько вопросов, вы сможете найти его убийцу.

– Разумеется, разумеется, – мистер Коппинг потер покрасневшие глаза и крикнул: – Миссис Роджерс, когда уже будет этот проклятый чай?!

Он снова встал и подошел к камину.

– Что вы хотели узнать?

– Вы сказали, что барон Фрейбург был у вас в среду. Во сколько он ушел от вас? – начал Эйзенхарт.

– Не помню... Может быть, около восьми? Уже стемнело и начался ливень, если это вам поможет.

– Дождь пошел в половине девятого, – подал реплику молчавший до того Роберт.

Виктор кивнул.

– Он говорил, куда собирается направиться после этого?

– Нет. Я предложил ему остаться в гостевой спальне, но он сказал, что у него еще назначена встреча на девять.

– Вы часто предлагали ему подобное?

– Да. Ульрих... – мистер Коппинг замялся. – У него были некоторые проблемы финансового плана... Иногда у него случались недоразумения с домовладельцами... И не только.

– И вы таким образом помогали ему?

– Да.

– Но не предлагали ему деньги напрямую?

Мистер Коппинг отвлекся от статуэтки пастушки и поднял глаза на Виктора.

– Вы намекаете, что Ульриха убили из-за долгов, и в случившемся есть и моя вина? Потому что я не помог другу, когда тот во мне нуждался? – его взгляд потемнел. – Возможно, так и есть. Мы дружили с Ульрихом, но я ничем больше не мог ему помочь. Мой отец способен вытерпеть сына-бездельника, развлекающего себя мыслями о том, что его стихи когда-нибудь оценят по достоинству. Но если бы я начал давать Ульриху в долг, который, как мы все знаем, он бы никогда не вернул, отец прекратил бы меня содержать.

В комнате воцарилось молчание. Атмосфера в гостиной изменилась, мистер Коппинг отстранился. Весь его вид говорил о неприязни и недоверии.

– Барон Фрейбург говорил, с кем собирается встретиться после разговора с вами?

– Нет.

Холодный тон мистера Коппинга указывал, что тот не собирается больше откровенничать с полицией. И был бы не против получить извинения. Не от Виктора. Постучав карандашом по листу с записями, тот сменил тактику:

– Мистер Коппинг, мне очень неприятно говорить об этом, но кто-то подмешал в питье вашему другу снотворное и, пока он находился без сознания, отпилил ему голову. Еще живому. – Не обращая внимания на то, как меняется от его слов цвет лица мистера Коппинга, Виктор продолжил: – После этого кто-то сбросил тело барона в реку. Мы до сих пор не знаем, каким образом убийца избавился от головы: ее не нашли. Возможно, она все еще в реке, и лицо барона служит теперь кормом для рыб. Поэтому, как бы вы ни относились ко мне и моим вопросам, если вы считаете барона Фрейбурга своим другом, ваш долг – помочь нам найти его убийцу.

Тактика – правильное соотношение пафоса и тошнотворных для нежных творческих натур деталей – сработала. Несмотря на сквозившее в его голосе презрение, мистер Коппинг соизволил ответить.

– Когда Ульрих упомянул о встрече, мне показалось, – неудачливый поэт помедлил, – что здесь замешана дама, если вы понимаете, о чем я...

Еще бы она не была замешана. Виктор мрачно подумал об одной конкретной даме, сероглазой и насквозь лживой.

– Леди Гринберг? – спросил Эйзенхарт.

Мистер Коппинг снова замкнулся в себе.

– Как вы знаете, Ульрих с ней обручился, – сообщил он.

– Мы также знаем, что барон Фрейбург не был большим поклонником моногамных отношений, – отозвался Виктор. – Если вы скрываете что-то в попытке сохранить его репутацию, то делаете только хуже.

– Я ничего не скрываю.

– Но не думаете, что барон планировал встретиться в среду вечером с леди Гринберг. Выражение лица мистера Коппинга подтвердило предположение Виктора.

– Мне неизвестно, с кем собирался встретиться Ульрих тем вечером. Возможно, и с леди Гринберг. В конце концов, нет ничего странного в свиданиях между людьми, которые собирались пожениться...

– Но вы сомневаетесь в этом.

– Да, сомневаюсь. Леди Гринберг, безусловно, очаровательна. – Судя по виду, мистер Коппинг сомневался в этом так же, как и Виктор. – Но я всегда думал, что для Ульриха она была только кошельком. Способом оплатить долги.

Коппинг остановил свой рассказ, когда в гостиную вошла служанка с нагруженным подносом.

– Почему вы так считали?

– Когда Ульрих рассказал о помолвке, я очень удивился. Эвелин не в его вкусе, он всегда предпочитал женщин другого типажа. Но, полагаю, деньги остаются деньгами независимо от того, как выглядит их обладатель.

– Какие женщины нравились барону?

Хозяин дома пожал плечами.

– Блондинки. Такие, знаете... – он провел в воздухе волнистую линию, напоминающую очертания женской фигуры. – Где есть на что посмотреть. Сколько себя помню, его привлекали такие.

Звон разбившейся посуды заставил Виктора отвлечься от записей. За время беседы горничная успела расставить на кофейном столике чашки. Одна из них лежала неровной горкой фарфора на оттоманском ковре.

– Миссис Роджерс!

Покраснев от злости, Коппинг позвал домоправительницу. Виктор же продолжал смотреть на девушку, опустившую глаза в пол и вздрагивавшую от страха. Светлые волосы закрывали лицо, а форменная одежда не льстила фигуре, но даже так она была красавицей. И внешность ее относилась к тому самому, описанному Коппингом типу.

«Пресвятые заступники, – с тоской подумал Виктор, – что же вы так плохо защищаете своих детей?»

Неудивительно, что никто ему не ответил. Духи вообще предпочитали не замечать его существования.

Пока домохозяйка распекала служанку, а с ковра сметали осколки, разговор прервался. Когда беспорядок был ликвидирован, мистер Коппинг вновь повернулся к посетителям.

– Прошу прощения за этот конфуз, – в его голосе слышалось раздражение. Все-таки Виктор не ошибся в оценке. – В наше время так сложно найти нормальных слуг. Последняя приличная, если в наши дни еще можно так сказать о прислуге, горничная уволилась пару месяцев назад, и с тех пор агентство присылает таких... – он взмахнул руками. – Боюсь, скоро придется убрать всю мало-мальски ценную посуду, иначе ее лишусь. Понятия не имею, где их обучают...

Заметив, что третью чашку взамен разбитой так и не принесли, мистер Коппинг опять позвал домоправительницу, нажав на висевшую у камина сонетку.

– Миссис Роджерс! Ради духов, разлейте хоть вы этот проклятый чай! И позвоните в агентство, скажите, чтобы прислали новую девушку!

– Вы говорили, что сомневаетесь, будто у барона была назначена встреча с леди Гринберг в вечер среды, – напомнил ему Виктор.

– Ах, да. Но это только мои подозрения. И все равно я не знаю, кто это мог быть кроме нее.

– Вы не разговаривали с ним на эту тему? Многие любят обсуждать с приятелями свои связи.

– После его помолвки это было бы неловко, как вы понимаете.

Последняя часть фразы должна была указать на то, что мистер Коппинг сомневается, способен ли Виктор уловить подобные тонкости этикета. Куда ему.

– Тем не менее он не упоминал в последнее время никаких имен? Женских имен.

Впрочем, учитывая манеры мистера Коппинга, мужские имена Виктор не стал бы исключать.

Коппинг ни на секунду не задумался.

– Только одно. Мари.

– Когда вы впервые его услышали?

– В последний месяц, пожалуй. Не помню точно.

– И вы не спрашивали его, кто это?

– Зачем? – он удивленно посмотрел на Виктора. – Очевидно, что речь шла о леди Гринберг.

– Прошу прощения, – встрял в разговор Роберт. – Разве леди Гринберг зовут не Эвелин?

– Ее полное имя – Мария Доротея Эвелин Гринберг, – пришлось Виктору пояснить. – Я не слышал, чтобы ее так называли, но барон Фрейбург вполне мог сократить ее имя подобным образом.

– Я могу рассказать вам еще что-то о том вечере, детектив? – поняв, что неловкая тема осталась позади, Коппинг повеселел.

Вряд ли. Что там могло быть еще? Стопан виски, обсуждение лошадей, поданный слугой плащ.

– Расскажите лучше о самом бароне. Насколько я понимаю, вы хорошо его знали? – Снова прочитав на лице Коппинга, что он лезет не в свое дело, Виктор добавил: – Это не праздное любопытство. Иногда знание личности жертвы становится ключом к разгадке. А вы очень проницательны...

Грубая лезть подействовала.

– Мы с Ульрихом выросли вместе... – нехотя начал Коппинг. – Мой отец купил в свое время земли по соседству с замком Фрейбург. Он до сих пор живет там, когда дела не зовут его в город. Мать Ульриха не была рада продаже этих земель, и тем более тому, что их купили люди без титула, но у нее не было выбора: баронат не приносил денег. Со временем она свыклась с нашим присутствием. Стала даже наносить нам визиты. Держалась, будто не баронесса, а герцогиня!..

– Тогда вы подружились.

– Да. Во Фрейбурге Ульрих был единственным ребенком. Полагаю, поэтому баронесса разрешила наше общение. К концу первого лета я стал проводить в замке больше времени, чем у нас дома. Мы облазили его сверху донизу, – усмехнулся воспоминаниям Коппинг. – Искали на чердаках привидений... Фрейбург, знаете ли, был ужасно заброшен. Такой простор для воображения! Нам казалось, что в каждом углу, за каждым гобеленом прячется если не сундук с потерянными сокровищами, то какой-нибудь призрак, пылающий жаждой мести. Глупо, конечно... Но для детей это было удивительное место. Потом наступила осень, и нас разослали по школам. А на зимние каникулы мой отец пошел на ответную услугу и пригласил Ульриха к нам в городской дом. С тех пор мы были неразлучны.

– Каким он был?

– А какими бывают дети? – ответил вопросом на вопрос Коппинг. – Непоседливым. Любопытным. Совершенно задавленным своей матерью, но я его не виню. Леди Фрейбург была совершенно ужасным существом, да упокоится она в мире духов. Постоянно несла что-то о титуле и долге, который он с собой несет. О том, как должен вести себя барон, о предках, чье имя Ульрих ни в коем случае не должен посрамить, о том, как Фрейбурги правили этой землей какое-то несметное количество веков, и прочий архаичный бред. Как будто там было чем править! – Коппинг издал сухой смешок. – Не говоря о том, что времена феодалов, которые обязательно должны наплодить побольше сыночков для поддержания династии, давно миновали.

– Значит, барон Фрейбург мало походил в детстве на того, каким был незадолго до своей смерти?

Мистер Коппинг незаинтересованно пожал плечами.

– Все мы взрослеем, детектив.

– Некоторые из нас не меняются настолько сильно, – возразил Виктор. Про себя он был уверен. Хотя Луиза на это сказала бы, что он просто не повзрослел... – Когда это случилось? Была какая-то особая причина?

– Боюсь, не смогу вам сказать. После школы я отправился в саббатикал [8]

и провел около двух лет на материке. Когда вернулся... Скажем так, к тому времени Ульрих стал тем человеком, который вам известен.

– Вас это не удивило? Вы никогда не спрашивали, что с ним случилось за эти два года?

– Нет и нет, детектив. Я могу быть вам еще чем-то полезен?

Коппинг явно давал понять, что разговор окончен.

– Сколько слуг работает в вашем доме?

Вопрос заставил хозяина в удивлении остановиться.

– Я хотел бы с ними поговорить, – пояснил Виктор. – Если вы часто приглашали барона Фрейбурга, они могли что-то знать о нем. Возможно, кто-то из них владеет информацией, которая помогла бы расследованию.

– Сильно в этом сомневаюсь, но... – Коппинг махнул рукой. – У меня работают миссис Роджерс, домоправительница; кроме нее, кухарка, горничная и мой камердинер. К сожалению, вам не удастся опросить их всех. Кухарка недавно сломала ногу, агентство как раз подбирает замену, – он потемнел лицом. – Право, с этими слугами такая морочка! А уж с хозяевами... Виктор выдавил из себя положенные в этом случае слова сочувствия. Кивнув, Коппинг дернул за шнур сонетки и велел миссис Роджерс помочь. Вскоре Виктор оказался за кухонным столом. Напротив сидели миссис Роджерс, мистер Малкольм Тейт,

тот самый камердинер, которого Виктору не довелось увидеть раньше, и горничная со все еще красными щеками.

– Что бы вы могли сказать о бароне Фрейбурге? – переписав их имена в блокнот, Виктор начал с простого.

Ответила за всех экономка, занимавшая благодаря должности и характеру главенствующую позицию:

– Он был другом хозяина.

Сухопарая дама неодобрительно посмотрела на Виктора, всем своим видом показывая, что больше ей нечего сказать. Несмотря на приказ хозяина отвечать на вопросы полиции, она явно не собиралась раскрывать секретов.

– Кто-нибудь из вас говорил когда-либо с ним?

– Барон Фрейбург был из другого класса, мистер...

– Эйзенхарт, – подсказал ей Виктор.

– У него не было никакого резона общаться со слугами, если только ему что-то не требовалось. Но едва ли это можно назвать разговором.

Горничная попыталась заикнуться о чем-то, но миссис Роджерс смерила ее суровым взглядом.

– При всем моем уважении, нам совершенно нечего сказать о бароне полиции. Кроме того, что барон был настоящим джентльменом.

Эйзенхарт задумчиво посмотрел на нее и согласился. Иного она сказать не могла. Повезло Коппину с домоправительницей...

– Что насчет вашей кухарки?

– Миссис Симм? Она сейчас у родных в деревне, мистер Коппинг был настолько добр, что не стал ее увольнять. Там она сможет получить достойный уход и лечение.

– Я бы хотел допросить ее тоже.

– Уверяю, она ничем не сможет вам помочь, – оскорбленно произнесла домоправительница.

– Верю, – Виктор обезоруживающе улыбнулся пожилой женщине. – Но мое начальство должно знать, что расследование проводилось добросовестно.

– Я дам вам ее адрес, – отозвался камердинер. Покопавшись в кухонном шкафу, он достал адресную книгу и переписал из нее данные.

Хорошо. Иначе пришлось бы писать запрос в агентство, а переписка потребовала бы времени. Попрощавшись со слугами, Виктор предпочел выйти через черный ход. Завернул за угол, не просматривавшийся из окон, и остановился, закуривая.

– В чем дело? – не удержался от вопроса Роберт. – Разве нам куда больше не нужно?

Виктор хитро улыбнулся.

– Терпение! Не думал, что вы так увлеклись.

За спиной раздался цокот каблучков, и девичий голос позвал Виктора:

– Сэр! Подождите!

– Я хотел поговорить с ней без миссис Роджерс под боком, – объяснил Эйзенхарт кузену. – Потому забыл у Коппина шляпу. А она, умница, вызвалась меня догнать, – он обернулся к настороженно остановившейся девушке. – Лиза, не так ли?

– Да, сэр, – она сделала неловкий книксен.

– Вы хотели что-то сказать там, на кухне. Что?

– Он ведь все равно меня уволит? – девушка смотрела прямо, ожидая честного ответа.

– Мне очень жаль.

Она вздохнула.

– Так и думала. Никто после Этты у него не задерживался. А я мало того, что перед гостями опозорила, так еще вторую чашку за день разбила.

Ее кончик носа покраснел, словно она собиралась заплакать.

– Друг хозяина, барон Фрейбург, он... не был джентльменом, – она с трудом подбирала слова, будто ей было неловко говорить на эту тему. – Он... хотел от горничных большего. Вечная, но от того не менее грязная история.

– Он приставал к вам?

– Да, – еле слышно прошептала Лиза, сжимаясь от страха. Румянец на ее щеках проступил сильнее. – И не только ко мне. Предыдущая служанка рассказывала. Она из-за этого сама ушла, не стала дожидаться, пока хозяин уволит.

– Как ее звали?

– Анни.

Не Мари. Жаль, было бы проще.

– Мистер Коппинг часто увольняет горничных? – спросил Виктор.

– В последние месяцы – да. В агентстве ходят слухи, что чуть ли не шестеро с Этты сменилось. Это включая меня, сэр.

– Кого-нибудь из них звали Марией?

– Не знаю, сэр. Вам нужно спросить в агентстве. – Предвещая вопрос, она продолжила: – «Эдвардс и Харпер», сэр. Это у Семи Лестниц.

– А Этта? Откуда вы о ней знаете?

– Миссис Симм рассказывала. Она ее порекомендовала хозяину, все жалела, что та ушла. Они с ней сработались, как-никак не один год вместе прослужили.

– Миссис Симм не упоминала, из-за чего она уволилась? Возможно, что тоже из-за барона?

– Нет, сэр! Этта собиралась замуж, то ли за бакалейщика, то ли за зеленщика. Миссис Симм все переживала, что из господского дома да в жены торговца, вот я и запомнила, – Лиза горько усмехнулась.

Будто это было хуже жизни бесправной служанки.

– Спасибо, – поблагодарил ее Эйзенхарт и, покопавшись в карманах, выудил визитную карточку. Написал на обратной стороне адрес. – Возьмите. Если будут проблемы с поиском работы, обращайтесь, – протянул он ее девушке, но наткнулся на недоверчивый взгляд исподлобья. – Это моя мать. Она леди и не причинит вреда даже мухе, не то что человеку. Если она не сможет принять вас на работу, найдет хорошее место.

Проследив, как Лиза вошла в дом, Виктор втоптал очередной окурочек в лужу и запрокинул руки за голову.

– И ни одной зацепки до сих пор! Если не считать еще нескольких фактов, которые можно трактовать против вашей дражайшей леди Гринберг.

– Вы продолжаете думать, что это она убила барона? – откликнулся Роберт.

Рыцарь в змеиной шкуре, готовый броситься на защиту дамы. Виктор улыбнулся своим мыслям.

– Нет, хотя не отрицаю такой вероятности. На самом деле я бы сказал, что рассказ Коппинга скорее в ее пользу. Во-первых, имя Мари. Коппингу было неизвестно о соглашении между леди Эвелин и бароном, но, если леди Эвелин нас не обманула, сомневаюсь, что барон стал бы называть ее ласковыми именами. Во-вторых, время свидания. Женщине круга леди Эвелин гораздо удобнее назначить тайное свидание с пяти до семи, когда ей положено наносить визиты или прогуливаться по магазинам и ее отсутствие пройдет незамеченным. Девять часов обычно выбирают женщины, которые не будут против, если кавалер останется у них на ночь.

– Поэтому вы собираетесь искать таинственную Мари среди уволившихся служанок? – с сомнением уточнил Роберт.

– Должен же я с чего-то начинать. Я не могу спросить каждую Мари в Гетценбурге, спала ли она с бароном и не с ней ли он собирался встретиться перед смертью.

– Знаете, что меня беспокоит? – начал кузен, выходя за Виктором на Парковую аллею. – Все следы до сих пор вели к женщинам: сначала к леди Гринберг, теперь к этой Мари. Женщина могла обезглавить барона, но мне трудно представить, что бы она сделала с ним дальше. Дотащить труп до реки, а тем более довести – как бы она это провернула? Только с помощью сообщника. Которого требовалось отыскать.

– Верно, выглядит пока не слишком правдоподобно, – согласился Виктор. – Но, возможно, ей не пришлось его куда-то везти. Помните, что у нас сегодня осмотр достопримечательностей? Продолжим нашу экскурсию на пленэре?

Виктор выступил на проезжую часть и замахал извозчику.

Эйзенхарт

Реддингтон-парк располагался на границе старого города и района, находившего свое место в разговорах приличных людей только как «тот берег». Берег трущоб и работных домов, берег бездомных и наркоманов, берег коптящих фабрик и мусорных свалок. И все это благолепие отделяли от остального Гетценбурга лишь река и узкая полоса болотистой почвы, названная в честь генерала Реддингтона. Виктор бы и не вспомнил сейчас, за какие подвиги беднягу так ославили. Городские власти делали все, что могли, пытаясь облагородить парк, но бесполезно. Из-за почвы мощенные тропинки проседали, из фонарей кто-то опять выкрутил лампы, а в воздухе висел неповторимый фабричный аромат.

– Специфическая обстановка, правда? – спросил Виктор, ковыряя набережную носком ботинка. Один из камней в брусчатке зашатался, поддаваясь.

В одном месте заросли камышей кто-то поломал, земля была испещрена следами ботинок.

– Здесь нашли тело барона? – угадал кузен.

Виктор кивнул.

– Вы не увидите в тумане, но за деревьями находится мост. В народе его давно прозвали Мостом утопленников. В центре в воду не прыгнешь – решетки, высокие ограды, да и полицейские патрули часто ходят. Здесь ничего и никого нет. Потому идут сюда что с этого берега, что с того. Проигравшиеся картежники, нищие, понимающие, что еще одну зиму не протянут, страдающие из-за несчастной любви романтические особы, постаревшие проститутки, которых сводник выкинул из борделя, неизлечимо больные, наркоманы... Все надеются, что обретут покой на дне реки, а вместо этого мы вылавливаем их в камышах. У Таллы темперамент коровы на выпасе, все к берегу пристают. Но не хотелось бы, чтобы вы обошались, Роберт, – предупредил Виктор. – Как говорится, тихие воды глубоки и полны опасностей. С тихими провинциальными городами – так же.

– Не понимаю, о чем вы.

Разумеется. Виктор бы удивился, признайся кузен, что прекрасно знает, о чем речь.

– Просто подумал, что Гетценбург должен сильно отличаться от вашего обычного места жительства. Было бы жаль, если бы вы попали в неприятности только из-за того, что неправильно оценили его. – Виктор улыбнулся, разряжая атмосферу. – Тело барона вытащили из реки здесь, но я привел вас сюда не за этим. Тут все осмотрели, нам искать нечего. Но я обещал вам место преступления, помните? Благодаря вам я его, кажется, нашел.

К паркету жались стеклянные футляры с зажженными свечами. К одному из них кто-то прислонил фотографию молодой девушки с перьями в волосах. Под ногами хрустели зерна овса: дань Дрозду, чтобы облегчить умершему переход в мир духов. Мечущиеся под стеклом огоньки постепенно терялись в окутывавшем вторую половину моста смоге; все отчетливее среди дыма и химикатов чувствовался другой, тошнотворно-сладковатый запах.

– Сигарету, док? – предложил Виктор, доставая из кармана пачку.

Приправленный вишней табак на некоторое время заглушил вонь. Кузен, впрочем, все равно старался не вдыхать полной грудью. А ведь, казалось бы, война должна была его приучить...

– Что находится за мостом? – спросил он в перерывах между вдохами.

– Большие шлахтаусы. Последняя скотобойня, оставшаяся в черте города. К сожалению, она же самая старая. Держитесь, скоро станет легче.

Обогнув стену из кое-как нагроможденных камней, Виктор двинулся по набережной к подъездным воротам.

– Полиция, – постучал он в небольшую дверь рядом с ними. – Открывайте.

Привратник, худой лупоглазый парень, посторонился и пропустил их внутрь. Вид у него был настороженный, как и у рабочего-синду, стоявшего рядом.

– Мне нужно видеть управляющего, – потребовал Виктор, показывая им полицейский значок. – Скажите ему, что это срочно.

Во внутреннем дворе дышалось легче – видимо, теперь они находились не с подветренной стороны. К вечеру людей оставалось немного, только пара рабочих в запачканных фартуках

курила на крыльце одного из зданий, и синду, отошедший к машине-холодильнику, изредка посматривал на посетителей из-под густых ресниц.

– Мистер Глет примет вас.

Сбегавший доложить сторож вернулся. Испуганный – должно быть, влетело от начальства. Просто за то, что принес дурные вести. Стараясь ничего не касаться, Виктор последовал за ним.

В кабинете управляющего было душно и сильно пахло мужским одеколоном. Виктор поморщился: похоже, чтобы избавиться от вони, тот выливал на себя не меньше пузырька в день. Хотя мало кто мог его за это винить: любой предпочел бы духи стоявшему на скотобойне смраду.

– Вы! – с ходу накинулся на них толстяк в дешевом костюме-тройке. – Как вы смеете!

Жаль, на Виктора это не действовало. Слишком многие за двенадцать лет его службы пытались требовать чего-то от полиции.

– В чем, собственно, дело? – спокойно поинтересовался он. – У вас какие-то претензии?

– Претензии?! Мы сообщаем вам о краже, а что делает наша доблестная полиция?

– Что? – Виктору даже стало любопытно.

– Ничего! Проходит три дня, и наконец полиция заваливается ко мне и спрашивает, какие у меня претензии! – круглый человечек кипел от возмущения.

Три дня? А вот это уже интересно.

– Кража произошла в среду?

– В ночь со среды на четверг, – подтвердил управляющий и вновь взорвался: – Будто вы это сами не знаете!

– Не знаем. Мы из другого отдела, – Виктору опять пришлось продемонстрировать значок. – Есть основания полагать, что на вашей территории произошло убийство.

– Убийство?! – управляющий поперхнулся. – Ничего подобного! Такого у нас не происходило! Почему вы...

– Мы считаем, что жертву обезглавили одной из ваших пил, – перебил его Виктор.

Мистер Глет спал с лица.

– В среду... Нас обокрали... Вскрыли шкаф с инструментами... – запинаясь, он достал из нагрудного кармана платок и начал промокать лицо.

– У вас есть список украденного?

– Сейчас... Мы напечатали три экземпляра... Один в полицию... Один в страховую компанию... Один остался у нас...

Виктор забрал протянутый управляющим список, неровно отпечатанный на машинке.

Четыре пилы, два тесака, ножи... Баранья туша и касса с дневной выручкой. За последним пунктом все выглядело довольно случайным, будто взяли для отвода глаз.

– Сколько денег было в кассе?

– Немного, десять шиллингов с мелочью, – уверившись, что в убийстве его больше не обвиняют, управляющий почти пришел в себя. – Все деньги, поступившие до пяти часов, я завожу в банк по дороге домой. Если водитель не успевает развезти все заказы и вернуться до этого времени, он оставляет полученную плату и квитанции в моем кабинете.

Виктор кинул еще один взгляд на список.

– Значит, вы обнаружили пропажу всего этого в четверг утром?

– Так точно, детектив.

– Разве территория по ночам никак не охраняется?

Мистер Глет смутился.

– Боюсь, на это нам не хватило бы денег. Да и не нужно это, – горячо заверил он Виктора, – за всю мою работу здесь не было ни одного происшествия, кроме этого. У нас есть привратник, он приходит к шести утра и уходит в полночь.

– Он ничего не видел?

– Только развороченные замки утром, и сразу же вызвал меня.

Странно. Что там говорил Роберт о времени смерти?

– Мне понадобится допросить его, – сообщил Виктор управляющему.

– Разумеется, – подобострастно согласился мистер Глет. – Это тот самый человек, что привел вас. В ту ночь была его смена. Что-нибудь еще?

Виктор повернулся к кузену.

– Скорее всего, барона убили прямо в шлахтгаусе, где лишнее пятно крови не обратит на себя внимание. Мы можем как-то доказать это?

– Нет, – покачал Роберт головой. – Современная наука способна дифференцировать человеческую кровь и кровь животных по размеру кровяных телец, но этот метод работает только на свежих образцах.

Жаль. Но иначе было бы слишком просто, правда?

– В таком случае больше ничего, мистер Глет. Но если вы вспомните что-то еще, буду вам крайне признателен.

Виктор отдал управляющему визитную карточку, прежде чем выйти во двор.

– Эй, – позвал он сторожа. – Как тебя зовут?

Парень подошел, испуганно поглядывая то на Виктора, то на прячущегося за стеклами очков змея.

– Джек Нолби, сэр.

– В ночь со среды на четверг была твоя смена?

– Да, сэр.

– И ты первым увидел следы взлома?

– Да, сэр. – Ответы его не отличались оригинальностью. – Ворота были открыты, я сразу побежал в «Три метлы», это кабак рядом, и позвонил оттуда господину Глету.

– Что сделал мистер Глет по прибытии?

– Наорал на меня, сэр, – Джек неуверенно улыбнулся. – Потом вместе со мной прошелся по бойне, проверил, что пропало.

– И отправил кого-то за полицией, верно?

– Да, сэр. Меня и Сэма, он как раз приехал.

– Сэма?

Сторож подозвал синду, все еще копавшегося в грузовике.

– Тебя действительно зовут Сэмюелем? – уточнил Виктор, оглядывая его с ног до головы. – Странное имя для чистокровного синду.

Тот белозубо улыбнулся.

– Саиб

[9]

привез моих родителей из колоний. Я родился уже здесь, – сообщил он. В его речи причудливо смешивались местный акцент и по-синдийски растянутые гласные. – Можно сказать, что я больше имперец, чем синду.

– Что случилось с твоим хозяином, что ты оказался на скотобойне?

– Разорился, – синду равнодушно пожал плечами. – Хвала духам, что предки до этого не дожили. Но здесь даже лучше. Еще пара лет, и накоплю денег на гражданство.

– Ты работаешь водителем?

Синду кивнул.

– И это тебя управляющий послал за полицией в четверг?

В темных глазах появилась настороженность.

– Послал он Джека, а мне велел его отвезти. Чтоб быстрее обернулись.

Виктор посмотрел на обоих.

– И кому из вас пришла в голову идея не сообщать в полицию о краже? – медленно поинтересовался он.

Джек Нолби побледнел как мел.

– Мы сообщили в полицию. Нам сказали, что пришлют кого-нибудь, если у них будет время, – заявил Сэмюель, смерив Виктора насмешливым взглядом. – И вот вы приехали. Разве нет?

– Нет, – ответил ему Виктор. – Я думаю, все было иначе. Кто-то из вас решил по дороге, что будет лучше развернуться, не доезжая до участка, и отбрехаться тем, что полиция окончательно загнила, на преступления не реагирует, работать не хочет. В конце концов, все на это жалуются, верно? А второй согласился. Я хочу знать почему.

– У вас есть доказательства? – в почти безмятежном тоне синду с трудом угадывалось напряжение.

– Пока нет. Но когда я съезжу в районное отделение полиции, узнаю, что в книге посетителей ни один из вас не записан. И тогда у меня будут доказательства, а у вас – статья за соучастие в убийстве.

– Убийстве?! – прокудахтал вконец перепуганный Нолби. – Каком убийстве?!

– Украденные у вас инструменты использовались при убийстве, совершенном той же ночью, – вежливо пояснил Виктор. – Так что, будете стоять на своем?

Недолго думая, привратник вышел вперед.

– Вы правы, сэр. Мы не были в полиции. Сэм, – парень сглотнул, – прикрывает меня.

– Джек... – предостерегающе обратился к нему Синду.

– Это я попросил его солгать про полицию, сэр, – храбро доложился Нолби.

– Зачем?

– В ту ночь... Сэм вернулся часов в восемь, да, Сэм? – Синду кивнул. – Мы были на бойне одни, смена заканчивается в шесть, господин Глет уходит еще раньше... Я предложил Сэму сходить пропустить по паре кружек в «Метлах».

– Вы не первый раз так делаете?

– Да, сэр. Я думал обернуться за час-другой, никто бы и не заметил, но...

– Но что? – спросил Виктор после паузы.

– Но он напился, – хмуро закончил Сэмюель. – Ради духов, Джек, если уж начал говорить, рассказывай все! – Он повернулся к Эйзенхарту и продолжил. От раздражения его речь ускорилась, и теперь по голосу его было не отличить от коренного лемманца. – Какая-то дура его бросила, и он решил, что это достойный повод. Через час его так развезло, что мне пришлось тащить его наверх...

– Я снимаю комнату над «Метлами», – вставил пунцовый от стыда Нолби.

– Ну, я бросил его на кровать и поехал к себе. Думал, проспится, утром завтра отопрет бойню, никто не узнает. А наутро – на тебе!

И все же свои проделки им удалось от управляющего скрыть.

– Это все? – поинтересовался Виктор.

Парни кивнули.

– Я побоялся, что купы

[10]

копать начнут, узнают, что меня той ночью на бойне не было, – признался привратник. – И не видать мне работы как своих ушей. Вот и уговорил Сэма подыграть мне, дескать, купы нас отшили. Ну кто мог подумать, что именно в эту ночь такое случится!

Виктор задумчиво согласился.

Действительно, кто...

Глава 11

Доктор

В понедельник дела забросили меня в городской морг. Проведя первую половину дня за осмотром невестребованных тел и отбирая среди них подходящие для танатологических экспериментов, я понял, что нахожусь в квартале от главного полицейского управления Гетценбурга. И решил заглянуть к Виктору.

Без проблем получив пропуск и найдя его кабинет, я с удивлением посмотрел на Эйзенхарта. На Викторе был все тот же костюм, в котором я видел его в субботу, лицо заросло двухдневной щетиной. Везде в комнате лежали архивные папки, на стул для посетителя почему-то поставили кружку с ободком от кофе, а идти приходилось крайне осторожно, чтобы не наступить на разложенные бумаги.

– Выглядите так, словно не покидали участок с тех пор, как мы виделись в последний раз, – поприветствовал я Эйзенхарта. – Разве у вас вчера был не выходной?

– Выходной? – рассмеялся Виктор. – Что это такое?

Он устало потер глаза и продолжил:

– В поселении беженцев случилась небольшая потасовка. Шестеро убитых, сорок человек в больнице, включая нашего присяжного переводчика. Бедняга словил нож в спину, все еще без сознания. И полсотни зачинщиков мы распихали по камерам. Держать их там дольше двух суток без допроса мы не имеем права, а переводчика из столицы пришлют только в среду. Так и живем, – Эйзенхарт хлебнул кофе из второй кружки и взглянул на меня более осмысленным взглядом. – А вы с чем ко мне пожаловали, Роберт?

– Думал пригласить вас на обед, – с сомнением протянул я. – Но, как вижу, я немного не вовремя...

Резкий скрип стула по паркетным доскам заставил меня поморщиться.

– Ни в коем случае! – заверил меня Виктор, поспешно натягивая пиджак. – Обед – это именно то, что нужно. Только... – он с сомнением ощупал свой подбородок. – Вы не будете против, если я покажу вам нашу столовую? Боюсь, у меня немного непрезентабельный вид для ресторана.

Я сомневался, что несвежую рубашку и щетину могли счесть приличным видом даже в здании управления, но предпочел промолчать.

– Есть новости по делу барона Фрейбурга? – спросил я вместо этого, когда мы закончили с горячим и обсудили положенные темы вроде отвратительной погоды и здоровья семьи Эйзенхартов.

– Если под новостями вы подразумеваете личность убийцы, то нет, мы его еще не нашли. – Эйзенхарт пододвинул к себе десерт.

В отличие от меня он отказался от кофе. Через минуту я понял почему.

– Возьмите лучше чай, он не так страшен на вкус, – сочувствующе порекомендовал Виктор. – Из храма не прислали вестей. Если с вечерней почтой ничего не придет, завтра наведаюсь к ним с ордером. Мы проверили девушек из агентства «Эдвардс и Харпер», но ничего не обнаружили: у всех есть алиби, отсутствует мотив, и ни одну из них не зовут Марией... Из горничных мистера Коппинга осталось найти только Этту – кстати, ее фамилия Дэвидсен. Миссис Симм, кухарка, прислала письмо с адресом, но Этта давно съехала оттуда. Поиски, судя по всему, затянутся: в Гетценбурге проживает десяток ее полных тезок, а еще Анетты, Генриетты, Алуетты, Бернадетты, Розетты и прочие. Районный отдел занимается поиском свидетелей по делу о краже со взломом, но, насколько я знаю, пока безрезультатно. Управление также объявило о смерти барона и предложило плату за сведения о последнем вечере его жизни, но никто не спешит нам помогать. Если в ближайшее время не случится прорыв, через неделю-другую отдадим тело барона в храм и признаем дело долгостроем. Нет, мне это тоже не нравится, – перехватил Эйзенхарт мой взгляд. – Но на мне висит еще шесть расследований, у остальных в отделе не меньше. И каждые сутки поступает по новому. Так что бароном мы заниматься будем, но... уже не так пристально. Надеюсь, вас не слишком разочаровала суровая полицейская реальность, Роберт?

Нет. После многих лет службы я представлял, как это происходит. Расследования, будь они в части или в городе, никогда не походили на яркие приключения из бульварных романов. Нудная, монотонная, но необходимая работа.

Ответить мне не дали. Влетевший в столовую Брэмли споткнулся у нашего стола, чудом удержал равновесие и вытянулся по стойке смирно.

– Что случилось? – флегматично поинтересовался Эйзенхарт, допивая чай.

– К вам пришла дама. Сказала, что дождется, и велела не беспокоить вас, но я подумал, вы захотите узнать...

В глазах Виктора на секунду мелькнуло непонятное мне чувство.

– Лидия?

– Нет, сэр. Я не спросил ее имени...

– Как она хотя бы выглядит?

Собравшись с мыслями, Брэмли выпалил:

– Словно ее сбила машина, сэр.

Мы с Эйзенхартом переглянулись. Удивленно вскинув бровь, он заметил:

– В таком случае не стоит заставлять ее ждать. Надеюсь, вы не обидитесь, Роберт, что мне опять придется прервать наш обед?

После кафе «Вест» это действительно становилось традицией.

– Я мог бы пойти с вами, – предложил я. – Если потребуется, я еще в состоянии оказать первую помощь.

Эйзенхарт странно посмотрел на меня. Да, раньше я не высказывал инициативы и не предлагал свою компанию. Но описание дамы пробудило любопытство.

Первым вошел Виктор, но тут же вернулся.

– Шон, хорошенько запомни эту леди, будь добр. И никогда не оставляй ее одну в моем кабинете. В крайнем случае можешь запереть в камере, это я прошу, – он распахнул дверь и посторонился, пропуская меня вперед. – Проходите, Роберт.

– Ну же, детектив, не будьте столь суровы! – донесся из комнаты насмешливый голос. – Доктор Альтманн, рада снова вас видеть!

Леди Эвелин устроилась за письменным столом и, когда мы зашли, промокала ссадины на ногах салфеткой. Увидев нас, леди Гринберг скомкала ее и неспешно опустила юбку, прикрывая колени.

За время нашего отсутствия беспорядка в кабинете прибавилось. На вешалку кто-то кинул пальто, находившееся в плачевном состоянии, на стол вывалили содержимое аптечки, лежавшие на полу документы какая-то добрая душа смела в угол, а на корзине для бумаг висели вконец испорченные чулки.

– Знаете, леди Гринберг, я предпочитаю видеть свой кабинет без разбросанного по нему нижнего белья, – пробормотал Эйзенхарт, со страдальческим видом разглядывая произошедшие с комнатой метаморфозы.

Леди усмехнулась.

– Я учту, – пообещала она.

– Что с вами случилось? Брэмли сказал, вы попали под машину?

– Скорее наоборот, – леди повернулась ко мне. – Вы как раз вовремя, доктор. Не могу понять, как накладывать повязку одной рукой, – она продемонстрировала расшибленный в кровь локоть. – Поможете?

Я собрал со стола бинты и попросил леди Гринберг пересест к окну.

– Так что произошло? – повторил свой вопрос Виктор.

– Кажется, меня пытались убить, – легко призналась леди Эвелин. – А еще у меня украли обручальное кольцо, – добавила она и тут же дернулась. – Доктор, неужели нельзя обойтись без йода?

Я посмотрел на ее пальцы. Действительно, старинное кольцо, хищно сверкавшее гранями бриллиантов при нашей предыдущей встрече, исчезло.

– Нельзя, если не хотите получить заражение. – Я затянул повязку на ее руке и перешел к ногам. – Как вас так угораздило?

– Я бы тоже хотел это узнать, – согласился Эйзенхарт. – Подробнее.

Брэмли, несмотря на предупреждение начальника настроенный менее враждебно к посетительнице, принес той чашку чая.

– Не будет у меня заражения! – запротестовала леди, принимая ее. – И я сама не знаю, что произошло. Последнее, что помню, – я шла по улице, меня кто-то окликнул... После этого я очнулась в карете. Кроме меня, там никого не было, я дождалась подходящего момента и выскользнула из нее.

– На полном ходу? – спросил Эйзенхарт, намекая на ее вид.

– Мне следовало дожждаться остановки? – парировала она. – Это была не больничная карета. И сомневаюсь, чтобы на козлах сидел какой-то милосердный незнакомец, решивший доставить меня к врачу.

– Но, скорее всего, так оно и было. А вы напридумывали себе страстей.

– А кольцо?

Эйзенхарт фыркнул.

– Потеряли. Забыли утром надеть. Специально сняли, чтобы добавить драмы.

– Почему, что бы я вам ни рассказала, вы никогда не встаете на мою сторону, детектив? – поинтересовалась задетая его недоверием леди Гринберг.

– Потому что вы слишком о многом умалчиваете в своих рассказах.

– Если вы хотели, чтобы люди открывали вам свои тайны, вам следовало выбрать другую профессию. Психоаналитика, например, – едко заметила леди, убирая ступню с моего колена. – Хотите, поклянусь своей душой отныне и во веки веков отвечать вам, не обманывая и ничего не скрывая, на все вопросы, кроме одного? Нет, кроме двух. А вы в свою очередь пообещаете не вести себя со мной так, словно я ваш личный враг. Такой расклад вас устроит?

– Что за вопросы? – живо поинтересовался Эйзенхарт, на что леди Гринберг только рассмеялась.

– Нет, детектив, так мы не договаривались. Как только вы узнаете вопросы, вы поймете ответы. – Помрачнев, она добавила: – Но обещаю вам, они не связаны с убийством Ульриха.

Эйзенхарт задумался. Леди Эвелин дала ему время и подняла к губам чашку, но поморщилась и отставила ее на стол. Поскольку с перевязкой ног я к тому времени закончил, а к глубокому порезу на лбу леди запретила прикасаться, я обратил на это внимание.

– Все в порядке? – спросил я у нее. – С помощью кофе здесь можно выколачивать добросердечные признания у преступников, но чай вроде бы не так плох.

Леди улыбнулась.

– Все отлично. Просто... – она рассеянно провела пальцами по губам. – Да нет, ерунда. Я взял ее за подбородок и присмотрелся.

– Виктор, – тихо позвал я Эйзенхарта, – взгляните.

Он подошел к нам.

– Похоже, это был не милосердный незнакомец. Видите ожоги?

Мгновенно посерьезнев, он кивнул:

– Хлороформ?

– Он самый.

– Это меняет дело. Я согласен на ваше предложение. Рассказывайте все, что помните, – велел детектив леди Гринберг.

– Я шла по Монетному переулку, когда меня окликнули... Будто я обронила перчатку или что-то в этом роде...

– Вы видели нападавшего?

Леди Эвелин покачала головой:

– Даже не успела обернуться.

– Голос был женским?

– Нет, – удивилась леди Гринберг, – мужской.

– Какие-нибудь отличительные черты? Акцент, что-то еще?

– Ничего.

– Ладно. Что было потом?

– Я пришла в себя в карете. В салоне никого не было, шторы задернули, поэтому я не видела, куда еду. Выскочила у Угольного, мне повезло, что там старая брусчатка. Шумно, трясет, он не заметил, как я открыла дверь, – леди дотронулась до забинтованного локтя, вспоминая произошедшее. – Оттуда переулками добежала до Диагонали и поймала извозчика, чтобы приехать сюда.

– Удивительное везение, – согласился Эйзенхарт. – Вы не рассмотрели, как выглядела карета, в которой вас везли?

– Обычный наемный экипаж. Черный. Ни герба, ни торгового знака. Возницу я рассмотреть не смогла, – в голосе леди Эвелин сквозило сожаление.

Эйзенхарт потер подбородок. Вернулся отходивший из кабинета Брэмли.

– Вечерняя почта, – он передал детективу стопку конвертов.

На некоторое время в кабинете воцарилось молчание. Эйзенхарт просматривал полученную корреспонденцию, отправляя письма одно за другим в корзину. Леди Эвелин, демонстрировавшая удивительное в свете произошедших событий спокойствие, закурила. А я попытался собрать мысли воедино: какая-то деталь не давала мне покоя. Я не слишком хорошо знал Гетценбург, но был готов поспорить, что...

– Угольный рынок находится недалеко от того берега, верно?

– В двух кварталах от Моста утопленников, если вы про это, – отозвался Эйзенхарт. Какое-то из писем привлекло его внимание.

– Вы думаете...

– Я знаю, – Эйзенхарт протянул его мне.

– Что там? – спросила до этого не проявлявшая большого интереса к нашему разговору леди Эвелин.

– Ваше признание. Вы убили барона Фрейбурга из ревности, – я пробежался глазами по строчкам. – И предсмертная записка, в которой говорится, что вы не способны вынести груз вины и решили оборвать свой жизненный путь там, где совершили преступление.

– Какая чепуха! – леди Гринберг отобрала у меня листок. – Будто кто-то в это поверит!

– Вообще-то написано неплохо, – заметил Эйзенхарт. – Хорошая речь, ни единой ошибки... Письмо отпечатано на машинке, установить авторство по почерку невозможно. Думаю, если бы вы сегодня не спаслись, у нас не было бы оснований сомневаться, кто написал это признание.

Девушка недовольно фыркнула.

– В таком случае я думала о вас лучше, чем вы заслуживаете. Как я могла напечатать это, – леди с брезгливым видом помахала письмом, – если у нас в доме одна пишущая машинка, и она в идеальном состоянии, а здесь половина букв выпадает из строки? Не говоря о том, что любой член моей семьи может подтвердить вам: текст абсурден.

– Вы о том, что, если бы убили беднягу, спокойно жили бы дальше?

– Точно не стала бы бросаться с моста. Одно не могу понять, – успокоившись, добавила леди Гринберг. – На что рассчитывал убийца? Если бы он просто утопил меня, меня могли вернуть с того света. Тогда вся инсценировка оказалась бы бесполезна.

– Только не Канарейка, – возразил Эйзенхарт, вскрывая последнее письмо. На конверте я успел разглядеть храмовую печать. – Элайза никогда не возвращает погибших. Тут он был в безопасности или, по крайней мере, считал так. Роберт, вы подозрительно притихли. Я пытался вспомнить, что напоминало мне это признание. Озарение пришло, когда леди Эвелин упомянула выпадающие из строки буквы.

– У вас остался список похищенных со скотобойни предметов? Не переписанный вами.

Оригинал.

Эйзенхарт внимательно посмотрел на меня:

– А ведь вы правы... – он отрыл среди бумаг нужную и вытянул руку. – Леди, верните письмо.

– Зачем вам?... – она заглянула через плечо детектива и совершенно не подобающим леди образом присвистнула. – Они отпечатаны на одной машинке, верно?

Стоило совместить оба текста, и сомнений не осталось.

– Определенно, – я склонился над столом. – Если вы посмотрите на маленькую букву «н»... Или на букву «Г» здесь.

– Где вы это взяли?

– В Больших шлахтгаусах, – Эйзенхарт снова почесал колючий подбородок. – Интересно... Леди Гринберг, вы не согласитесь проехать с нами по одному адресу? После этого обещаю доставить вас домой.

Мы одновременно подняли на него глаза.

– По какому адресу?

Вопрос тоже прозвучал в унисон. Но если в моем тоне было больше настороженности, то в голосе леди Гринберг слышался азарт.

Детектив улыбнулся. Странно – криво и как-то печально.

– Узнаете.

Глава 12

Эйзенхарт

Машина доставила их в Гласис, недавно застроенный доходными домами район. За время пути на улице начало темнеть – сказывался поздний ноябрь – и дождь вновь забарабанил по крыше.

– Нам сюда, – запрокинув голову, Виктор посмотрел на горящие в сумерках окна. – Брэм, подождешь снаружи.

– Как вы собираетесь попасть внутрь? – поинтересовался у него кузен. – Вряд ли здесь есть портье.

Виктор лишь улыбнулся и продемонстрировал черный футляр с разнообразными крючками. Кажется, ему снова удалось шокировать беднягу Роберта. Зато Эвелин не преминула встать у него за спиной и сунуть любопытный нос в его работу.

– Разве полиции можно пользоваться отмычками?

– Нельзя, – легкомысленно признался он. – Но пока мы найдем владельца или управляющего, можем их упустить. Если вас спросят, – замок щелкнул, и он приоткрыл створку, – дверь была не заперта.

Длинный пустой холл производил мрачное впечатление. Света от единственной лампы, висевшей высоко под потолком, не хватало, и обе лестницы, парадная и черная, тонули в полумраке. Быстро прикинув диспозицию, Виктор попросил Эвелин подождать недалеко от черного входа.

– Отчего у меня ощущение, что вы хотите использовать меня вместо приманки? – задумчиво спросила та, закуривая очередную сигарету.

– Не знаю, – пожал Виктор плечами. – Мнительный характер?

Эвелин смерила его недовольным взглядом, и он едва удержался, чтобы не ухмыльнуться в ответ.

– Я спрошу иначе. Вы хотите использовать меня как приманку?

– Возможно. Надеюсь. Это что-то меняет?

Большинство его знакомых после подобного признания отказались бы. Вместо этого она качнула головой.

– Вы согласились довериться мне. Полагаю, будет честно, если я отвечу тем же. Удачи, детектив, – она шутливо отсалютовала ему. – Буду ждать вас на посту.

– Зовите, если увидите кого-нибудь, – Виктор вложил ей в ладонь полицейский свисток. Они с Робертом поднялись по узкой винтовой лестнице на четвертый этаж и пошли по длинному коридору, сравнивая номера квартир с адресом, полученным от храма. Найдя нужную, Виктор постучал, и доносившиеся из-за двери голоса тут же стихли.

– Полиция! – крикнул он. – Откройте!

В квартире раздался грохот, словно упало что-то тяжелое, и голоса возобновились. Виктор вновь забарабанил по двери.

– Открывайте!

Дверь медленно отъехала в сторону, и они увидели молодую женщину на последних сроках беременности. Блондинка, симпатичная, но слишком тревожным был ее взгляд. Она стояла, опираясь на стену, и нервно теребила переброшенную через плечо косу.

– Что-то случилось?

– Мы полагаем, что в вашей квартире может скрываться преступник. Вы живете одна?

– Что? Я... Да, конечно...

Где-то недалеко хлопнула дверь. Женщина побелела и схватилась за косяк.

– Я должен проверить. Доктор, проследите за мадам, в ее положении нельзя волноваться.

Виктор ужом проскользнул мимо нее в квартиру. Беспорядок, полусобранные сумки. И, как он думал...

– Все в порядке, никого нет, – довольный, он вернулся в гостиную. – Я заметил, что вы забыли запереть дверь черного хода на кухне, и позволил себе сделать это за вас. Боюсь, мы живем не в те времена, когда можно оставлять двери нараспашку. Пообещайте, что не будете больше подвергать себя и ребенка опасности.

– Конечно... Спасибо... – женщине, казалось, было все равно, что ей говорили, в мыслях она была далеко отсюда.

– Позвольте представиться. Детектив Эйзенхарт, главное полицейское управление. Со мной доктор Альтманн, можете считать его нашим консультантом. А это, Роберт...

Он не договорил: за дверью раздался – и внезапно оборвался – женский крик, а последовавшую за ним тишину сменил звук выстрела. Женщина сдавленно ахнула и лишилась чувств.

– Как вовремя... – пробормотал Виктор, бросаясь к двери. – Не спускайте с нее глаз! Перепрыгивая через ступеньку, он сбежал по крутой лестнице. Внизу Брэмли уже заламывал руки арестованному. Из раны на его плече, задетом по касательной пулей, сочилась кровь.

– Напал на леди и попытался ее задушить, – доложил Шон.

Как и ожидалось. Из вежливости Виктор обернулся к Эвелин.

– Я в порядке, – хрипло проговорила она. – Если только сможете мне подняться на ноги... Виктор выполнил ее просьбу.

– Это тот человек, который напал на вас ранее?

Она дернула плечом.

– Не знаю, – слова все еще давались ей с трудом, дыхание шло с присвистом. – Но это определенно тот человек, который напал на меня сейчас.

Эвелин помассировала шею, на которой скоро должны были проступить синяки.

– Вы не отвезете меня домой, детектив? Думаю, двух нападений за один день будет достаточно.

Свою роль на сегодня она выполнила. Виктор поймал ей извозчика и вернулся в квартиру, где хозяйка все еще лежала без сознания на кушетке.

– Вы сумели поймать того, кого хотели? – спросил Роберт, считая у женщины пульс.

Виктор кивнул и пересказал ему случившееся.

– Значит, дело закрыто, мы можем уходить? – поинтересовался кузен после рассказа.

– Машина придет за нами минут через двадцать, не раньше. В этой я послал Брэмли и нашего злодея, – Виктор сунул руку в карман. Опять сигареты кончились, надо было у Эвелин попросить. – К тому же мы сделали только полдела.

Женщина тихо застонала.

– Вы уже приходите в себя, какая радость, – Эйзенхарт отнял у кузена стакан с водой и поднес ей.

– Вы его взяли? – слабым голосом спросила хозяйка.

– Да, мэм, и даже живьем. Вам не стоило так пугаться выстрела, – поспешил он ее успокоить. На лице женщины отразилось облегчение. – Насколько я помню, нас прервали, когда я собирался представить вас доктору, и теперь он изнемогает от любопытства. Доктор Альтманн, позвольте представить вам вдовствующую баронессу Мариетту Фрейбург, в девичестве Дэвидсен.

Женщина на кушетке подобралась.

– Судя по чемоданам, вы куда-то собирались? – спросил у нее Виктор.

Таинственная Мари, на чьи поиски он потратил столько времени, сглотнула и затравленно посмотрела на него.

– Газеты написали об убийстве мужа, и я решила уехать. Я испугалась: вдруг люди, убившие Ульриха, решат навредить и нам, – она дотронулась до своего живота.

– Не думаю, что в этом есть необходимость, – сообщил ей Эйзенхарт. – Ведь мы схватили убийцу. По крайней мере, одного из них.

Ее ресницы испуганно затрепетали.

– Думаете, у него был сообщник?

– Я уверен в этом, – заверил ее Виктор.

– Но это невозможно! – встрял в их разговор Роберт, молчавший с тех пор, как Виктор назвал имя женщины.

– Что именно? – уточнил Эйзенхарт.

– Вместе с телом вы прислали мне медицинскую карту барона. Незадолго до совершеннолетия барон переболел паротитом. Болезнь протекала тяжело, лихорадка длилась больше недели и была осложнена орхитом. После выздоровления домашний врач барона поставил диагноз, который не раз подтверждался другими специалистами. Барон не мог иметь детей.

Глаза Эйзенхарта весело блеснули:

– Разумеется. А иначе зачем, вы думаете, нужно было заставить барона жениться на мисс Дэвидсен сейчас, вместо того чтобы подождать окончания его договора с леди Гринберг? Зачем надо было его убивать? Сядьте! – бросил он леди Фрейбург, порывавшейся что-то сказать. – Так что вы думаете, доктор?

Ответ был очевиден. Даже если ребенок был не от барона, у Мариетты всегда оставался шанс его обмануть. Во множестве пар мужья воспитывают не своих детей и искренне верят, что цвет волос или глаз достался тем от бабушек и дедушек жены. Раз барон так желал ребенка, что поверил, будто случилось чудо и его любовница забеременела от него, он бы с легкостью повелся на эту уловку. Если только внешние отличия можно было объяснить таким образом...

– Кого вы арестовали? – задал Роберт правильный вопрос.

– Того, на кого вы подумали, – Эйзенхарт перевел взгляд на леди Фрейбург.

Смуглую кожу и темные глаза не объяснишь ни дедушками, ни даже вмешательством духов. Должно быть, они познакомились, когда Сэмюэль развозил заказы. Может, встретились на кухне, где кухарка посадила привезшего мясо синдю выпить чаю. Все складывалось. Синду водил автомобиль, в котором можно незаметно перевезти тело. Не чурался мясницкой пилы. У него был доступ к кабинету управляющего и пишущей машинке, на которой отпечатали фальшивое признание Эвелин.

– Я не знаю, о ком вы говорите, – возразила Мариетта под его взглядом.

– Думаю, знаете. И догадываетесь, что я нашел в ванной комнате, пока осматривал квартиру.

Виктор протянул кузену завернутый в платок флакон темного аптекарского стекла.

– Не прочитаете, что на нем написано, доктор?

– Хлороформ.

Виктор кивнул.

– Моя сестра сейчас тоже ожидает ребенка. Первый триместр беременности был ужасен, и я ей горячо сочувствую, но благодаря нему я теперь знаю, что в последнее время хлороформ нередко назначают принимать внутрь при рвоте. Он сейчас, можно сказать, в моде. Вам ведь его тоже прописали от токсикоза? – Вернув себе пузырек, Виктор тщательно проверил, насколько плотно тот закрыт, и положил его в карман. – У вас был мотив и была возможность, мисс Дэвидсен, – обратился он к обвиняемой. – Вас в любом случае будут судить, независимо от того, что вы скажете или не скажете. Но судьба вашего ребенка, как и судьба вашего сообщника, человека, которого вы любите, зависят от ваших дальнейших действий. Подумайте об этом по дороге в управление.

На самом деле Сэмюэлю уже ничего не могло помочь. Но женщине об этом знать было не обязательно.

Глава 13

Эйзенхарт

В полицейской машине Роберт не проронил ни слова. Скупно попрощался и пропал до следующего обеда у Викторовой матушки. Но и там говорил с кем угодно и о чем угодно, но только не с Виктором. Виктор начал подозревать, что вспыхнувший было интерес погас и змей снова отстранится.

После обеда Виктор вышел на застекленную террасу, чтобы не расстраивать матушку, запретившую перед рождением внука прикасаться к сигаретам в доме. Роберт уже был там. Стоял у балюстрады и смотрел на темно-серую воду, когда Виктор начал разговор.

– Они во всем признались. Оба, – сообщил он, безрезультатно щелкая зажигалкой.

Каждый стремился взвалить вину на себя, чтобы хоть один из них остался в живых. И ни одного это не спасет. Виктор кинул бесполезную зажигалку в карман – надо будет по дороге в управление зайти заправить ее. Роберт протянул ему спички.

– Зачем вы мне это говорите?

– А вы не хотите узнать, чем все кончилось? Ладно, – Виктор улыбнулся. – Тогда сделайте вид, что мне нужно перед кем-то выговориться, а вы, как вежливый человек, не можете мне отказать.

Тем более это не было такой уж ложью. Он затаился и начал рассказывать.

– Мариетта Дэвидсен, Этта, как ее все звали, приехала в Гетценбург из деревни. Ее выписала сюда миссис Симм, дружившая в молодости с ее покойной матерью. У Коппинга тогда как раз освободилось место горничной, и миссис Симм сказала, что у нее есть на примете замечательная девушка, способная продержаться в доме мистера Коппинга дольше двух недель. Так и оказалось. Этте нравилась работа в городе: она была неизмеримо легче жизни в деревне, характер хозяина ее не пугал, у ее отчима он был куда хуже. В один прекрасный момент она встретила Сэмюэля Брауна, который привозил на кухню мистера Коппинга мясо. Пока слуга ходил за деньгами, миссис Симм нередко поила парня чаем на кухне. Они начали встречаться, потом стали планировать свадьбу и совместную жизнь, Сэмюэль рассказал, они даже нашли подходящую квартиру, оставалось только скопить денег на церемонию в храме. В конце концов, думаю, они бы поженились и жили долго и счастливо. Но не сложилось. Мистер Коппинг не особо замечал горничную, если только она не допускала ошибок. А вот его другу Этта сразу приглянулась. И если какое-то время ей удавалось избегать барона, то около восьми месяцев назад ее везение закончилось.

Руки в перчатках сжали кованую балюстраду.

– Он изнасиловал ее.

– Нет. Возможно, это назвали бы изнасилованием, если бы Этта была его круга, а не прислужгой. А так барон просто удовлетворил свои потребности, – Виктор горько усмехнулся.

Сколько раз он это видел? Слишком много.

– Это отвратительно.

– Это жизнь, – Виктор приоткрыл окно и бросил окуроч в реку. На террасу влетел порывистый зимний ветер, заставляя поежиться от холода. – Я не смог узнать, кому из них пришла в голову идея отомстить барону. Каждый забирает авторство себе, выгораживая другого. В любом случае, когда Этта узнала, что ожидает ребенка, они поняли, как им следует поступить.

Барон воспитывался матерью, женщиной суровой и придерживающейся старомодных взглядов. По ее мнению, главная ценность Ульриха была в его наследниках, и она тщательно привила барону эту точку зрения. Когда волею Судьбы барон стал бесплоден, он оказался совершенно бесполезен. Это стало для него достаточно тяжелым ударом, но вдобавок его мать, по которой случившееся ударило не меньше, замкнулась в себе, удалилась в поместье и не принимала его у себя. Она отказалась от него, и это ранило барона еще больше. Вы говорили, я зря думаю, будто у каждого отклонения от нормы есть причина. Не согласен. Я считаю, что мы, вырастая в обществе, впитываем его правила. И отказ от этих правил всегда следствие трагедии, заставляющей нас верить, будто мы более не подходим для общества. Случай барона такой же. Усвоенные с детства нормы внушили ему мысль о его никчемности, ненужности, и он начал действовать соответственно. Мистер Коппинг никогда в достаточной мере не интересовался своим другом, поэтому не понял причины произошедших с ним перемен. Этта оказалась куда прозорливее. Когда она пришла к барону и сообщила о своем положении, тот был рад убедить себя, что она говорит правду. Любой больной хоть раз, но мечтал о том, что доктор ошибся. Фрейбург был так счастлив стать, как он думал, отцом, что был готов жениться на матери своего ребенка, пусть она и была простой служанкой. Но сперва требовалось исправить ошибки. На Фрейбурге висело столько долгов, что он не мог позволить себе даже оплатить свадебную церемонию. А ведь он должен был в будущем обеспечивать семью. Леди Гринберг попала к нему как нельзя кстати. Выплачиваемых ею денег хватало на аренду квартиры для Мариетты и ребенка, их содержание и оплату долгов.

Время шло, возлюбленные начинали нервничать. До сих пор они получили неплохую сумму, но главная цель их затеи была другой. По их плану, барон должен был умереть до рождения ребенка, оставив им титул и замок. Знаете, сколько среди торговцев сейчас желающих купить себе благородное имя? Но для этого нужно было завещание – или хотя

бы свидетельство о браке. Фрейбург отказывался от женитьбы до последнего, опасаясь, что леди Эвелин, узнав, разойдется и прекроет ему денежные поступления. Но Эtte удалось его уговорить. Барон не хотел, чтобы его первенец родился бастардом, и две недели назад они втайне обвенчались.

Теперь настала пора приводить в действие главную часть плана. В среду вечером барон отправился к Эtte. Та накормила его ужином и в завершение поднесла ему рюмку отравленной сливовой настойки. Они хорошо рассчитали дозу, барон не умер, но впал в коматозное состояние. Сэмюель в это время должен был подпоить привратника шлахтгаусов и удостовериться, что тот заснет в своей постели и на бойню этой ночью не вернется. После кабака он взял автомобиль и отправился на квартиру к Эtte. Перетащив барона в машину, он вернулся на скотобойню, где довел запланированное до конца. Смыл кровь в слив, имитировал следы взлома, напечатал в кабинете управляющего обличающее леди Гринберг письмо и захватил для отвода глаз кассу и еще пару предметов. Думаю, он сбросил украденное в реку вместе с телом барона.

Этта должна была затаиться. Чтобы никто не связал ее с бароном раньше времени, нужно было найти в квартире барона брачное свидетельство, единственное, что могло вывести полицию на ее след. Мы проверили записи портъе и выяснили, что в четверг Сэмюель Браун из Больших шлахтгаусов привез в пятнадцатую квартиру баранью ногу – помните ту тушу из списка, доктор? – якобы заказанную мистером и миссис Вэзерли. Те, разумеется, о ней понятия не имеют, находясь в отпуске на побережье. Боюсь, когда они вернутся на следующей неделе, их будет ждать неприятный сюрприз. Портъе, отлично знавший Сэмюеля, поверил, что Вэзерли решили вернуться пораньше и попросили заранее наполнить холодильный шкаф продуктами, – думаю, подделанный бланк заказа ему в этом помог. Он дал Сэмюелю ключ от черного хода и не стал следить за ним, решив отсидеться в теплой консьержной. Забросив ногу в пятнадцатую квартиру, Сэмюель спустился к барону и открыл дверь его ключами, вынутыми из кармана перед убийством. Именно он устроил там разгром, который я пытался свалить на леди Эвелин.

Прошло два дня. Наши заговорщики ждали в газетах объявления об убийстве барона, чтобы приступить к следующей части плана. Они полагали, что о трупе, найденном в Талле, еще не сообщили в полицию или что перед приездом патрульных кто-то обчистил тело барона и полиция не смогла еще установить личность жертвы. Выжидая действий полиции, они были удивлены нашему приходу в шлахтгаусы – никто из них не думал, что расследование идет полным ходом и кто-то свяжет скотобойню с делом барона. Тогда они поняли, что пора отводить от себя подозрения. С самого начала они собирались подставить леди Гринберг. Несчастная невеста, из ревности убившая жениха, должна была покончить со своей жизнью на мосту, а полиция получила бы ее признание и растиражировала его по всем газетам. Никто бы не усомнился в вине леди Эвелин, а через некоторое время в городе объявилась бы баронесса Фрейбург, способная предъявить свидетельство о браке и фамильный перстень барона, якобы подаренный ей в честь свадьбы. Мариетта Фрейбург получила бы наследство барона и, продав титул и оставшиеся земли, вновь исчезла, вероятно, чтобы сочетаться браком с мистером Брауном в одной из колоний.

Но все пошло не так. Леди Эвелин сопровождало поразительное везение. Сэмюель Браун бросился искать леди Гринберг сразу после нашего ухода, но та уехала на выходные за город. По ее возвращении он начал за ней слежку и в какой-то момент смог застать ее врасплох и усыпить. Он снял с ее пальца обручальное кольцо, намереваясь потом продать его в ломбард, и засунул ее в заранее арендованную карету, но, прежде чем сумел сбросить ее тело в воду, леди Эвелин сбежала. Справедливо предполагая, что леди Гринберг сразу отправится в полицию, Сэмюель бросился к Мариетте. Между возлюбленными произошла ссора, но все же ему удалось уговорить Мариетту бросить все и немедленно бежать из Гетценбурга, пусть и без денег. Однако в самый разгар сборов – честное слово, в отличие от леди Эвелин им будто сам Пех [11]

палки в колеса ставил – к ним заявили мы с вами. Сэмюель исчез из квартиры через выход на кухне, надеясь переждать наш визит на лестнице и вернуться. Но, когда я запер черный ход и отрезал обратный путь в квартиру, он понял, что стоит только

полицейским проверить лестницу, как он окажется в западне. Он спустился, намереваясь ускользнуть из дома через заднюю дверь, но внизу обнаружил леди Эвелин, женщину, которая привела полицию к ним.

– Вы сказали, что надеетесь использовать ее как приманку, – вспомнил кузен.

Виктор кивнул.

– Я действительно надеялся, что в отчаянии он набросится на нее. Не так просто было бы доказать его участие в первом нападении на леди Эвелин. Она не сумела бы его опознать, а ее обручальное кольцо мы могли у него не найти. Теперь нам не нужно ничего доказывать. Кузен молчал, видимо, ужасаясь подобной практичности. Будто Эвелин что-то угрожало: с ее везением можно было выставить ее перед расстрельной командой, и скорее всего она вернулась бы без единой царапины.

– Сейчас, когда я об этом думаю, кажется, что в их плане было множество прорех, – произнес наконец Роберт.

– Это естественно, – Эйзенхарт достал из кармана пачку. Мало ему зажигалки, еще и сигарета осталась последняя. Когда он их все выкурил? – Они ведь не профессиональные убийцы. Всего лишь отчаявшиеся люди.

– Мне их даже жаль, – признался кузен. – Если кто виноват, то сам барон. Но его никогда бы не привлекли к ответственности. Можно сказать, что общество само подтолкнуло их к убийству.

Те же мысли вертелись в голове у Виктора прошлым вечером.

– В какой-то степени это так, – согласился он. – Я понимаю, почему они решили отомстить барону. Но убить другого человека, чтобы свалить вину на него, – это уже на их совести. На террасе повисла пауза, прерываемая только звуками осеннего дождя, стучавшего по стеклу.

– Что с ними теперь будет? – спросил Роберт.

– Мистер Сэмюэль Браун был признан виновным и отправлен на гильотину сегодня утром.

– А Мариетта?

– Ее оставят в тюремном лазарете до рождения ребенка. Как только он появится на свет, она будет казнена. Ребенок будет помещен в государственный приют под другой фамилией.

– Это ужасно.

Виктор скрестил руки на груди. Холод, которым тянуло из оконных щелей, пробирал до костей.

– Это жизнь, доктор, – глухо произнес он. – И ни вы, ни я не способны ее изменить.

Эпилог

Эйзенхарт

Он мог говорить Роберту что угодно, но иногда Виктор ненавидел себя за невозможность поменять систему.

Сегодня был один из таких вечеров.

Часы на каминной полке пробили полночь. Сна не было ни в одном глазу. Вместо этого он налил себе очередной стакан виски и шатался по дому, сегодня казавшемуся особенно пустым. Не выдержав, Виктор подошел к телефону и снял трубку.

– Соколиная площадь, 22-17, – назвал он телефонистке номер.

Знакомый голос ответил после первого же гудка:

– «Новости Гетценбурга», Лидия Кромме у аппарата.

В самом деле, не могла же она уйти домой. Что ей там делать?

– Это я, Лидс.

– Виктор, – тепла в голосе поубавилось.

– У меня сегодня был особенно поганый день, – пожаловался он ей.

Детектив, ответственный за дело, должен был довести его до конца. В том числе до тюремного двора, куда вывели на рассвете Брауна.

– Мы расстались. Помнишь?

Виктор помнил. Он был в этом виноват.

– Я закрыл дело барона Фрейбурга. Неужели тебе не интересно?

На том конце провода молчали.

– Приезжай, – попросил он. – Я расскажу тебе историю.

Голова быка

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,

в которой доктор переживает несколько покушений на свою жизнь, приподнимает завесу тайны над наукой о смерти и посещает вороний табор.

Глава 1

Доктор

С разворота газеты на меня смотрел мертвец. Учитывая, что я разглядывал полицейскую колонку, где регулярно печатались фотографии как преступников, так и их жертв, в этом не было ничего необычного. Однако лицо этого мужчины было мне знакомо: не далее как вчера, разбирая бумаги на кафедре, я наткнулся на его карту и прилагавшийся к ней портрет.

– Все в порядке, док? – Максим Мортимер, мой собеседник и коллега, зачитывавший вслух статью о последних событиях Капской войны, прервался, увидев выражение моего лица.

– Могу я взглянуть на вашу газету? – попросил я.

Получив листок в руки, я рассмотрел фотографию. Никаких сомнений: на ней был изображен мужчина, в данный момент лежавший в одной из холодильных камер университетского морга. Я даже вспомнил номер, под которым он проходил, – N.N.18990302. Нахмурившись, я пробежался глазами по объявлению.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ!

Яндра Хевель, 1874 г.р., бывший подданный Срема. Рост от 190 см, крепкого телосложения. Глаза голубые, волосы русые. Отмечен Быком. Особые приметы: татуировка в виде буквы «А» на левой ключице.

При наличии сведений о его местонахождении следует немедленно обратиться в главное полицейское управление Гетценбурга, отдел № 4.

Полиция предупреждает, что преступник вооружен и опасен!

Клуб «Дубовая ветвь» ценился за тишину и покой. «Заведение, где джентльмен может отдохнуть от суеты современного мира», – писали о нем в заказных статьях журналисты. Неподходящее место и неподходящая компания, чтобы говорить о работе или знакомстве с трупами. Решение пришло само собой. Избегая вопросов, я велел позвать распорядителя клуба.

– Мне нужно позвонить, – как можно более абстрактно объяснил я свою просьбу. Извинившись перед присутствовавшими, я прошел за распорядителем в телефонную комнату. Дождался, пока степенный пожилой мужчина оставит меня одного, и снял трубку. – Свяжите меня с полицейским управлением, – попросил я телефонистку. – Отдел убийств. К моему удивлению, Виктор не только оказался на месте, но и сам поднял трубку.

– Слушаю вас.

– Это Альтманн, – представился я.

В голосе по ту сторону провода послышалось веселое изумление:

– Роберт? Что у вас стряслось?

– Я звоню по поводу объявления... Яндра Хевель. Вам знакомо это имя?

– Ах, этот, – голос снова поскуливал. – Вам нужен четвертый отдел.

– Только если четвертый отдел занимается расследованием убийств.

– Что вы хотите сказать?

– Что мистер Хевель уже не вооружен и не опасен.

– Он мертв? – уточнил Виктор.

– Давно. Его тело находится в университете вторую неделю. Попытка реанимации назначена на завтра.

– Вы уверены, что это он? – через помехи на линии я услышал, как Эйзенхарт позвал к себе сержанта.

– Уверен. Все совпадает, вплоть до татуировки, кстати, неправильно вами описанной. Эйзенхарт некоторое время помолчал.

– Буду у вас через двадцать минут, – наконец сказал он и отключился.

В дверь телефонной комнаты постучали. Я вышел в холл и обнаружил там Максима со злополучной газетой в руке.

– Я прочел всю страницу, но так и не понял, что вас взбудоражило, – сообщил он.

– Вы не помните его? – я указал на фотографию.

Он посмотрел на нее и перевел полный любопытства взгляд на меня.

– А должен?

– Его тело находится сейчас в нашем морге.

Мой собеседник безразлично пожал плечами.

– Я редко запоминаю их лица. Но в таком случае... – он осекся на середине фразы, но все же я понял, что он хотел сказать.

– Полиция уже в пути.

– Профессору это не понравится.

Мысленно я с этим согласился. Профессор Фитцерей, наш общий начальник, крайне болезненно реагировал на любые попытки посторонних пробраться в его владения, особенно в его отсутствие.

– Мы можем с ним связаться до появления полиции?

– Не успеем, – я покачал головой. – Я должен идти, но вы можете попробовать дозвониться до него.

Взвесив все «за» и «против», коллега проследовал за мной в гардеробную.

– Позвоню ему из университета, – решил он. – Будет лучше, если вам не придется встречать купов в одиночестве.

Глава 2

Доктор

Мы вошли в морг за пять минут до полицейских. Кроме Эйзенхарта и сержанта Брэмли, я увидел мужчину в сером пальто.

– Мистер Конрад из четвертого отдела, – представил его Виктор. – Мистер Конрад возглавляет расследование по делу Хевеля. А это, мистер Конрад, доктор Альтманн, я рассказывал вам о нем по дороге, и... – Виктор перевел взгляд с Максима на меня, ожидая, что дальше церемонию знакомства проведу я.

– Максим Мортимер, ассистент профессора Фитцерея, главы кафедры танатологии.

Эйзенхарт удивленно вскинул бровь.

– Танатолог?

–

Специалист

-танатолог, – педантично уточнил Максим.

Замешательство Эйзенхарта можно было понять. В представлении обывателя танатология недалеко ушла от некромантии, и предполагалось, что служитель столь темного знания должен выглядеть, как положено всякой проклятой душе: мрачным как дрозд, затянутым во все черное и полубезумным. Мортимер с его белокурыми локонами, актерской улыбкой и юношеским обаянием не слишком вписывался в этот портрет. В отличие, видимо, от меня. Моя принадлежность к неблагородной профессии еще ни у кого не вызвала вопросов.

– Мы хотим увидеть тело, – впервые заговорил мистер Конрад.

– Одну минуту.

Я нашел необходимую камеру и с помощью Максима переместил тело на лабораторный стол. Полицейские склонились над ним.

– Это он.

Эйзенхарт согласился с коллегой.

– Как он умер? – поинтересовался Виктор.

– Истек кровью. Колотая рана, нанесенная обоюдоострым лезвием. Пробила бедренную артерию. Вот здесь, – показал я. – Сейчас она, разумеется, зашита – это стандартная процедура перед проведением эксперимента.

– Моя работа, – похвалился Максим аккуратностью стежков.

– Как он попал к вам? – это спросил уже мистер Конрад.

– У университета договор с городским моргом. Раз в месяц мы имеем право набрать из невостребованных тел определенную квоту для экспериментов по реанимации. Этот был в последнем поступлении. Я передам вам сопроводительные документы, они наверху.

– Среди неопознанных тоже? – уточнил полицейский.

– Таких среди невостребованных большинство. Если тело не подходит ни под одно из описаний, высланных полицией, по прошествии должного срока мы можем забрать его. Если есть сомнения, в морг вызывают седьмой отдел. Спросите детектива Эйзенхарта, он знает, как это происходит.

Виктор подтвердил мой рассказ.

– Не представляю, правда, как они упустили Хевеля. Мы разослали всем ориентировку еще в январе, – добавил он.

Полицейский из четвертого отдела помрачнел.

– Будем разбираться. Где его вещи? – задал он следующий вопрос.

Максим поставил перед полицейскими картонку, на дне которой одиноко болтались часы-луковица.

– Это все?

– Все, что было при нем, когда он попал в морг. А что вы ищете?
Эйзенхарт проигнорировал вопрос и со вздохом обратился к коллеге:
– Значит, либо они отправились в мусор, либо...
– Попали не в те руки, – закончил за него мистер Конрад.
– Не обязательно. Если бы он успел встретиться с заказчиком, мы бы услышали. Что, если он оставил их где-то перед смертью?
– Тогда мы этого не узнаем.
– Не обязательно, – повторил Эйзенхарт. – Доктор, вы ведь хотели оживить его?
Я покосился на него.
– Как я говорил вам, только духи способны оживлять. В случае успеха мы можем вернуть мистера Хевеля в мир живых на некоторое время. Пару минут. Возможно, час. Не более. Но и на это шансы невелики.
– Попробуйте. Сейчас, – потребовал детектив.
Вперед выступил Мортимер.
– Подождите! РесURREкция должна проводиться в присутствии профессора. Вы можете подождать...
– Мы не можем, – невежливо перебил его Эйзенхарт. – Государственные интересы и все такое. Но вы можете связаться с профессором и пригласить его присоединиться к нам сейчас.
– Если дело только в этом, мы выпишем подтверждение, что эксперимент был вызван полицейской необходимостью, – добавил мистер Конрад. – Полагаю, это избавит вас от проблем. Думаете, это поможет, Эйзенхарт?
– Точно не помешает, – отмахнулся от него детектив, пытавшийся убедить Мортимера в необходимости провести ресURREкцию немедленно.
После некоторых споров Максим сдался и ушел наверх дозваниваться до профессора, в то время как мне выпала сомнительная честь готовить труп к попытке воскрешения. С помощью побледневшего Брэмли я перетащил тело в соседнюю комнату, обычно запертую и скрытую от посетителей. Мистер Конрад, взглянув, как мы стягивали лежавшее на столе тело ремнями, попросил позвать его, когда приготовления закончатся, и расположился в морге на стуле для посетителей. Эйзенхарт же с выражением откровенного любопытства на лице заглядывал через мое плечо.
– Всегда было интересно, чем вы тут занимаетесь, – признался он, увидев, как я прикрепляю провода к телу. – Значит, будете гальванизировать труп?
– Не только. – Я закрепил последний провод и объяснил: – Стимуляция грудно-брюшного нерва и диафрагмы поможет запустить вновь процессы дыхания, в то время как эти провода должны привести в действие мозговую активность. Но главное не это.
Проверив работу насосного механизма, я достал из холодильного ящика консервированную кровь.
– Теперь вы собираетесь делать ему переливание крови, – прокомментировал Эйзенхарт. – Неужели все так просто?
Я промолчал, устанавливая катетеры. Флакон с бесцветной жидкостью, появившийся из холодильного ящика следующим, вызвал у Эйзенхарта еще больше вопросов.
– Что это? Хлорид кальция? Адреналин?
Я пообещал себе, что не стану на него отвлекаться, пока не закончу, но не сдержался:
– Надеюсь, вы осознаете, что введение такого количества адреналина внутривенно приводит к летальному исходу?

– Правда? Я запомню, – пообещал Эйзенхарт и сделал пометку в блокноте. – В наше время так легко получить на него рецепт... Тогда что это, доктор? Неужели великий эликсир?

[12]

Подготовив все для инфузии, я ответил:

– Не знаю.

Разумеется, такой ответ только подогрел его интерес.

– Как так?

Пришлось начать издалека:

– За историю танатологии было перепробовано множество теорий. Но они ни к чему не привели. Та же гальванизация, о которой вы так презрительно отозвались... Несколько десятилетий назад мистер Юре считал, что подобным образом можно оживить человека, погибшего от удушения или утопления. Разумеется, этого было недостаточно: электрическое возбуждение мускулов приводит только к спазматичным движениям, которыми сейчас не обмануть даже простую публику. Первый настоящий прорыв случился семь лет назад: ученый из Гельветских Кантонов, ваш тезка, кстати, заявил, что узнал, как оживлять безжизненную материю. В его лабораторию попало тело человека, за сутки до того воскрешенного дроздами. Довольно ироничная ситуация: духи велели вернуть его в этот мир после аварии, чтобы спустя день он погиб под копытами понесшей лошади. Тогда впервые попытка реанимации увенчалась успехом: мужчина вернулся на тридцать девять секунд и успел назвать свое имя, прежде чем окончательно ушел в мир духов. После были проведены всевозможные анализы, чтобы понять, чем он отличался от предыдущих подопытных, и в его крови обнаружилось это вещество.

– И вы действительно не знаете, что это за раствор? Вы, должно быть, шутите! Как такое возможно?

Если бы Эйзенхарт подозревал обо всем невозможном, что даровали нам духи, он бы не удивлялся. Увы, бездушнику это было недоступно.

– Это невозможно. Лучшие химики мира бьются над загадкой этого вещества уже который год, и пока их вердикт неизменен: что бы это ни было, оно не может существовать. Ни один тест не смог еще дать определенных результатов. Если не верите, поинтересуйтесь на химическом факультете. Только дрозды знают, что это. Но они связаны клятвой и не могут сказать.

Закончив с насосом, я кинул взгляд на Эйзенхарта: у того был вид мальчишки, которому поведали сказку, и теперь он не знает, верить ей или нет. Я промолчал и не стал добавлять, что уверен: это вещество не имеет материальной, объяснимой природы. Восемь лет я проработал по соседству от шатра дроздов и ни разу не видел в их святилище медицинского оборудования. То, что они делали, как они воскрешали погибших, совершалось по воле духов, а не в соответствии с современной наукой. Оставив Виктора в одиночестве, я вышел в помещение морга.

– Все готово, – объявил я. – Можем начинать. Мортимер еще не вернулся?

Брэмли вызвался сходить за ним, и вскоре мы собрались вокруг стола. Я поместил в стоявший в изголовье фонограф новый восковой валик и отошел в сторону.

– Десятое марта тысяча восемьсот девяносто девятого года, три часа двадцать две минуты post meridiem. Попытка реанимации объекта N.N.18990302, идентифицированного как Яндра Хевель, – продиктовал я аппарату. – Причина смерти: массивная кровопотеря. Эксперимент проводится в присутствии Максима Мортимера, специалиста-танатола, Роберта Альтманна, доктора медицины, а также представителей главного полицейского управления города Гетценбурга: детектива Виктора Эйзенхарта, сержанта Шона Брэмли и...

– Комиссара Альфреда Конрада, – подсказали мне.

– Код процедуры: H42-e.

По моему сигналу Мортимер включил гальванический аппарат. Тело на столе зашевелилось. По мере увеличения напряжения движения становились все более выраженными, а когда стрелка прибора дошла до необходимой отметки, конечности трупа конвульсивно задергались. На его лице ярость, страх и экстаз сменяли друг друга со скоростью молнии. Краем глаза я отметил, как Брэмли сделал резкий шаг назад, едва не задев шкафчик с инструментами, а мистер Конрад посмотрел на труп с отвращением.

– Так и должно быть? – беспокоенно прошептал Эйзенхарт.

– Да, – ответил я ему также шепотом. – А теперь помолчите.

Мертвец выгнулся дугой. Кожанные ремни затрещали, натянувшись до предела, но тут же ослабли: тело тяжело осело на столе. Мортимер выключил аппарат. В повисшей под каменными сводами подвала тишине зазвучало прерывистое дыхание.

– Яндра, – позвал я. – Яндра Хевель, вы меня слышите?

Человек, умерший более недели назад, повернул ко мне голову. На его лице застыло неопределенное выражение: левая половина будто пыталась рассмеяться, в то время как из правого глаза текли слезы.

– Яндра Хевель, – повторил я, – если вы меня слышите, дайте мне знак.

Неуверенно, словно впервые, мертвец кивнул. Я с беспокойством заметил, что его вновь начала бить крупная дрожь. Понимая, что отпущенное нам время в этот раз ничтожно мало и уже близится к концу, я повернулся к полицейским.

– Задавайте свои вопросы. Быстро!

– Где документы, Яндра? – инициативу перехватил мистер Конрад.

Лицо мертвеца исказила гримаса ужаса. С большим трудом он открыл рот и попытался что-то сказать.

– Он... – прохрипел Хевель. – Он придет...

– Где планы, Яндра?

– Он... Деньги... Я должен... Придет...

Хевель издал странный булькающий звук. Его голова запрокинулась назад, стучась о деревянную поверхность стола.

– Кто придет?

– Але... – скорее выдохнул, чем произнес Хевель.

Его затрясло. Снова мы стали свидетелями той жуткой пляски, которая сопровождала его возвращение в наш мир. Наконец конвульсии остановились, и Хевель издал свой последний вздох. На его лице застыла издевательская усмешка, левый глаз был запрокинут так, что виднелся только белок, правый все еще смотрел на меня. Я отключил фонограф и накрыл тело простыней.

В лаборатории стояла тишина. Брэмли, бледный как полотно, отвернулся от стола и принялся пристально всматриваться в небольшое окно под потолком. Мистер Конрад стоял с брезгливым выражением на лице. Что же до Эйзенхарта, то впервые на моей памяти он молчал. Только Максим спокойно записывал что-то в лабораторный журнал.

– Пятьдесят восемь секунд, – первым тишину нарушил коллега.

После его реплики все присутствовавшие пришли в себя.

– Вы можете это повторить? – спросил мистер Конрад.

– Нет, – ответил я. – Дальнейшие попытки ни к чему не приведут. Вирд дает только один шанс.

Полицейский в сером пальто задумался.

– Мне нужна фонограмма. Я хочу знать, что Хевель пытался сказать перед... последней смертью. И его вещи. Все, включая одежду.

Когда я отдал ему валик со звукозаписью, он обратился к Эйзенхарту:

– Детектив, заберите их. Встретимся завтра в управлении.

Не попрощавшись, мистер Конрад аккуратно прикрыл за собой дверь и ушел. Я понял, что забыл попросить его вернуть на кафедру копию записи, но было поздно. Эйзенхарт сжалился над Брэмли и попросил его проводить Мортимера наверх, взять документы на Хевеля. Мы остались одни.

– Ваши эксперименты всегда заканчиваются так плодотворно, доктор? – поинтересовался Эйзенхарт, без спроса закуривая сигарету.

– Практически, – я просмотрел записи, сделанные Максимом в журнале, и поднял на Виктора глаза. – А иначе почему, вы думаете, полицию редко интересует танатология?

– Да уж, подбросили вы мне работенку, – улыбнулся он. – И яснее ничего не стало...

Впрочем, все это ерунда.

Он нахально стряхнул пепел в лоток для инструментов и надел шляпу.

– Увидимся в четверг, как всегда? – напомнил он мне про еженедельный семейный обед у леди Эйзенхарт.

– Подождите! – окликнул я детектива. Тот обернулся на мой зов. – В каком именно отделе служит мистер Конрад?

В глазах Виктора промелькнула непонятная усмешка.

– В политическом.

Глава 3

Доктор

Вопреки ожиданиям, следующая моя встреча с Виктором произошла не в четверг. Вечером вторника я возвращался в общежитие. Гетценбург к тому времени уже уснул: торговцы закрыли витрины магазинов железными рольставнями, город погрузился в оранжевый полумрак уличных фонарей. Одна за другой улицы опустели, немногочисленные прохожие спешили разойтись по домам. Имелась в этом какая-то прелесть, свойственная провинциальным городам, – в столице, сверкавшей круглосуточной иллюминацией, даже посреди ночи невозможно было оказаться одному: смех, музыка, запахи еды с уличных жаровень становились такими же спутниками, как и тысячи бессонных горожан. Гетценбург же после заката вымирал, превращаясь в монохромную фотографию из путеводителя.

Я прошел половину пути от парка до кампуса, когда мою прогулку прервали. Из тени деревьев выступил парень в одежде рабочего и намеренно преградил мне дорогу. Надвинутое на глаза кепи скрывало лицо, но поза не вызвала сомнений в его намерениях. Я оглянулся: сзади из темноты появилась рогатая фигура, перекрывая мне путь к отступлению. Скверно. Перехватив поудобнее трость, я позволил им приблизиться. – Боюсь, у меня нет с собой денег, джентльмены. Разве что вы удовлетворитесь десяткой. Первый из бандитов подошел ко мне и, схаркнув, поинтересовался:

– Где флелббы, док?

«Док». Значит, не случайное нападение. Я нахмурился. За спиной уже слышалось дыхание его напарника.

– Простите, но я не понимаю.

Чистая правда: говор жителей Гетценбурга было нелегко расшифровать. Тут не только разговаривали на имперском с сильным акцентом, но и щедро смешивали его с леммом, старым языком острова. Что уж упоминать о местной воровской латыни... Впрочем, я сомневался, что, даже понимая, ответил бы.

Удар правой – слишком сильный для нормального человека – сбил с моего носа очки. Синие стекла звякнули о мостовую. Я поморщился: завтра на работе придется выдумывать объяснения синяку под глазом.

– Фиганта из себя не строй, – почти ласково посоветовали мне. – Бумаги, док. Где они?

– Не знаю, о каких бумагах вы говорите.

– О тех, что бунке Хевель сработал, – пропели у меня над ухом.

– Понятия не имею, где они. Они исчезли еще до... – я осекся на полуслове. После определенного опыта звук, с которым выскакивает лезвие пружинного ножа, ни с чем не спутать.

Я обернулся. Лезвие поймало блик от фонаря. Очень скверно. Медлить было нельзя. Не дожидаясь от противника первого шага, я сделал тростью выпад в сторону бандита с ножом. Тот не успел увернуться. Удар пришелся ему в живот, заставляя сложиться вдвое. Не глядя, я выставил правую руку, блокируя кулак его напарника, и повернулся к тому. Первый раз трость прошла наотмашь по челюсти, во второй раз тяжелый набалдашник попал по колену. Раздался характерный хруст. Парень в кепи покачнулся, неосторожно отступил назад и упал. Прямо на заканчивающуюся пиками ограду клумбы. Брызнула кровь: острое пронзило его горло и теперь маслянисто блестело в свете фонаря. Секундное замешательство, пока я смотрел на тело, чуть не стоило мне жизни. Мне в последний момент удалось уйти от ножа его напарника, но кулак быка выбил из легких весь воздух. Следующий его удар пришелся на трость. Та не выдержала и треснула пополам. Нож блеснул у моего горла. Пытаясь отвести его, я схватил быка за запястье... Ночную тишину раздробил звук пистолетного выстрела.

Я рухнул на мостовую под весом бандита и замер. За выстрелом ничего не последовало. Кем бы ни был стрелок, он предпочел скрыться. Выждав, я с трудом спихнул с себя тело и

встал. Пуля раздробила быку затылок. Меткое попадание. Тяжело дыша, я подошел к первому парню. Тот смотрел в небо остекленевшим взглядом. Кепи слетело с его головы во время драки, и стали видны спиленные следы от рогов. Воротник рубашки при падении распахнулся. Наклонившись, я заметил темные линии татуировки. Слева на груди, над сердцем. Тот же знак, что у Хевеля. Минутная борьба с пуговицами непослушными после драки пальцами, и я выяснил, что такая же татуировка была у рогатого. Выпрямившись, я осмотрелся. Окна домов, выходивших на парк, были темны. Неудивительно, что никто не выглянул на шум. В соседнем квартале на ветру покачивался фонарь, освещавший вывеску над входом в пивную. Прихрамывая после падения, я направился туда. Стоило войти в помещение «Одинокого всадника», как взгляды посетителей устремились ко мне. Не обращая на них внимания, я прошел к стойке.

– Здесь есть телефон? – спросил я у женщины за ней.

– Да, но... – он поднял на меня взгляд от пивных кранов и замер.

На стойку перед ним легла окровавленная купюра, пресекая вопросы.

– Дам вам десять шиллингов, если немедленно вызовете полицию.

Глава 4

Доктор

Меня не арестовали. Разумеется, на меня надели наручники и прикрепили их к скобе на столе в допросной комнате, но все же мое положение отличалось от положения арестанта. В лучшую сторону.

Вызванный наряд забрал меня в управление, где с меня сняли отпечатки пальцев и оставили одного. Я не мог сказать, сколько времени прошло: даже если бы я сумел достать часы из кармана, они вряд ли пережили драку, а сержант, под бдительным присмотром которого я находился, молчаливо нес свой караул у двери, лишь изредка поглядывая на мои руки. Я не мог винить его за это. Оставшись без перчаток, я сам поймал себя на том, что не могу отвести глаз от обрубков, которыми заканчивались ампутированные фаланги. Арнуальская бомба едва не оставила меня без половины пальцев, а осколки испещрили кисти паутиной красных шрамов – пройдет еще не меньше полугода, прежде чем рубцы начнут бледнеть. Насколько позволяли наручники, я попытался пошевелить правой рукой. Безрезультатно. Перебитый нерв заставлял пальцы складываться в обезьянью лапу. Оставалось ждать, пока полиция сочтет, что достаточно помучила меня.

Звук распахнувшейся двери заставил меня поднять взгляд. На пороге застыл молодой мужчина с по-крестьянски крупной фигурой и копной жестких соломенного цвета волос. Перебросившись парой слов с сержантом, он отпустил его и уселся напротив.

– Мне необходимо поговорить с детективом Эйзенхартом, – попросил я, не дожидаясь вопросов.

Меня проигнорировали.

– Очень жаль, но здесь не ресторан, чтобы вы выбирали, кто вас будет обслуживать, – заметил полицейский и, разложив на столе все бумаги, спросил: – Вас зовут Роберт Альтманн?

– Да.

– Случайно не родственник Уильяма Альтманна?

Ему не было нужды уточнять, о котором Уильяме Альтманне шла речь, – славой, дурной и опасной, выходящей за пределы Королевского острова, обладал только один.

– Сын.

– В самом деле? Как интересно... Он, видите ли, широко известен в определенных кругах.

– Если так, мне это неизвестно.

Внешность полицейского оказалась обманчива: цепкий взгляд глубоко посаженных светлых глаз выдавал острый ум. В достаточной мере изучив меня, он делано спохватился:

– Впрочем, к делу это не относится. Меня зовут детектив Штротт, вас, как мы уже выяснили, Роберт Альтманн. Тысяча восемьсот шестьдесят восьмого года рождения?

– Так точно.

– Родились на Королевском острове?

– Под Марчестером, – уточнил я.

– Благородного происхождения?

– Второе поколение. Мой отец получил патент.

– Здесь, – детектив проконсультировался с лежавшим на столе досье, – написано, что с восьмидесятого года вы воспитывались в училище при Королевской и Императорской военно-медицинской академии, а после закончили академию по хирургической специальности. – Не дождавшись от меня комментария, он продолжил: – В то же время, обучаясь в академии, вы прослушали полный офицерский курс. Зачем?

– Это было до подписания договора о неприкосновенности медицинского персонала в зоне военных действий. Военная подготовка тогда являлась обязательной для всех. Однако я служил исключительно в медицинской части.

– В самом деле? Для врача у вас внушительный список наград. Даже слишком внушительный.

– Так получилось, – скупое ответил я. – Простите, могу я поинтересоваться, какое это имеет отношение к случившемуся?

Полицейский неприятно улыбнулся.

– Просто заполняю протокол. Но вы правы, перейдем к произошедшему инциденту. В десять вечера в полицию поступило сообщение о нападении у городского парка. Когда наряд приехал, было обнаружено два тела. И ни одно из них не принадлежало якобы пострадавшему. Как так вышло?

– Что именно? – спросил я. Слово «якобы», добавленное полицейским к моему статусу, мне не понравилось.

Детектив сердито цокнул языком и взъерошил без того спутанные волосы.

– Всё, господин доктор, всё! Что произошло?

Я пожал плечами.

– Я возвращался со встречи...

– Откуда? – потребовал детектив.

Записав продиктованный мною адрес, он сделал знак рукой, чтобы я продолжил.

– Когда я подошел к парку, на меня напали двое людей, мне незнакомых. Больше мне нечего вам сказать.

– Почему они на вас напали, доктор?

– Не представляю, – я почти не покривил душой. Я догадывался, что нападение было связано с обнаруженным мною покойником, но не знал, что именно от меня хотели.

– И никаких теорий?

– Никаких.

Штротт побарабанил пальцами по столу.

– Доктор Альтманн, хотя мы находимся на окраине империи, могу вас заверить: беспричинно у нас ножом не угрожают.

– Значит, мне эта причина неизвестна.

– Как и репутация вашего отца, – пробормотал детектив себе под нос. – Полиция обнаружила вас в компании двух трупов, доктор. Знаете, что с ними приключилось? Я кивнул.

– Один из них оказался пришпилен к ограде, как бабочка к альбому...

– Он оступился. Это была случайность.

– Разумеется. А второй случайно словил пулю в голову. Обвинение в двойном убийстве так и напрашивается.

– Я не убивал второго. Ваш эксперт уже должен был определить, что выстрел произвели с расстояния.

Вероятно,
произвели с расстояния. Это не значит, что стреляли не вы. Вам очень повезло: ни
одного свидетеля.

Я бы это везением не назвал.

– В ваших показаниях сержанту Адамсу говорится, – Штромм перелистнул свои записи, –
что стреляли с конца квартала.

– Мне показалось, что оттуда.

– Ему показалось... Расстояние до конца квартала составляет порядка сорока метров.

Выстрел был произведен из малокалиберного карманного револьвера. «Дога», как
называют их у вас на Королевском острове. Прицельная дальность стрельбы у него
составляет двадцать пять метров.

Детектив выжидающе посмотрел на меня.

– Должно быть, этот человек – хороший стрелок.

– Просто фантастический! – с наигранным энтузиазмом согласился со мной детектив. –

Попасть с такого расстояния...

– Или он промахнулся и целился на самом деле в меня, – предположил я.

– У кого-то есть причины стрелять в вас? – Не дожидаясь ответа, Штромм ядовито
осклабился. – Впрочем, позвольте угадать: вам это тоже неизвестно. Очень удобная
позиция, не правда ли?

Я не успел ответить.

– Достаточно, – дверь открылась, и в допросную зашел Эйзенхарт. – Альберт, отпускаяй
его.

– Но...

– Под мое поручительство. Оформи как самооборону, дело я завтра... – Расстегнув на мне
наручники, Эйзенхарт сверился с часами и исправился: – Вернее, уже сегодня у тебя заберу.
Держите, док.

На стол передо мной легли перчатки.

– Это не мои, – отказался я.

– Теперь ваши. Пойдемте, пока Альберт не передумал. Кстати, Берт, – Эйзенхарт
повернулся ко второму детективу. – С меня двадцатка, верно?

Эйзенхарт рассчитался со Штроммом и буквально вытолкнул меня из допросной.

– Надеюсь, это была не взятка? – только и успел поинтересоваться я, потирая запястья. –
Уверяю вас, в ней не было необходимости.

– Пари проиграл, – легкомысленно признался Виктор. Я посмотрел на него, но не смог
понять, шутит ли он.

– Я полагал, азартные игры в Гетценбурге запрещены законом.

– Запрещены, запрещены. Но сами знаете, quis custodiet ipsos custodes

[13]

и все такое. – Мы вышли на служебную лестницу, и теперь Эйзенхарт подталкивал
меня в спину. – Да поторопитесь же, Роберт! Внизу нас с вами ждет извозчик, нам
нужно кое-куда успеть.

Закралось нехорошее предчувствие. Эту фразу мне уже доводилось слышать от Эйзенхарта.

В прошлый раз – когда он арестовал убийц барона Фрейбурга.

– Я бы предпочел поехать домой. Быть может, вы справитесь без меня?

– Ну уж нет! Ничего, пару часов выдержите.

Глава 5

Доктор

Семь Лестниц, единственный в Гетценбурге район, располагавшийся на возвышенности, где в город вгрызались останки старой горной гряды, являли собой неплохую аллегория классовую систему. На самом верху, откуда открывался панорамный вид на старый центр, располагались фешенебельные частные дома, не столь роскошные, как исторические особняки Каменного острова, но до самого фундамента пропитанные запахом как новой эпохи, так и новых денег. Посередине, вдоль километровой длины лестниц, селились богатые лавочники и торговцы редкостями. Но чем ниже ты спускался, тем беднее становились улицы. Только бедность эта была не честной и безысходной, как в рабочих домах и фабриках на другом берегу Таллы. Начало Лестниц, где еще хоть как-то поддерживались порядок и видимость приличий, облюбовали для себя скупщики краденого, держатели опиумных денов, хозяйки публичных домов и прочие представители преступного среднего класса. Но дальше, в узких переулках под Лестницами, – а точнее, под многочисленными мостами, соединявшими пять гетценбургских холмов, – располагались самые отвратительные трущобы города. Говорили, что вглубь этого района полицейские стараются не заходить даже днем.

Похоже, слухи не соответствовали правде. Хмурый извозчик, недовольный конечной целью нашего маршрута, высадил нас возле двухэтажного деревянного дома в начале одной из лестниц и уехал, окатив на прощание грязью из лужи.

– Зачем мы здесь? – брезгливо поинтересовался я, вслед за Виктором устремляясь в переулки Низа.

Посреди нечистот на мостовой валялось пьяное тело, заставившее обогнуть его по дуге.

– Вам надо выпить, – найдя нужную дверь, детектив безапелляционно втолкнул меня внутрь. В нос ударили запахи горелого мяса и пива. – А мне – повидать друга.

– Другое место для этого вы выбрать не могли, – вздохнул я, следуя за ним внутрь кабака.

Как ни странно, ни я в окровавленной одежде и с фингалом, ни Виктор в франтоватом костюме не выглядели чужеродно на общем фоне. Мы прошли мимо стойки, за которой сидела группа профессиональных попрошайек в живописных обносках. За ними, в углу, старьевщик в поношенном, но хорошо сшитом костюме рассматривал в ювелирную лупу пунцировку на золотом кольце. Напротив него сидел мальчишка в форме трубочиста. Было и несколько нетрезвых джентльменов, с интересом глядевших по сторонам. Не каждый день аристократу выпадает шанс попасть в такое место. Главное, чтобы Вирд и дальше благоволила им и разрешила уйти сегодня из Низа живыми.

В центре зала, откуда были убраны все столы, кроме одного, собрались проллы [14]

в рабочих комбинезонах. Из толпы вынырнул молодой бык, с виду – родной брат тех двоих. Усевшись за оставшийся стол, он выставил вперед руку.

Эйзенхарт занял место у противоположной от входа стены и, смахнув со столешницы оставшиеся после предыдущих гостей объедки, позвал разносчицу.

– Расслабьтесь, док, – посоветовал он мне. – Здесь совершенно безопасно. Еда могла бы быть и лучше, безусловно, зато всегда можно побеседовать без лишних ушей.

Это было правдой. В отличие ресторанов старого города, где стук столовых приборов разносился по всему залу, здесь стоял такой гомон, что расслышать разговор за соседним столом не представлялось возможным. И все же я сомневался в безопасности этого заведения. Тем более для полицейского. Однако спорить с Эйзенхартом не стал.

– У вас похожая манера допроса, – вместо этого заметил я, когда на столе появилась бутылка зернового виски и стаканы.

– У кого?

Виктор на мгновение отвлекся от центра зала, где проходило соревнование по армрестлингу, и непонимающе посмотрел на меня.

– У мистера Штрומма, – я поостерегся называть его здесь детективом, – и у вас.

– А, это, – Виктор отхлебнул из стакана. – Мы с ним давние знакомые. Поступили в полицию в один набор. Вместе патрулировали улицы. Потом оба попали к одному ментору, хороший человек был, не побоялся взять ни сироту из приютского дома, ни бездушника...

Вот почему детектив Штромм показался мне знакомым, понял я. Доводилось видеть его пару раз на обедах у леди Эйзенхарт среди друзей Виктора.

– Мне кажется, или вы на что-то намекаете, Роберт?

Виктор отставил стакан и хитро прищурился. Не знай я, что он лишен дара, заподозрил бы в его покровителе Лиса.

– Чего вы хотели добиться?

– О чем вы?

– Одностороннее зеркало в допросной комнате. Вы были по другую сторону, не так ли? С самого начала. Наблюдали. Зачем?

– С чего вы это взяли? – его глаза весело сверкнули.

– Ваше появление было слишком своевременным. Судя по вашему виду, вас не подняли с постели. Вашей первой фразой было «Достаточно». Вы не запыхались, когда поднимались в допросную, спеша спасти своего заблудшего родственника. Какое-то время вы ждали, прежде чем войти. Что вы хотели услышать? – прямо спросил я. – Сколько я расскажу Штромму? Или что-то, что не могли узнать у меня сами? Что было в той записке, которую он передал вам в обмен на деньги?

– Всего лишь моя долговая расписка. Ну у вас и теории, доктор, – фыркнул Эйзенхарт, откидываясь на стуле. – Но раз вы упомянули это, Роберт, не хотите рассказать, что с вами сегодня стряслось?

– Нет.

Виктор удивленно поднял брови.

– Нет? Мне казалось, вы утверждали, что будете разговаривать о нападении именно со мной...

– А мне казалось, вы утверждали, что это лишь мои теории, – в тон ему ответил я. – Я ничего не скажу, пока вы не ответите, чего хотели добиться этим дешевым спектаклем. Эйзенхарт закатил глаза к потолку.

– Интересно было узнать, сумеет ли Берт вывести вас из себя. Что? – попытался он оправдаться. – Мне же это ни разу не удалось.

Едва ли достойная причина, чтобы подключать к этому делу коллег.

– А ему?

– Тоже, – рядом с бутылкой легла свернутая вдвое записка. – Ваш пульс. Пятьдесят четыре удара в минуту. Низковат, но для змея это нормально, насколько я в курсе. За время допроса он практически не менялся. Как и дыхание.

Я пробежался глазами по строкам. Похоже, детектив Штромм был ходячим детектором лжи. Удивительно, что с таким даром он служил не в армии, а в провинциальной полиции.

– И что вам это дало? – поинтересовался я.

Виктор пожал плечами.

– Только то, что вы обладаете пугающим уровнем самоконтроля. Интересно, зачем он вам нужен...

Задумчивость в его голосе заставила меня насторожиться.

– Откуда у гетценбургской полиции на меня досье? И зачем оно? – задал я следующий вопрос.

С глухим стуком его стакан вернулся на стол.

– Я запросил в военном министерстве, – признался Виктор.

Ответ удивил меня не так, как пристыженное выражение его лица – за время нашего знакомства я успел понять, что угрызения совести мало свойственны Эйзенхарту.

– Зачем?

– Хотел узнать вас получше? – попробовал он отшутиться, но вздохнул. – Послушайте, я прошу прощения. Возможно, я нарушил ваши личные границы или что-то в этом роде. Но вы не видите себя со стороны! Не знаю, каким вы были раньше, может, таким же отмороженным придурком, но по возвращении в империю вы на живого человека не были похожи. Я автоматов видел, испытывающих больший интерес к жизни! Я хотел понять, что еще

случилось с вами на фронте. Знаю, апатия к происходящему является часто встречающимся симптомом при депрессии...

– Керр, «Введение в психологию», – угадал я цитату. – Спасибо, я читал.

– Но вы заходите слишком далеко!

Повисшая между нами тишина показалась мне оглушительной – и это при том, что кабак гудел как пчелиный улей.

– Я потерял профессию и будущее, – ядовито заметил я. – Простите, если кажусь вам недостаточно счастливым.

– Нельзя потерять будущее до тех пор, пока вы живы, – уверенно заявил Эйзенхарт. И я не смог удержаться от выпада, хотя это было низко.

– Вы, конечно, специалист в этом вопросе. Напомните, в каком полку вы служили?

– Ни в каком, – Виктор обезоруживающе улыбнулся. – Был признан непригодным к службе по причине отсутствия души и сопровождающей это состояние опасности для окружающих. Нелепая формулировка, правда?

Мне следовало додуматься. Догадаться, что от службы Виктора освободило не заступничество его отца. Вспомнить, какие ущемления в правах приходилось терпеть родившимся без души.

– Я не служил, но видел многих вернувшихся с войны, – продолжил тем временем он. – И вижу вас. Ваше состояние меня беспокоит.

– Не стоит, – сухо ответил я.

– Вы так считаете? Что вы делаете со своей жизнью? Приезжаете сюда. Устраиваетесь на кафедру танатологии. Вы зарываете свой талант! И не надо говорить, что вы больше не можете работать, я наблюдаю за вами полгода! Да, не хирургом, но не танатологом же! Зачем? Я знаю, вы привыкли справляться со всем сами, но поймите: у вас есть семья. Родственники, которые переживают о вас...

– Чье присутствие в моей жизни ограничивалось до последнего времени письмами раз в шесть месяцев, – перебил я его.

– А вы бы позволили что-то большее? – парировал Эйзенхарт. – Вы с самого начала делали все, чтобы оградить нас от участия в вашей жизни.

– И собираюсь поступать так и впредь. До свидания, Виктор, – я встал из-за стола. – Буду счастлив получить от вас открытку в Канун года.

Я не успел сделать и шага к выходу, как был остановлен. Одной фразой.

– Я знаю, почему вы все еще живы.

Я сел обратно. Мои пальцы сжались на стакане с виски – так крепко, что удивительно, как он не разбился.

Этого в досье не было.

– Очевидно, благодаря работе хирургов.

– Нет. Не только.

Не только.

Армейские госпитали были укомплектованы штатными психологами в январе девяносто восьмого. Будь я ранен месяцем раньше, мне бы повезло. Но...

Первым, кого я увидел после ранения, проведя больше недели в опиумном дурмане, был Зельман Телли, армейский психолог. А также анестезиолог. В периоды, когда в госпитале была нехватка лекарств, – еще и целитель. Один из лучших: у него нельзя было не вылечиться. Его дар убеждения связывал по рукам и ногам. Заставлял больных встать с койки. Тех, кто хотел умереть, – жить.

– Послушайте, Роберт...

– Замолчите, – приказал я.

Хвала духам, в руках у меня был стакан, а не что-то другое, иначе в трактире бы стало на одного живого человека меньше.

Ему все же удалось вывести меня из себя. Найти одну из немногих болевых точек. Мир будто подернулся зеленоватой дымкой. Раздался треск: толстое стекло все же лопнуло у меня в руке.

В глубине души я понимал, почему Виктор поднял эту тему. И признавал, что он прав – даже в том, что не успел сказать мне. Я представлял, какое впечатление произвожу. Но не в

моих силах было изменить это. Чужой дар мог заставить жить, но не мог дать желания продолжать эту жизнь. «Нзамби», вспомнилось мне слово Темного континента. Живой мертвец. Порабощенный чужой волей, бездумно исполняющий приказы своего хозяина... Неудивительно, что Виктор беспокоился за меня. И не только он: готов поспорить, леди Эйзенхарт и ее супруга также волновало мое состояние.

«Так вот что такое семья, – мелькнула мысль. – Хвала духам, раньше я был избавлен от этого».

Я сделал глубокий вдох. Еще один. Успокоившись, перевел взгляд на Виктора. Тот смотрел в центр зала. Игроки сменились: к быку подсел новый желающий испытать удачу. Его огненно-рыжая шевелюра полыхала в толпе.

– Вы забудете об этом разговоре. И больше никогда не поднимете эту тему, – наконец велел я. – И что такое флэббы?

Эйзенхарт моментально обернулся ко мне.

– Значит ли это, что вы меня простили?

– Нет. Я понимаю ваши намерения, но оставьте их при себе. Так что же?

– Бумаги, – перевел Виктор.

Разумеется. Один из быков говорил о бумагах. Странное слово, не похожее ни на один из диалектов империи.

– На каком это языке?

Эйзенхарт задумался.

– Это не совсем язык. Скорее, арг. Редвельш. На нем говорят йенишы, вороны, воры – все, кто не совсем в ладах с законом. Эти двое... Они спрашивали вас о бумагах?

Я пересказал ему тот разговор.

– Зато теперь мы знаем, что документы не у них, – резюмировал Эйзенхарт, когда я закончил свой рассказ. – И знаем, что либо у нас, либо у вас завелся крот.

– Крот? – недоумевающе переспросил я.

– Доносчик, работающий на нанимателя Хевеля. Иначе с чего бы кому-то нападать на вас?

Эйзенхарт в задумчивости провел пальцем по краю столешницы.

– Кстати, откуда вы, говорите, шли, доктор? – сощурил он глаза.

Второй раз за вечер я продиктовал адрес.

– Каким ветром вас туда занесло?

– Каким ветром может занести мужчину в отель с почасовой оплатой?

Эйзенхарт оживился.

– Неужели дама? А вы все-таки не совсем потеряны для этого мира, – перехватив мой взгляд, он прикусил язык. – Познакомите?

– Она вдова, – сухо проинформировал его я. – И в данный момент в трауре.

Эйзенхарт снова потер столешницу и вздохнул.

– Ладно, шутки в сторону. Я расскажу вам об этом деле. Что смогу. Не думаю, что к вам пошлют других, но... Мне будет спокойнее, если вы узнаете, во что ввязались.

Ввязался? Для меня участие в этом деле выглядело иначе.

– Яндра Хевель был наемным работником, если можно так выразиться. Тут запугать, там вернуть должок, обокрасть или забить до смерти... Широкий профиль, что нечасто на самом деле встречается среди преступников. За пару громких дел его объявили в розыск в Среме, а когда не нашли – лишили гражданства. С тех пор Яндра заметно вырос в бизнесе. Кочевой образ жизни пошел ему на пользу, слухи о нем разлетелись по всему материку, дела становились всё громче... Несколько лет назад он осел в империи, перемещаясь с одного острова на другой. Начал, как все, в столице, потом прошелся по вашей малой родине и в итоге оказался в славном герцогстве Лемман-Клив, где под фальшивыми документами устроился шофером к одному высокопоставленному лицу в министерстве энергии. Уж не знаю, где он взял необходимые рекомендации, его должны были проверять... Все документы, касавшиеся его, исчезли в ту же ночь, когда пропало содержимое сейфа его официального работодателя.

– Бумаги, о которых меня спрашивали, – пробормотал я.

Эйзенхарт кивнул.

– Хевель был достаточно умен для быка и хорошо спланировал ограбление. Каким-то образом узнал, когда у сэра – назовем его сэром Б. – на одну ночь останутся дома важные

документы. Никаких свидетелей – он заблаговременно усыпил всех домочадцев сэра Б. Никакого шума сигнализации, хотя домашний сейф был подключен к новейшей электрической системе защиты. Все просто легли спать, а наутро обнаружили исчезновение документов. И шофера.

– Что было в тех документах? – спросил я.

– Этого я вам сказать не могу.

Это и не требовалось. Министерство энергии. В Лемман-Кливе у него было только одно дело, достаточно громкое, чтобы его можно было назвать политическим.

– Государственный нефтепровод?

Взгляд, которым смерил меня Эйзенхарт, подсказал, что я на правильном пути.

До сих пор транспортировка нефти и нефтепродуктов в империи осуществлялась преимущественно по морю, что создавало определенные неудобства. Поэтому, по слухам, правительство работало над созданием государственного нефтепровода. Чудовища, которое окутало бы своей сетью всю империю, не зависело бы от сезона (тот же Лемман-Клив, обладавший крупнейшим месторождением нефти за пределами колоний, был труднодоступен для танкеров зимой) и погоды на море и было бы способно ускорить поставки топлива для армейской техники в несколько раз. Грандиозный проект на грани возможностей современной науки дал бы империи неоспоримое преимущество в колониальной войне.

Я аккуратно стряхнул с перчаток стеклянную пыль. Это было не то дело, в котором я бы хотел участвовать. Слишком высоки ставки.

– Хевель будто испарился в воздухе, – продолжил Эйзенхарт. – Теперь-то мы знаем, что все это время он был мертв. Но возникает вопрос: где тогда документы? У кого? И кто нанял его, чтобы их заполучить?

Поднявшийся в зале шум заставил нас отвлечься. Обернувшись, мы увидели, как рыжий поднялся из-за стола. Его последний противник остался сидеть, баюкая у груди неестественно согнутое запястье.

– Такую же победителю, Магда, – подождав подавальщицу, Виктор постучал по бутылке с виски. – И еще один... Нет, два стакана сюда.

– Это и есть ваш друг, которого мы ждем? – поинтересовался я, когда женщина убежала выполнять указания.

– Наш друг, – поправил меня Эйзенхарт. – Вы с ним прекрасно знакомы.

Рыжий убрал волосы под кепку и, переговорив с подавальщицей, отправился в нашу сторону. Пока я гадал, кто бы это мог быть, по дороге его по-дружески толкнули плечом, и он рассмеялся, подняв голову к собеседнику. С удивлением я узнал его. К нам шел Шон Брэмли, сержант гетценбургской полиции, родственник и подчиненный Эйзенхарта.

Глава 6

Доктор

В рабочей куртке и грубых штанах из парусины, с походкой вразвалочку и рыжими вихрами, торчавшими из-под мягкого козырька (и это вместо его обычной набриолиненной прически!), он ничем не отличался от так называемой рабочей молодежи, кучковавшейся в последние годы на митингах. Он совершенно сливался с занявшей центр зала компанией, да и держался в ней гораздо свободнее, чем в полиции, где от смущения заикался и через слово вставлял почтительное «сэр». Гораздо... естественнее. Что не могло не наводить на определенные мысли.

– Сэр? – это впечатление, впрочем, тут же исчезло, стоило Шону подойти к нашему столу и замереть у него с распахнутым в изумлении ртом. – Ч-что вы здесь делаете? В таком виде?

– Небольшая неурядица, – ответил за меня Эйзенхарт, хлопая по стулу рядом с собой. – Садись. Будешь так маячить – привлечешь внимание.

Сержант поспешил усесться и замер, не сводя с меня глаз. Я отвечал ему тем же. Виктор тяжело вздохнул.

– Духи-заступники! Шон, ты можешь вести себя нормально?

Брэмли вздрогнул и, сняв кепку, попытался пригладить волосы пятерней.

– Простите, сэр.

– Шон! – прикрикнул Эйзенхарт, и на этот раз вздрогнули мы оба. – Еще одно «сэр», и я тебя побью, обещаю. Что с тобой?

Должно быть, дело было в моем присутствии. Брэмли и раньше замирал при виде меня, превращаясь в загипнотизированного удавом кролика. Я дернул уголком рта. Без очков аналогия становилась еще забавнее.

– Мне уйти? – спросил я у Эйзенхарта.

Тот покачал головой.

– Доктор составляет мне компанию, – объяснил он сержанту. – Если я еще раз приду к тебе на свидание в одиночку, даже у Красного Гарри появятся не те мыслишки. К тому же на дока напали из-за этих проклятых бумаг сегодня, так что лучше будет его ввести маленько в курс дела. Какие новости?

– Пусто. Никто не знает, на кого Хевель работал в последнее время. Поговаривают, что он вообще не брал работу. Некоторые считают, он ушел на покой.

– Что насчет заказов?

– Ничего похожего на то, что мы ищем. Коффер... П-простите, сейф, – он смущенно покосился на меня, – в ювелирной лавке Найруса. Два частных дома наверху, – Шон ткнул пальцем в потолок, показывая, что имеет в виду верх Лестниц. – В одном была наводка, что владелец обналичил банковские счета, в другом хозяева уехали на материк. И одна нотариальная контора.

– А там что? – удивился Эйзенхарт.

– Завещание подменить.

Эйзенхарт цокнул языком.

– Ладно, не наш отдел. Что насчет левых?

– Ничего. В Гетценбурге сейчас нет активного подполья, о связях Хевеля с ними тоже никто не знает.

– Негусто, – резюмировал детектив. – Ладно, можешь идти. Погоди, – Эйзенхарт достал из кармана купюры и отсчитал сотню. – Передай козлу, что на нас смотрит, что я заплачу за сведения. И не обязательно деньгами.

По мере того как Брэмли отдалялся от нас, его движения становились все менее скованными, и вот он уже смешался с группой очередных «рабочих», на весь зал вопивших, что такой денек недурно было бы отпраздновать где-нибудь еще.

– Вы не боитесь, что его раскусят? – понизив голос, спросил я.

Виктор рассмеялся.

– Для этого хоть одному пришлось бы его вспомнить. Вы недооцениваете форму, доктор. Все смотрят на шлем, никто – на лицо под ним. Знали бы вы, сколько людей угрожало мне, пока я работал в патруле. И сколько из них были со мной знакомы и даже приходили к нам в дом. Никто его не узнает, док. К тому же здесь он на своем месте.

– Что вы имеете в виду?

Эйзенхарт замер, раздумывая, отвечать мне или нет.

– Я сейчас открою вам один секрет, постарайтесь воспринять его нормально, – посоветовал он мне. – И дайте ему это как-то понять, что ли... А то бедняга только освоился в управлении и перестал вздрагивать при виде каждого полицейского, как приехали вы, и все началось сначала. Вы когда-нибудь слышали о «потерянных мальчишках»?

– Конечно, – подтвердил я.

Кто о них не слышал?

В стране, где каждый десятый ребенок был полным сиротой, а приютов имелось целых два на всю империю, детской преступностью никого было не удивить. Фабрики в любое иное время с радостью забрали бы себе дешевую рабочую силу, но из-за войны слишком многие оказались в отчаянном положении и пошли наниматься на производство. Во многих городах стали неохотно брать на работу детей. Оставались

рабочные дома, но любой знал, что попавших туда ждет участь хуже смерти. Для многих мальчиков, оказавшихся на улице, единственной возможностью выжить была воровская школа, где за долю от дохода слишком старые для воровской жизни «коты» [15]

учили их искусству облегчать чужие кошельки и выдавливать оконное стекло за пять секунд. Для девочек ситуация была того хуже: желающие братья за их обучение находились крайне редко. Уличная жизнь, даже в Гетценбурге, хотя в это было трудно поверить, посматрив в окно, никогда не была добра к слабым.

Но даже на этом фоне «потерянные мальчишки», прозванные так в честь новомодной детской книги, сумели выделиться. Они вышли на совершенно новый уровень. Самые известные банды всегда концентрировались в столице: в огромном пятимиллионном мегаполисе для всех находилось место, и всегда кто-то был при деньгах. Два года назад из банд осталась всего одна. «Мальчишки» захватили южный край Королевского острова, вынудив конкурентов уйти или присягнуть им. «Сорок воришек», «Уродские цилиндры», «Актеры Вест-холла» – шайки, прославившиеся на всю страну и державшиеся на плаву не один год, перестали существовать.

И всего этого «мальчишки» достигли сами. Обычно подобными бандами управляли взрослые преступники, но во главе «мальчишек» стоял подросток по прозвищу Генерал. Описываемый в газетных статьях как «лет четырнадцати на вид, хрупкого телосложения и с золотистым ореолом волос», он правил сотней таких же, как он, оборванцев, снискавших себе всемирную славу неоправданной жестокостью. Они не чурались ничего, если на этом можно было заработать, и...

И я понял, к чему клонил Эйзенхарт.

– Только не говорите мне, что вы взяли к себе на работу одного из «мальчишек»! Вы сумасшедший? Вы отправили убийцу...

– Шон в жизни никого не убивал, – перебил меня Эйзенхарт. – Он грабил дома. Знаете шутку про медведей и медвежатников? И, как говорят наши товарищи с материка, *rougquoi pas?* [16]

– он пожал плечами. – Вы случайно не читали мемуары последнего начальника национальной полиции Арнуаля? Он утверждал, что вора может поймать только вор. Я склонен ему верить. Учитывая, что сам месье начальник был не только успешным полицейским, но и талантливым преступником... К тому же у Брэма есть одно очень ценное качество: благодаря своему прошлому он может добыть информацию там, куда мне хода нет.

– Неужели? – саркастично заметил я. – Вы водите дружбу с держателями игорных домов и достаточно часто сидите в притонах Низа, чтобы знать подавальщиц по именам. Боюсь представить себе, куда вам, как вы выражаетесь, хода нет.

Эйзенхарт вздохнул и залпом осушил содержимое своего стакана.

– Вот потому вас Брэм и боится: вы слишком правильный. Шон – хороший, добрый парень, переживший непростую полосу в прошлом и теперь старающийся всеми силами стать полноценным членом общества. А вы, вместо того чтобы одобрить это великолепное стремление и закрыть глаза на некоторые недостатки его биографии... – он опять издал тяжелый вздох. – А ведь бедняга так старается! Видели бы вы его три года назад: даже пару слов на нормальном языке связать не мог, не говоря о манерах. А теперь – признайте, если бы я вам не рассказал, вы бы не догадались, что к чему.

Хотя я прекрасно отдавал себе отчет в том, что Эйзенхарт – вновь – мною манипулирует, я не мог не почувствовать укол совести. Шон Брэмли был образцовым сержантом – исполнительным и достаточно толковым, чтобы ему пророчили хорошую карьеру. Он боялся мертвецов в морге, а за обедом у леди Эйзенхарт обычно сидел, уткнувшись носом в учебник по криминалистике. Словом, мало походил на преступника. Либо он действительно изо всех сил пытался изменить свою жизнь, либо был самым гениальным актером современности. Второе, как я решил, для медведя было маловероятно. Но...

– Что вы имеете в виду, говоря, что он меня боится? И при чем здесь то, что вы считаете меня слишком... – я нахмурился. – Правильным? Что бы это ни значило.

Виктор подлил себе еще из бутылки. Судя по количеству порций, спиртное должно уже было на него подействовать, однако голос его звучал все так же адекватно. По крайней мере, не менее адекватно, чем обычно.

– Ладно, он не столько вас боится, сколько не хочет разочаровать. Вы все-таки его кузен. Практически старший брат. О котором он слышал столько историй, и, признаюсь честно... Возможно, я тоже ставил вас ему в пример пару раз? Или не пару. Ему нужен был положительный образец, а я на эту роль не слишком гожусь.

В обычной беседе я бы поспорил с ним, насколько меня можно назвать положительным образцом, и спросил бы, о каких историях могла идти речь (я знал, что сэр Эйзенхарт по просьбе супруги следил за моими назначениями – где бы я ни был, письма от них всегда приходили по правильному адресу, но я даже не подозревал, что он интересовался моей жизнью более того), однако меня царапнуло использованное Эйзенхартом слово. Кузен? Я не заметил, как повторил этот вопрос вслух.

– Вы не знали, – нахмурился Виктор. – Впрочем, этого следовало ожидать: ваш отец не поощрял общение вашей матери с родственниками.

Это было преуменьшением. Отец считал, что семья его жены недостаточно хороша для ее нового положения в обществе. И запретил матери поддерживать с ними связь. Их упоминание в разговорах со мной тоже не одобрялось, поэтому мне не было ничего известно о них до того самого момента, когда Эйзенхарты подошли ко мне на похоронах. И с тех пор я не предпринял ничего, чтобы узнать о семье моей матери больше...

– Я полагал, он состоит в родстве с вашим отцом, – признал я. – Они настолько похожи. Эйзенхарт рассмеялся.

– Должно быть, вы видели мало медведей.

И это было правдой: хотя рожденные под звездой Артура-Медведя были отличными воинами, они плохо переносили жаркий климат колоний.

– Они все друг на друга похожи как братья, – продолжил Виктор. – Нет, Брэм – сын младшей сестры вашей матери. Ну и моей матери, соответственно.

– Если это так, как он попал в банду «мальчишек»?

– Долгая история, – Эйзенхарт отвел взгляд. – Лучше спросите у него как-нибудь сами.

– Спрошу, – пообещал я больше себе, чем ему.

Как-то раз Эйзенхарт заявил, что я мало интересуюсь окружающими людьми. Он оказался прав. Поставив стакан, я позволил Виктору долить мне виски. Интересно, что должен чувствовать человек, только что узнавший о существовании еще одного родственника? С которым к тому же полгода делил стол?

Ничего.

Только легкое раздражение от того, что оказался невнимательным дураком.

– Вернемся к делу.

– Согласен, – Виктор легко подхватил новую тему. – Как вы уже поняли, никто не знает, чем в последнее время занимался Хевель. Бумаги, которые он добыл, исчезли. Поскольку они нигде не всплыли, мы предполагаем, что их так и не доставили нанимателю Хевеля. Возможно, именно по его приказу было совершено нападение на вас: в надежде узнать, куда делись документы. Вернуть бумаги – наша самая большая проблема и наиглавнейший приоритет в расследовании. Вторая задача – раскрыть личность заказчика. К сожалению, ни у министерства внутреннего порядка, ни у четвертого отдела нет никаких сведений на этот счет. Единственная наша зацепка – татуировка Хевеля. Но и тут возникает сложность: вы слышали, в Лемман-Кливе нет активной анархистской группировки. Мы запросили сведения о связи Хевеля с другими подпольями, но не получили никакой информации. Возможно, он переписывался с анархистами с материка, но об этом мы ничего не знаем. Вообще странно, раньше у Хевеля не было никакой тяги к политике...

– Потому что это не анархисты, – перебил я его.

Виктор пару раз моргнул, сбившись с мысли.

– Что?

– Это не анархисты.

Эйзенхарт внимательно посмотрел на меня.

– Откуда вы знаете?

– У вас есть ручка?

Виктор достал из кармана механическое перо и протянул мне. Я оглянулся в поисках бумаги, но это было не то заведение, где давали салфетки или хотя бы картонные подставки под кружки. Порывшись в карманах, я сумел найти потрепанный чек из гастрономии.

– Вот это – знак анархистов, – я изобразил на обратной стороне большую букву «А», уложенную на бок. – А это – татуировка с груди Хевеля.

– Не вижу между ними разницы, – признался Виктор, подавшийся вперед, чтобы лучше рассмотреть рисунки.

– Здесь и здесь. Видите, как переключатель пересекает диагональные линии и выходит за них?

– И что? Татуировщик был не слишком аккуратен.

– Дело не в том, – я покачал головой. – Это вообще не буква «А».

Детектив скептически хмыкнул.

– Если это не «А», то что же?

– Алеф. Первая буква кенаанского абджада.

Эйзенхарт повернул зарисовку к себе.

– Вы что-то такое говорили, верно? По телефону. Что мы неправильно описали татуировку. Я тогда не обратил внимания... В чем же разница, доктор?

– В том, что «алеф» переводится как «бык». И изображается, – я повернул чек боком, чтобы стали видны рога, – как голова Быка.

– Хевель был быком, – задумчиво протянул Эйзенхарт.

– Как и те двое, что напали на меня сегодня, – подтвердил я. – У них я видел те же татуировки.

Это были не анархисты. Что-то новое. Странное...

– Что вы думаете о быках, Роберт? – спросил после некоторой паузы Эйзенхарт.

– Хорошие солдаты и жестокие командиры.

Ответ пришел незамедлительно. На войне мне довелось встретить многих быков: физически выносливые и туповатые, они все же понимали, что военная служба – один из немногих способов для них выбиться наверх, и потому стремились если не к дисциплине, то к ее подобию. Некоторые из них к тому же предпочитали контракт с армией гниению в тюрьме, куда они нередко попадали после кабацких драк.

– Это вы говорите об отдельных людях, – отмахнулся от меня Эйзенхарт. – Но что насчет быков как группы?

– Тогда я сказал бы, что быков как группы не существует. Каждый из них видит в другом конкурента и ненавидит за это. Чтобы объединить их, нужна очень сильная личность.

– Вот именно! И вы предлагаете мне поверить в то, что в Лемман-Кливе действует тайная религиозная группировка, восхваляющая культ Быка?

– Не обязательно религиозная, – поправил я Эйзенхарта. – И, хотя объединения быков редки, они все же возможны. Если найдется лидер... Вспомните, к примеру, Бунт землепашцев.

– Это было три века назад!

– Но это не значит, что подобное не может повториться. И Хевель при ресurreкции пытался что-то сказать про алеф.

Эйзенхарт затих, обдумывая мои аргументы.

– Я проверю эту версию, – наконец решил он.

Глава 7

Эйзенхарт

Виктор любил свой отдел. Любил свой кабинет, заваленный от пола до потолка неразобранными бумагами. Продавленную раскладушку, на которой часто оставался

ночевать в управлении. Любил шум и гвалт общей комнаты, где пахло свежесваренным кофе – к кануну прошлого года они с коллегами сбросились все-таки на паровую эспрессо-машину. К мертвякам, как их прозвали в народе, Эйзенхарт пришел в восемнадцать, отходя до того положенные два года на улице, и с тех пор седьмой отдел стал для него домом, который Виктору был знаком как собственные десять пальцев.

Вот и сейчас он знал, что через стенку от его кабинета вздыхает над отчетом Берт, как всегда оттянувший его написание до последнего. По коридору через пять минут поплывет запах вишневого табака – это комиссар Роббе, страдающий после смерти жены от бессонницы, войдет в свой кабинет и сразу начнет раскуривать трубку. Скрипнет его старое кресло. Невестка как приبلудившийся еще при жизни Гардинера кот начнет царапать дверь, просясь внутрь...

Четвертое отделение являлось полной противоположностью отделу убийств. Виктор дотронулся до выкрашенных в стальной цвет стен: у них в отделе их скрывали дубовые панели. Здесь же их сняли после сделанного в прошлом году – как раз к приезду нового начальника – ремонта, заодно поставив современную мебель, строгие геометрические формы которой навевали мысли о прозекторской. Все столы в общей комнате были девственно чисты – они не говорили ничего о своих владельцах, но зато многое могли сказать об их руководителе. В образцовом порядке глазу было не за что зацепиться. Атмосфера в отделе тоже была близка к лакедемонской. Вынужденный ждать на стуле для посетителей, пока его пустят к комиссару Конраду, Виктор попробовал перебраться парой слов с коллегами, но был вынужден отступить. Из столов сейчас была занята треть, за ними корпели сержанты. Сосредоточенное молчание прерывалось, лишь когда в зале появлялись телеграфисты с новыми сообщениями. На секунду Виктор позавидовал: они могли позволить себе держать в штате собственных телеграфистов! В седьмом отделе порой приходилось платить за марки из собственного кармана.

На посетителя из соседнего отделения никто не обращал внимания, заставляя того изнывать от скуки.

– Вы опоздали, – не отрываясь от бумаг, сообщил ему Конрад, когда секретарь наконец пригласил Виктора к нему в кабинет. – Совещание уже закончилось.

– Я бы непременно пришел вовремя, если бы мне сообщили, когда оно состоится, – парировал Виктор. – Послушайте, я к вам по делу. У меня появилась идея...

Удивить комиссара не удалось.

– Сами додумались, или кто подсказал?

– Сам, – не моргнув глазом соврал Виктор. – Так вы об этом знали?

– Разумеется.

Виктор нахмурился.

– Послушайте, мы не можем работать вместе, если вы не раскрываете информацию.

– Детектив Эйзенхарт, – комиссар все-таки поднял взгляд от бумаг и отвернулся к окну. Холодное зимнее солнце осветило орлиный профиль. – Позвольте мне напомнить, что первым информацию скрыли вы. Мне известно о нападении на вашего родственника. И о двух трупах, лежащих – точнее, лежавших – в морге, о которых вы забыли мне сообщить. Не перебивайте, – он предупреждающе поднял руку, – и не пытайтесь оправдаться. Ваше поведение прошлой ночью было непрофессиональным и недопустимым. Я не буду подавать на вас рапорт. Учитывая занимаемую вашим отцом должность, это было бы бесполезно. Но с сегодняшнего дня я отстраняю вас от расследования.

– Вы не имеете на это права, – возразил Виктор.

– Не имею. Протокол требует, чтобы в подобных делах был задействован представитель отдела убийств. В данном случае – вы как полицейский, обнаруживший труп Хевеля. И вы будете задействованы. Номинально. Мы сообщим вам, когда найдем убийцу.

Болезненно. Но этого следовало ожидать. Виктор не удержался и спросил:

– А если я найду его первым?

– Я не могу запретить вам заниматься этим делом, – комиссар смерил его тяжелым взглядом, – но я могу настоятельно посоветовать вам не переходить мне дорогу. Это было бы в ваших интересах. К тому же, подумайте сами, каковы шансы у вас в одиночку найти его убийцу, без информации и связей, имеющихся у моего отдела? Займитесь своими делами, – продолжил Конрад. – У вас наверняка они есть. Не тратьте время на Хевеля.

В кабинет постучали, и один из виденных Виктор ранее телеграфистов поспешил передать сообщение.

– Это все, с чем вы пришли? – спросил комиссар, стремительно теряя интерес к Виктору.

– Так точно, сэр.

– В таком случае свободны, – Конрад махнул рукой, указывая на выход. – Да, детектив! До моих людей дошли слухи, что Верзила Шон объявился в Гетценбурге. Уберите своего ручного медведя, пока никто ничего не заподозрил, и предоставьте заниматься этим профессионалам. Вы меня поняли?

– Так точно, сэр, – сквозь зубы согласился Виктор.

Отправив с телеграфа сообщение и завернув по дороге в кафе на ранний завтрак, Виктор вернулся в отдел. На столе лежали папки с горящими расследованиями – к ним он собирался вернуться, но пока Хевель был в приоритете. И быки, попытавшиеся отобрать бумаги у Роберта (да будто они вообще могли попасть к доку!). Все же его долгом было защитить родственника... Или, наоборот, не позволить добряку доктору убить следующих, кто решит на него напасть. Виктор хмыкнул, вспомнив залитую свинцом трость, обломки которой лежали в шкафу с вещественными доказательствами. Да уж, это еще вопрос, кого тут требовалось защищать.

Бессонная ночь (и не одна: если бы Виктора попросили, он постарался бы вспомнить, когда в последний раз спал, но сомневался, что ему удалось бы) сказывалась на состоянии.

Виктор не заметил, как уснул, расположившись щекой на отчете о вскрытии Хевеля. На несколько часов шум в общей комнате, падающие из-за жалюзи солнечные лучи и разыскиваемые преступники перестали для него существовать. Разбудил его запах кофе.

– Я получил ваше сообщение, сэр, – произнес Брэмми вместо приветствия, втискиваясь в кабинет с подносом и зажатым под мышкой шлемом. – Что произошло?

Виктор неприязненно посмотрел на сержанта. Тщательно выглаженная форма, прямой пробор на густо намазанных бриллиантином волосах, свежее, чисто выбритое лицо и энтузиазм во взоре. Полная противоположность Виктору, который в этот момент испытывал одно желание: умереть и на том свете как следует отоспаться.

– Конрад отстранил нас от дела, – поведал он, с рассеянным видом принимая чашку. –

Сказал, чтоб, если мы хотим заниматься этим расследованием, занимались им сами.

Ладно, возможно, Конрад сказал не совсем так, но сути это не меняло. Умница Брэм сразу понял, что скрывается за словами, и поинтересовался:

– И что мы будем делать, сэр?

Виктор поморщился.

– Прекращай ты уже с этим «сэр»! – попросил он. – Мы будем работать. Искать убийцу так, как это делают в седьмом отделе.

Упрямством и потом, обивая пороги и перелопачивая горы оказывающейся ненужной информации. Взбодрившись, Виктор встал и потянулся за шляпой. В конце концов, не впервой.

– Для начала заглянем в морг. Пройдемся еще раз по последнему дню Хевеля. Проверим, не связывался ли он с кем-то в тот день: я возьму на себя телефонисток, ты пройдешься по почтамтам.

– Почему не наоборот? – приуныл сержант.

– Потому что ты вызываешь у почтовых работниц материнский инстинкт и непреодолимое желание закармливать плюшками. К тому же, – ухмыльнулся Виктор, – телефонистки моложе и симпатичнее.

– А потом?

– А потом мы продлабем это еще раз. И еще раз. И еще, пока что-нибудь не обнаружим.

Глава 8

Доктор

Следующие дни прошли настолько спокойно, что я решил, будто нападение останется единственным инцидентом, прервавшим размеренный темп моей жизни в Гетценбурге. Проехав на пролетке путь от Лестниц до кампуса, я понял, что возвращаться в комнату не имеет смысла, и отправился сразу на факультет. Там, переодевшись в запасной костюм, я встретил рассвет и профессора Фитцерея, у которого по средам был присутственный день. Получив замечание по поводу неподобающего внешнего вида, я молча вернулся к бумажной работе.

Леди Эйзенхарт я отправил записку, в которой выразил сожаление по поводу того, что не смогу посетить ее на этой неделе. Обеспокоенная моей простудой, которую я назвал в качестве причины, она порывалась прислать ко мне своего домашнего врача, но успокоилась, когда я напомнил о своем образовании.

Разбитые очки заменили новые, присланные оптиком с Охотничьей улицы. Стекла цвета индиго скрыли не только мои глаза, но и побледневший синяк, позволив избежать назойливых вопросов не только со стороны коллег, но и от студентов. Трость должны были доставить к следующему месяцу. Жизнь возвращалась в свою колею. Университет посетили двое представителей четвертого отдела, по новой задававшие мне одни и те же вопросы. От Виктора же два дня не было никаких вестей. На третий он появился на пороге моего кабинета.

– Что вы можете рассказать о мистере Мортимере? – спросил он у меня вместо приветствия. В кабинет он заходить отказался, отговорившись срочными делами. Поразмыслив, я понял, что не знаю о своем коллеге ничего.

– Его семья, кажется, из купцов.

Наши приятельские отношения строились в основном на обсуждении рабочих новостей, а также на дискуссиях о политической обстановке в мире. Если мой коллега и рассказывал что-то о себе, я пропустил это мимо ушей. Виктор снова был прав: окружающие люди не вызывали у меня большого интереса.

Эйзенхарт кивнул, словно такого ответа от меня и ожидал, и, не попрощавшись, убежал по своим делам.

А вскоре после его визита меня нашел Максим.

– Альтманн, – по его встревоженному тону я понял, что что-то произошло. – Выручите меня?

– Конечно, – подтвердил я. – Что случилось?

Помявшись, Мортимер все-таки ответил:

– Меня вызывают срочно в полицию. Ума не приложу, зачем я им понадобился, но приходил один из тех полицейских, что были у нас в лаборатории, и велел явиться на допрос через полчаса...

Следовало догадаться, что Эйзенхарту будет недостаточно полученных от меня сведений, и он решит сам побеседовать с Мортимером. Но вызывать его в управление? Это показалось мне странным: насколько я успел заметить, Эйзенхарт предпочитал беседовать со свидетелями на их территории. Или он перевел Мортимера в категорию подозреваемых?

– А у меня третий курс, практическое занятие по топографической анатомии, им не скажешь учебник почитать... Замените меня?

– Разумеется, – заверил я его. – Какая у них тема?

– Анатомия передней брюшной стенки. В главной аудитории в два. Спасибо вам, Роберт, – Максим быстро улыбнулся. – Знаю, вы не любите практические занятия, но сегодня больше некого попросить.

– Ничего страшного.

Когда за моим коллегой закрылась дверь, я позволил себе поморщиться. Преподавательская работа была не моей стезей, после месяцев в университете я был готов это признать. Я избегал общения со студентами, как только мог, меняясь, к примеру, обязанностями с Мортимером, который ненавидел посещать городской морг, зато испытывал к студиям искреннюю симпатию. Что же касалось практических занятий... Из-за нерва правой руки у меня, можно считать, что не было, скальпель приходилось держать в трех с половиной пальцах левой. Я был в состоянии выполнять свои обязанности: армия приучает работать в любых условиях. Но показательные выступления на публику больше не доставляли мне

удовольствия. Мысленно пожелав всего доброго Эйзенхарту, я встал и потянулся за пиджаком: в анатомической аудитории было прохладно.

Мое настроение не улучшилось и после занятия. Три часа в компании студентов и кадавров (впрочем, против последних я ничего не имел) порядком утомили, и я надеялся отдохнуть у себя. Не тут-то было. Я пересек кампус и поднялся к себе на чердачный этаж. Замок на двери сработал не сразу, но я не обратил на это внимания: его и так нередко заедало. Однако то, что предстало моему взгляду за открытой дверью, не заметить было нельзя. Здесь кто-то побывал.

Царившего в комнате полумрака хватало, чтобы разглядеть беспорядок. Ящики столов были вывернуты. Шкафы зияли пустыми полками, а их содержимое было разбросано по полу. Матрас оказался распорот. Унылый сельский пейзаж, доставшийся мне вместе с комнатой, лишили рамы. Кто-то даже не поленился и отодрал паркетную доску у окна, раздражавшую меня своим скрипом.

Пройдясь по комнате, я был вынужден признать, что поработали здесь тщательно. Все, что превышало размерами сложенный носовой платок, разобрали по частям. Вдохнув, я поднял опрокинутую вешалку и повесил на нее пальто. Вместо отдыха меня ожидала уборка. На секунду появилась мысль вызвать полицию, но от нее я решил отказаться. Замечания по поводу внешнего вида моя карьера могла пережить, но слухи, которые непременно расползлись бы по кампусу, если бы ко мне в комнату ворвался дежурный наряд, могли нанести непоправимый урон. А я еще дорожил возможностью не просить денег у родственников и иметь свою крышу над головой.

С каждой минутой мое замешательство росло. От теории о случайном ограблении пришлось отказаться: наиболее ценные вещи из тех, что я хранил в своем жилище, были на месте. Зато из моей комнаты исчезли все бумаги. Я мог понять, зачем кому-то понадобилась моя чековая книжка или, к примеру, договор об аренде банковской ячейки, но к чему ему были мои дневники и непроверенные студенческие эссе? Едва ли за них можно было выручить что-то на черном рынке, а их литературная, равно как и научная ценность вызвала сомнения.

Я опустился на стул посреди этого хаоса. Взгляд при этом зацепился за книжный шкаф, являвшийся, в отличие от остальных предметов мебелировки, антикварной вещью, которую, как я полагал, не вынесли из комнаты только из-за его веса. Сдержав еще один вздох, я покачал головой. Обыскивая комнату, вор искал тайники даже за ним. Я сомневался, удастся ли мне поставить его обратно: здесь бы не помешала помощь быка. Я уже был готов признать свое поражение, когда с ужасным скрежетом шкаф встал на место, оставив царапины на паркете. Я утер пот со лба и недоуменно посмотрел на испачканные зеленым перчатки.

Стук в дверь отвлек меня от этой загадки. Я поспешил открыть.

Профессор Дрейкер, мой сосед этажом ниже, строго посмотрел на меня снизу вверх. Я знал, что даже в полумраке от его кошачьего взгляда не укрылись ни закатанные рукава рубашки, ни растрепавшаяся прическа, ни пыльный след на штанине. С трудом подавив в себе желание отряхнуть брюки и пригладить волосы, как перед встречей с директором интерната, я сдержанно поинтересовался, что ему нужно.

– Послушайте, – начал он раздраженно, – это уже слишком! Что вы тут устраиваете? Весь день двигали мебель, грохот стоял невозможный, а сейчас, только успокоились, заново? Это невыносимо!

Большую часть комнат в университетском общежитии занимали молодые сотрудники факультета, в силу должности не обладавшие достаточными средствами, чтобы снять жилье в городе, и не желавшие жить с родственниками (или не имевшие такой возможности, приехав в Гетценбург из разных уголков империи). Состоявшихся преподавателей было мало. Немногие даже из любви к науке согласились бы на одну комнату и душ в коридоре. Профессор Дрейкер, к сожалению, был одним из них. Разругавшись на старости лет с сыновьями и невесткой, светило имперской экономики в отместку продало городскую резиденцию и отписало еще при жизни все свое имущество родной кафедре. Кафедра с радостью согласилась, профессор въехал в комнату под моей, а я вскоре начал понимать причины его размолвки с семьей. На свойственный всем гениям поганый характер профессора накладывался кошачий слух. Шаги по комнате казались ему топотом, упавшую

на пол книгу он воспринимал как личное оскорбление, и упаси духи было приколотить на место планку у разошедшей тумбочки! Выданную мне в тот день тираду я надолго запомнил. Впрочем, дальше еженедельных визитов с гневными отповедями дело не шло, поэтому со временем я привык к такому соседству.

– Да, конечно, – согласился я, пропустив мимо ушей претензии старика. – Сейчас же все прекращу.

– Будьте так любезны! – пропыхтел профессор. – Имейте в виду, если в следующий раз вы, как сегодня днем, откажетесь открывать дверь, я вызову управляющего!

– Обязательно, – невпопад заверил я его. – А во сколько, вы говорите, я сегодня мебель двигал?

Знаменитый экономист смерил меня таким взглядом, что я поспешил попроситься и закрыть за ним дверь. Рассеянно потеряв пятно на перчатке, я вернулся к книжному шкафу. Мои догадки подтвердились: сбоку, на уровне моей головы, виднелось пятно сине-зеленого оттенка. Словно кто-то, не заметив, задел рукавом свежеекрашенную стену, а затем, отодвигая шкаф, невольно перенес краску на него...

И я знал, кто в городе недавно красил стены в этот цвет.

В беспорядке я нашел другие перчатки, подумав, взял с собой оставшийся с войны пистолет и вышел, позволив двери захлопнуться у меня за спиной.

Глава 9

Доктор

«Хефер» не был похож на столичный «Ориент», известный своей роскошью. Не напоминал он и пошлые почасовые отели, занимавшие обочины крупных дорог. Совсем недавно он был доходным домом для среднего класса, удачно расположенным и во всех отношениях благопристойным, но покойный мистер Хефер разместил несколько неудачных вложений перед предыдущим кризисом, и его вдове пришлось узнать, что после уплаты налогов и процентов за долг доход от дома удивительным образом приближался к нулю. И что люди были готовы заплатить существенно больше за возможность снять комнату не на неделю, а на сутки, а того лучше – на несколько часов.

Так получилось, что недалеко от городского парка возникла почасовая гостиница, чей вид удовлетворил бы вкус любого пуританина. Это обстоятельство, впрочем, миссис Хефер, в душе которой любовь к приличиям поблекла после подсчета первой прибыли от отеля, намеревалась исправить.

Во вторник вместо скромного деревянного фасада меня встретили строительные леса и запах свежей краски. Я еще отметил необычный оттенок: насыщенный, что называется, богатый, балансирующий на грани между синим и зеленым...

«Виридиан», – назвала его моя спутница. Не уверен, сумел бы я запомнить цвет, если бы не название и не факт, что я сам в тот день едва не испачкал пальто, на выходе пропуская ее вперед.

В свете фонарей было видно, что работы продолжались. Я осторожно дотронулся до стены – краска еще не высохла. Войдя внутрь, я кивнул отставному солдату, выполнявшему при миссис Хефер роли портье, сторожа и вышибалы одновременно, и попросил проводить к хозяйке.

– Вы сегодня одни, – прокомментировала та мое появление, вопросительно изогнув бровь.

– Скажите, кто-нибудь спрашивал обо мне или о номере, который я занимал в прошлый раз?

По внезапно отведенному взгляду я понял, что попал в точку.

Будь на моем месте Виктор, то наверняка бы он уговорил ее рассказать все. К сожалению, харизма и обаяние не были моими сильными сторонами.

– Мне очень важно это узнать, – я достал из кармана бумажник.

– Был один, – миссис Хефер приняла десятишиллинговую банкноту и убрала в ящик стола. – Хотел посмотреть на комнату, в которой вы были.

– Только посмотреть? – уточнил я, втайне надеясь, что неизвестный не устроил в номере такой же погром, как в моем жилище, и миссис Хефер не придет в голову потребовать с меня компенсации.

– Пробыл в ней с полчаса, что делал, не знаю, не спрашивала.

Хозяйка гостиницы неприятно улыбнулась, намекая, что ей прекрасно известно, за что тут платят.

– Как он выглядел? – проигнорировал я ее намеки.

– Не джентльмен, если вы знаете, о чем я. Слишком здоровый, – она окинула меня взглядом. – И одет иначе.

– Он что-нибудь говорил? Или...

На меня нашло озарение. Очевидно, люди, разыскивающие украденные Хевелем документы, считали, что бумаги в моих руках. Поэтому они побывали в общежитии, поэтому проверяли, где я мог спрятать бумаги за его пределами. Итак: если бы я, обыскав номер, не нашел то, что искал, но не мог отбросить теорию, что нужный мне предмет находится в комнате, что бы я сделал? Я бы дождался, пока спрятавший искомое человек вернется и заберет его.

– Он просил сообщить, когда я в следующий раз появлюсь у вас?

Снова я угадал.

– Он выглядел опасным человеком, – заметила хозяйка отеля вместо ответа.

Намек был прозрачен.

– Пятьдесят шиллингов, – миссис Хефер назвала цену после многозначительной паузы.

Я полагал, что сумма превышает заплаченную быком вдвое, но безропотно заплатил.

Взамен хозяйка выдала мне листочек, на котором ее почерком были записаны телефонный номер и адрес человека, торговавшегося в мое жилище.

Я мог бы вызвать Эйзенхарта или отдать ему этот листок – и то, и другое было бы рациональным, логичным поступком. Но я этого не сделал. Сложно сказать, чем я руководствовался в своих решениях. Возможно, я все еще был зол на Виктора. Я не из тех людей, кто легко впускает к себе в душу других. Еще меньше я выношу тех, кто лезет туда без приглашения. Эйзенхарт же был человеком, считавшим, что личное пространство других существует исключительно для его развлечения.

В любом случае, я решил сам отправиться по указанному адресу. Извозчик высадил меня у доходного дома в менее обеспеченном районе (и все же, как ни удивительно, достаточно богатом, чтобы провести телефон в каждую квартиру). Я не стал стучать – что, разумеется, было глупостью, но не большей, чем вся эта авантюра в целом. На мое счастье, дверь была не заперта. Должно быть, хозяин отошел на минуту в ванную или вниз: в комнате, куда я заглянул, никого не было.

Бумаги лежали неопрятной кучей на столе, но едва я успел забрать их, как удача покинула меня.

Теперь я мог понять, почему миссис Хефер описала его как опасного человека, и был полностью согласен с ее мнением.

Мой противник ростом превосходил меня на голову, а я не из самого низкого десятка. В плечах бык был вдвое шире, но даже если бы он не обладал столь выдающимися размерами, его инклинация сводила все сравнения на нет. Исход столкновения с быком был предрешен с самого начала. Я оказался в ловушке.

Окинув происходящее налитыми кровью глазами, он, не теряя времени на вопросы, бросился на меня. Схватил за запястье. Я услышал, как хрустнула кость. Документы рассыпались по паркету. Другой рукой бык взялся за мое горло, сдавливая его и приподнимая меня над полом. Я попытался удержаться, вытянувшись на кончиках пальцев, но пол ускользал из-под моих ног. В глазах потемнело от нехватки воздуха. Я знал, что еще немного, и потеряю сознание – если, конечно, бык не переломит мой хребет раньше.

Мне подумалось, какой идиотской была эта затея. А еще я задался вопросом, действительно ли хочу умереть. Впервые после взрыва, стоившего мне выстроенного будущего, я почувствовал, что не готов покидать этот мир ради мира духов. И я воспользовался

единственным имеющимся у меня оружием. Не пистолетом: здоровой рукой я не сумел бы дотянуться до кобуры. Но я мог дотронуться до быка.

Прикосновение вышло легким, даже нежным. Проводя пальцами по его щеке, я едва мог почувствовать под перчаткой кожу. А потом мой дар выплеснулся на свободу.

Хватая ртом воздух, я упал и посмотрел на распростертое рядом тело. В голове билась лишь одна мысль: нас могли услышать.

Нужно было уходить.

Глава 10

Эйзенхарт

Официальный рабочий день в полицейском управлении закончился, и общая комната седьмого отделения опустела. Кабинеты тоже: лишь кое-где в щель под дверями пробивалась узкая полоска света. Виктор кивнул дежурному и прошел к себе, держа под мышкой сверток из промаслившейся коричневой бумаги. За его столом сидел Брэм и, высунув от усердия кончик языка, выводил аккуратным почерком строки. Корзина для бумаг, стоявшая перед ним, уже была наполовину заполнена испорченными страницами. – «Также» здесь пишется слитно, – отметил Виктор, заглядывая через плечо кузена. Тот тяжело вздохнул и достал чистый лист.

– Давай остальное посмотрю, – Виктор перехватил черновик отчета на пути в корзину и пробежался по нему глазами. – Тут еще запятую поставь. – Посмотрев на расстроенное лицо Шона, он рассмеялся. – Не переживай. Поработаешь с мое, язык лучше учителя выучишь. А теперь рассказывай.

Виктор с рассеянным видом потрогал чайник. Еще горячий.

– Чаю хочешь? – предложил он, наливая себе.

Немой укор был ему ответом.

– Вы знаете, сколько отделений императорского почтамта в Гетценбурге? – спросил Брэм, заново принимаясь за отчет.

– Двадцать два, – без запинки ответил Виктор. – Понял. Значит, плюшки тебе тоже не предлагать, – он кинул пахнувший корицей сверток на стол. – Нашел что-нибудь?

В руках Шона зашелестели страницы полицейского блокнота.

– На втором сортировочном пункте сказали, что некто очень интересовался содержимым писем, отправителем которых значился Р. Альтманн.

– Описание получил?

– Так точно.

– Не больше метра восьмидесяти, щуплый, на голове рога, одет в дорогой костюм, темно-серый в тонкую полоску?

– Наоборот, – удивился Шон. – Выше двух десяти, телосложение атлетическое. На голове была бордовая кепка, поэтому про рога ничего не сказано. Я записал.

Виктор прочел словесный портрет и вернул блокнот.

– Интересно. Что-нибудь еще?

– Адрес, сэр. Он оставил его на случай, если кто-то из служащих передумает...

«И решит подправить свое благосостояние нелегальным путем», – повисло в воздухе невысказанное окончание фразы. Больно легким был этот путь. Делать свою работу и мимоходом замечать интересующую других информацию. Императорский закон о цензуре в какой-то степени подтолкнул работников коммуникаций к этой идее: слишком много открывалось писем и подслушивалось разговоров, чтобы никому в голову не пришла мысль заняться тем же самым, но за дополнительную плату.

– Я переписал его, сэр. Нижний ров, дом...

– Двадцать пять, апартаменты 6-Е, – закончил с ним в унисон Виктор. – Забавно.

На лице Брэма появилось обиженное выражение.

– Откуда вы знаете?

– Я не проверял, как ты работаешь, если ты об этом, – Виктор достал из кармана сложенную вчетверо бумажку и помахал ей. – Центральный телефонный узел. Та же просьба, тот же адрес, думаю, и тот же номер телефона. Только человек другой. Выпив залпом чай и отправив в рот остатки плюшки, Виктор поднялся со стула.

– Ну что, – немного неразборчиво спросил он, – проведем нашего подозреваемого?

– Которого из них? – уточнил Брэм.

В темноте Нижний ров мигал белым светом новомодных электрических фонарей. Нужный им дом стоял на отшибе по северной стороне улицы. В этом районе он пока был один такой: новый, огромный по сравнению со старыми одно- и двухэтажными особняками, построенный хозяевами для дохода. Привратник без вопросов впустил их внутрь, признаваясь, что понятия не имеет, дома ли арендатор. На вопрос, как выглядит жилец из апартаментов 6-Е, он тоже пожал плечами, сообщив, что они меняются слишком часто, чтобы их запомнить.

Арендатора на месте, судя по всему, не было. По крайней мере, на стук никто не отзывался.

– Надеюсь, его никто не успел предупредить о нашем приходе, – проворчал Виктор, на всякий случай дергая дверную ручку.

Та поддалась.

Плохой признак. Чисто теоретически Виктор знал, что иногда люди забывали запереть дверь. В жизни ему такое встречать не доводилось. Зато его профессиональный опыт был полон случаев, когда дверь оказывалась незапертой после квартирной кражи. Или после того, как подозреваемый в спешке покидал свое временное пристанище. Или потому что убийца не удосуживался закрыть за собой дверь.

Первую версию Виктор сразу отмел: в жизни таких совпадений не бывает. От второй пришлось отказаться, когда обнаружился труп.

Тело, мертвыми глазами уставившееся в потолок, нашлось на полу жилой комнаты.

Молодой бык лежал навзничь, но даже в такой позе его рост и сложение поражали.

– Что ж, теперь мы хотя бы знаем, к кому из двоих шли, – философски заметил Виктор и наклонился к трупу. На первый взгляд никаких видимых повреждений заметно не было. – Я бы сказал, что мы опоздали на час-другой. Брэм, сходи-ка к привратнику. Вызови оттуда доктора Ретта и... Кто сегодня дежурит из судебных экспертов?

– Лой, сэр. Будет выполнено.

– Спроси там заодно, кто сегодня вечером заходил в дом. Не только сюда, но и в другие квартиры.

– Так точно, сэр.

Виктор поднялся с корточек и вышел вслед за Шоном. Со вздохом прислонился к стене в коридоре. До приезда экспертов в апартаментах ничего нельзя трогать, а ноги после долгого дня гудели от усталости.

– Я покараулю пока тут. А ты, – от него не укрылось, как Брэм побледнел при виде трупа, – можешь подождать их внизу.

Виктор с тоской подумал о свободных стульях в каморке привратника. Притащить один из них наверх, что ли? Впрочем, при мысли о лестнице идея умерла сама собой.

К его удивлению, Шон быстро вернулся.

«Молодец», – с теплотой подумал Виктор, вспоминая, как сам давным-давно перебарывал страх мертвецов. Какая-то мысль, связанная с этими воспоминаниями, забрезжила на краю сознания...

– Доктор Ретт был дома, поэтому скоро прибудет. Лой уже выехал, – доложил Брэм.

Виктор кивнул и устало запрокинул голову. Что же это было – еще из того времени, когда сам он служил сержантом под началом детектива Гардинера...

– Вспомнил, – сообщил Виктор потолку. – Я вспомнил, где его видел. Брин Толлерс, из местных. Один раз попался на разбое, до этого проходил подозреваемым по той же статье. Не знал, что он вернулся в город. – Он прикрыл глаза. – Что насчет посетителей?

– Я собрал описания, насколько привратник смог их вспомнить. Сэр, – в голосе Брэма звучало сочувствие, – вы в порядке?

Не совсем. Диета из бессонницы и случайных плюшек никому не шла на пользу. И Лидии больше не было, чтобы приказывать ему прекращать маяться дурью и пойти домой.

– Что со мной будет? – пробормотал Виктор, давно научившийся засыпать в любом месте и в любом положении. – Главное, разбуди, когда они приедут.

Команда Лоя прибыла первой и споро принялась за дело. Вскоре все поверхности были в графитовом дактилоскопическом порошке, а в воздухе пахло фотографической вспышкой. Доктор Ретт, младший патолог полицейского управления, мужчина с пегими волосами и крысиными чертами лица, появился немногим позже, привнося в помещение атмосферу недовольства.

– Можете мне дать что-нибудь, Ретт? – спросил Виктор у склонившегося над телом патолога.

– Я что, нанимался прорицателем? – тот метнул на него хмурый взгляд. – Приходите послезавтра, получите заключение.

– Почему так долго? Насколько я знаю, у вас нет сейчас тел в очереди на вскрытие.

– Зато у меня есть вторая работа. И первая половина дня у меня занята приемом. Так и быть, – пошел на уступку Ретт, – можете подойти завтра к вечеру, выпишу вам предварительное заключение.

Виктор покачал головой.

– Все еще слишком медленно.

– С каких пор мертвецам есть куда спешить? – ворчливо поинтересовался патолог и кивнул санитарам. – В любом случае, раньше вы от меня ничего не добьетесь. Можете увозить.

Добьется. Не от Ретта, но...

– Стоять! – скомандовал Виктор. Носилки с телом замерли на полпути из комнаты.

– Что дальше, детектив? – сухо поинтересовался полицейский патолог. – Оставьте тело здесь, пока я не соглашусь препарировать его прямо сейчас?

– Ни в коем случае, – заверил его Виктор. – Увозите! – разрешил он носильщикам. – Только не в морг. Кто-нибудь из вас знает, как проехать к университету?

Глава 11

Доктор

– В последнее время вы ведете увлекательную жизнь, – заметил Мортимер, накладывая гипсовую повязку на мою руку. – Вступили в какой-нибудь клуб? Бокс? Сават?

[17]

Спортивная борьба?

Если мой коллега и удивился тому, как я ввалился в его кабинет, прижимая к груди сломанное запястье, он держал это при себе. Только спросил, чем может помочь, раздобыл порошок и горячую воду и приступил к гипсованию.

– Сават? – невольно заинтересовался я. – Им увлекаются в Гетценбурге?

– Почему нет? У нас все-таки не самая глухая провинция, – Максим осторожно пригладил последний слой бинта и оставил его высыхать. – Молодые аристократы едут в Арнуаль на саббатикал, многие предпочитают там отдыхать... Естественно, привозят оттуда модные веяния. Так я угадал?

– Нет, – я с улыбкой покачал головой, – не занимался им с армии. А это... – придумывая правдоподобное объяснение, я вспомнил первую стычку с быками. – Это был скорее каном

[18]

.

– Должно быть, он стал гораздо опаснее с тех пор, как я в последний раз смотрел правила, – пробормотал Максим. – Но не буду больше спрашивать, если вы не желаете.

Я был ему за это признателен.

– Как прошла ваша встреча с полицией? – полюбопытствовал я.

Молодой танатолог пробурчал себе что-то под нос.

– Честно говоря, я так и не понял, что хотел от меня тот куп, – признался он. – Прoderжал меня три часа в приемной, а потом безо всяких вопросов отпустил. Кстати, он сейчас здесь.

– Кто? – переспросил я.

– Куп. Видел его только что в коридоре, по-моему, он направлялся к Фитцерею. Эй! – вскочил он вслед за мной. – Подождите! – Максим проверил повязку и нахмурился. – Должна выдержать... Давайте я вам помогу.

Просунув руку в бандаж, я поспешил в кабинет профессора.

Я нашел их с Эйзенхартом в танатологической лаборатории в подвале. Стоя перед накрытым простыней телом, детектив и профессор увлеченно беседовали. Эйзенхарт обернулся на скрип открывающейся двери и остановил взгляд на моем гипсе.

– Альтманн, Мортимер, проходите, – неожиданно доброжелательно поприветствовал нас профессор Фитцереи. – Мы с вашим кузеном, Альтманн, как раз обсуждали перспективы сотрудничества между нашей кафедрой и полицией.

– Кузеном? – шепотом повторил Максим.

Я пожал плечами и внимательнее посмотрел на профессора, с энтузиазмом вещавшего что-то об обществе, наконец оценившем танатологию. Проблема с Эйзенхартом заключалась в том, что кроме умения наступать на чужие мозоли он обладал обаянием. Мне доводилось наблюдать, как привлеченные его легкой приветливой манерой люди и не замечали, что попали в ловушку, и не могли ему отказать. Сейчас его очередной жертвой стал мой начальник. Хотел бы я знать, что он ему пообещал...

– Разумеется, подробности еще будут обговариваться, но от лица кафедры я позволил себе предложить нашу помощь уже сейчас...

– Быстро он сменил лейтмотив, – тихо прокомментировал Максим.

Я кивнул. Для человека, после прошлого визита Эйзенхарта в университет визжавшего о недопустимости идти на поводу у полиции и прерогативе науки над интересами властей, профессор Фитцереи удивительно скоро пересмотрел свои суждения.

Впрочем, как выяснилось, работа с полицией должна была дать кафедре танатологии больше материала для практических опытов. Теперь стало ясно, почему Фитцереи воодушевился: он давно сбросил всю остальную работу на ассистентов в лице нас с Мортимером и появлялся на службе только ради экспериментов по реанимации, ворча по поводу квоты и суеверных плебеев, не желавших завещать себя науке.

Не переставая болтать, профессор откинул простыню с тела, и я едва подавил желание дотронуться до синяков на шее. На лабораторном столе лежал человек, оставивший их вчера. Лежало, поправил я себя. Тело. Потому что бык был совершенно однозначно мертв. И Эйзенхарт привез его сюда. Вместо того чтобы отправить в полицейский морг.

Это не могло быть совпадением.

Найдя момент, пока Максим подготавливал труп (меня из-за гипса от процедуры пришлось освободить), а профессор отошел в сторону, я приблизился к Виктору.

– Что вы здесь делаете? – понизив голос, поинтересовался я.

– Свою работу, расследую убийство. Что с вашей рукой?

– Споткнулся на лестнице, – озвучил я первую пришедшую на ум ложь, не желая заострять на своей травме внимание.

– В самом деле? – Виктор окинул меня внимательным взглядом. Высокий воротник сорочки должен был скрыть от него следы на шее, и все же мне показалось, будто он что-то заметил. – Знаете, от кого я обычно слышу такие ответы? От жертв домашнего насилия. Но, полагаю, это

уже

не ваш вариант. Так что с вами случилось, Роберт?

От необходимости отвечать меня спас Мортимер, возвестивший, что все готово.

За экспериментом я наблюдал с отстраненным интересом. С одной стороны, мне еще не доводилось присутствовать при ресurreкции человека, умершего от чужого дара. С другой... Отчасти мне было любопытно, какой будет реакция Эйзенхарта, если мертвец ответит на его вопросы. Однако все обошлось. Должно быть, сегодня духи оказались на моей стороне. Не было ни судорог, ни вызывающих отвращение гримас смерти. Лежавшее на столе тело осталось безучастно к нашим стараниям.

– Больше ничего нельзя сделать? – спросил Эйзенхарт, глядя на то, что недавно было человеком.

Профессор беспокоился. Неудивительно: если полицейский разочаруется в пользе ресurreкции, плакали его планы на повышение квоты.

– Наука здесь бессильна, но... – на этих его словах Эйзенхарт напрягся. Как и я, но по другой причине. – Насколько это для вас важно, детектив?

Виктор задумался.

– Очень, – произнес он после некоторых размышлений. – Не могу сказать, что это вопрос жизни и смерти, но это действительно важно.

– В таком случае я мог бы вернуть его в последний момент жизни, – предложил профессор Фитцерея. – Он не ответит на ваши вопросы. Он вообще не будет знать, что вы здесь. Но вы сможете выяснить, что произошло с ним в последние секунды. Разумеется, я не уверен, насколько это может вам помочь...

Я удивленно поднял брови. В обществе старались не афишировать свой дар, если только он не был совершенно безобиден – и, как следствие, бесполезен. Мне было известно о даре профессора лишь потому, что я с ним работал. Максим знал, потому что родился таким же. Что касается остальных знакомых профессора Фитцерея, то я сильно сомневался, что тот кому-то рассказал. Люди с подобным даром редко открывались другим. Легче было признаться в том, что родился вороном. Возможно, это встретило бы даже меньше осуждения. Должно быть, профессору очень нужны были эти трупы, если он предложил свои услуги.

Профессор Фитцерея родился дроздом, и, будь дар сильнее, его забрали бы на воспитание в храм, как поступают с теми, кто способен воскрешать умерших не своей смертью. Но его дар оказался слишком слаб. Он не мог возвращать людей к жизни, только поднимать их тела. Их души оставались в другом мире, переходя в наш лишь на краткий миг, пока они помнили собственную смерть. После этого они возвращались на ту сторону моста, оставляя пустую оболочку, подчиняющуюся воле дрозда. Я видел подобное в армии, и зрелище это нельзя было назвать приятным. Слово «нсамби» опять всплыло из глубин моей памяти вместе со сладким запахом гниения.

– Давайте попробуем, – согласился Эйзенхарт, не подозревавший, свидетелем насколько редкого для мирных земель события ему предстояло стать.

Танатолог положил ладонь на лоб погибшему и прикрыл глаза. Лежавшее на столе тело вздрогнуло и свернулось в клубок, словно испуганный ребенок.

– Больно, – прошептало то, что было быком в прошлой жизни. – Так больно... Так страшно...

Профессор отнял свою руку и отошел, позволяя нам увидеть происходящее.

Лицо быка сморщилось, будто тот собирался заплакать. Мертвые глаза невидяще уставились на нас.

– Почему так страшно? – спросил у нас труп.

Я мог объяснить почему. За одну секунду после моего касания яд распространился от мышц горла к конечностям, лишив его возможности двигаться. Словно погребенный заживо, он не мог шелохнуть ни рукой, ни ногой, грузно оседая на пол. Наступил общий паралич. Дыхание остановилось. И только сознание продолжало работать, изо всех сил сигнализируя нехватку кислорода.

Физически бык не мог уже этого чувствовать – и не чувствовал, – но дар профессора Фитцерея заставлял его переживать свою смерть заново. То, что было в реальности несколькими секундами, превратилось в минуты агонии.

Не желая больше это наблюдать, я вышел.

Глава 12

Доктор

Полагаю, пришло время объясниться.

Когда я говорю, что мой отец был ядовитым человеком, я имею в виду не только его характер. Об этом не принято распространяться, но Северина-Змея не зря считают покровителем врачей и убийц. Пусть вторых меньше, чем первых, они есть. Гадюки. Кобры. И те, чье прикосновение губительно для всего живого. Почему нет? Многие змеи ядовиты. Стоит ли удивляться тому, что змеи, носящие человеческое обличье, ядовиты вдвойне?

Мой отец, сэр Уильям Альтманн, был отмечен Змеем, но получил от него способность не к врачеванию, а к убийству. Как я уже упоминал, дары, что дают нам духи, различаются по силе: чей-то дар может быть продолжением его инклинации, как нечеловеческая сила у быков. Иные люди обладают даром, возносящим их на уровень богов, почитаемых ортодоксалами Эллии. Мой отец был из последних. По слухам, ему было достаточно опустить ладонь в реку, чтобы отравить деревню, расположившуюся ниже по течению. Не знаю, так ли это. Отец никогда не распространялся об армейской службе, а доступ к его делу не дали даже мне. Но какая-то доля правды в слухах о нем определенно была. Разумеется, в это сложно поверить: смерть от касания, универсальный токсин, от которого нет противоядия и который не оставляет следов... Я бы сам отбросил это как дурную выдумку из дешевого детектива, если бы не два факта. Первым было то, что после пожара, в котором погибли мои родители, часть Марчестерской пустоши, принадлежавшая отцу, стала пустошью в прямом смысле этого слова. Предсмертная ярость змея выжгла все живое на мили вокруг, и пройдет еще немало лет, прежде чем там вновь зацветет вереск. Вторым фактом было то, что его дар передан по наследству мне. С самого рождения я знал, что смерть станет моим вечным попутчиком. И всегда понимал, каким будет мое будущее. Вплоть до того дня, когда на моем столе оказалось тело с защитой в нем арнуальской бомбой...

Я едва успел выкурить сигарету, прежде чем пришел Эйзенхарт.

— Пообещайте мне, что, когда я умру, вы не дадите танатологам ставить на мне опыты, — Виктор без предупреждения влетел в кабинет, отнял у меня портсигар и уселся прямо на стол.

— Верните, — велел я. — Дар профессора произвел на вас такое подавляющее впечатление? Виктор взглянул на меня с отвращением.

— Это еще ладно. Но теперь ваши коллеги заставили его передвигать столы в лаборатории. Я закурил вторую сигарету.

— Что ж, это практично. Там давно пора устроить перестановку, а он сильнее нас троих вместе взятых. Не переживайте, он уже ничего не чувствует, — добавил я, заметив выражение лица детектива. — Осталось только тело.

Эйзенхарт скривился, но предпочел оставить эту тему без комментариев.

— Кстати о силе. Вы собирались рассказать мне, как сломали запястье.

— Разве? — удивился я.

В кабинете воцарилось молчание. Каждый из нас обдумывал, что может сказать собеседник и какие козыри у него есть. Виктор решил открыть свои первым.

— Я знаю, что вы были последним, кто побывал в квартире Брина Толлера. Привратник вас описал, и там повсюду ваши отпечатки. Можете не отрицать: вы были в перчатках, что я отдал вам в управлении. Я попросил экспертное бюро внести их в базу перед этим. Да и без них не так много в Гетценбурге людей с тем же количеством пальцев, что у вас.

Любопытно: что заставило кузена отдать мне пару, с которой он предварительно снял отпечатки? Я пожал плечами. И рассказал все. Как пришел в разгромленную комнату. Как наткнулся на следы краски. Как понял, где узнать адрес мистера Толлера. Не затронул только тему его смерти, но об этом было легко догадаться.

– Я пришла к вам Брэма, пусть посмотрит ваше жилье, – пообещал детектив. – А теперь мне все же хотелось бы узнать: что я увижу в результатах вскрытия Толлерса?

– Ничего.

– Хотите сказать, что вы к этому не причастны? – справедливо не поверил мне Эйзенхарт. – Или что он умер естественной смертью? Потому что, готов заложить свою душу, естественного там не было ничего.

Ставка была вполне в стиле Виктора: вряд ли у кого-либо другого хватило наглости поставить на кон то, чем он никогда не обладал. С другой стороны, он ничем не рисковал: причина смерти мистера Толлерса лежала за гранью обычного хода вещей.

– Нет, – я поморщился, – и нет. Вы ведь читали мое досье.

В то время как общество не любит людей, чей дар непригляден, армия, напротив, крайне в них заинтересована. Военное министерство имеет право проверять всех, кого подозревает в наличии полезной для себя и потенциально опасной для мирного населения силы, и забирать себе. Кукловодов

[19]

, некромантов... Таких как я. Сильный дар часто повторяется в следующем поколении, поэтому, учитывая репутацию моего отца, избежать проверки мне бы не удалось, как и скрыть свой дар от комиссии. Единственное, что я мог сделать, – это сдержать его, обмануть проверяющих, заставить их поверить, что, в отличие от Алтманна-старшего, от меня будет мало толка. Подобные результаты, хотя и накладывали на меня определенные обязательства перед министерством, позволяли вести тот образ жизни, который я пожелаю. Но мое досье навсегда оставалось в красном списке.

– Там половина текста, если не больше, вычеркнута, – признался Виктор. – Моего уровня доступа недостаточно. Так о чем вы хотели сказать?

– Ваш патолог ничего не обнаружит при вскрытии, потому что природа вещества, убившего Толлерса, аналогична субстанции, используемой для ресуррекции.

– Вам придется изъясняться немного четче, – попросил он.

– Это дар.

Эйзенхарт нахмурился.

–

Ваш

дар, – уточнил он.

Я кивнул. Все-таки общество слишком легко забывало о том, что змеи могли быть не только врачами.

– Докажите, – потребовал Эйзенхарт после некоторого молчания.

– Простите?

– Продемонстрируйте. Как вы убили Толлерса? Считайте, что я хочу провести следственный эксперимент.

Или Виктору просто было любопытно.

– И кого вы решили для этого убить? Только не говорите, что рискнете собой.

– Зачем же, – хмыкнул Эйзенхарт. – Почему бы не попробовать на... Например, на этом фикусе.

Я хмуро посмотрел на заставленный горшками подоконник.

– Это будет порчей университетского имущества.

– Я куплю вам новый, – пообещал детектив.

Повернувшись на стуле, я растер между пальцами толстый глянцевый лист и вздохнул.

Традиционно считалось, что для дара, подобного моему, необходим непосредственный контакт. Кожа к коже. Домыслы, хотя дополнительный слой, будь это одежда или каменная стена, требовал больше усилий. Решив, что лишний раз снимать перчатку, имея одну руку в гипсе, я не хочу, а демонстрация станет от этого еще наглядней, я позволил дару проснуться. Листок потемнел и съежился, следом за ним начал чернеть ствол. Через пару мгновений, когда я опустил руку, в горшке остался лишь бурый, будто обугленный, остов.

Эйзенхарт как зачарованный потянулся к горшку.

– Не стоит, – пресек я его попытку. – Он может быть для вас ядовит.

Прикинув, что к чему, руку Виктор убрал.

– Ваши перчатки тоже?

– Возможно. Пожимать мне руку при прощании я бы не рекомендовал. Однако завтра они будут совершенно безопасны: я практически не использовал сейчас дар, – я пожал плечами в ответ на невысказанный вопрос. – Вы спрашивали, зачем мне самоконтроль. Чтобы рассчитать.

В конце концов, правильная дозировка – главный фактор не только лечения, но и убийства. Правда, в случае с Толлерсом меня на это уже не хватило.

Второй раз за наше знакомство я увидел на лице Эйзенхарта выражение, которое не мог расшифровать. Было ли в нем удивление? Неверие? Или... жалость?

А если последнюю я не выдумал, то к кому? Ко мне или к нему, лишенному даже самого слабого из даров? Впрочем, спустя мгновение детектив снова надел маску и кривовато улыбнулся.

– Каких только талантов не обнаруживаешь в родственниках, – хмыкнул Эйзенхарт. – Оригинально. Расскажите, как все произошло с Толлерсом, или мне додумать самому? А то я ведь могу.

Я снова пожал плечами. Едва ли его версия будет сильно отличаться от реальности. Однако просьбу исполнил.

– Он не вовремя вернулся, – подвел я итог.

Интересно, воспримут ли присяжные мой дар как отягчающее или смягчающее обстоятельство? И решит ли министерство вмешаться? Ради общественного спокойствия огласки в происшествиях с обладателями красной метки старались избегать. Любыми способами. Впрочем, у Эйзенхарта имелся другой взгляд на мое ближайшее будущее. Не включавший обвинения и наручников.

– Ерунда, – отмахнулся он от моего предложения проследовать за ним в управление. –

Никуда вы не пойдете. Судя по вашему рассказу, это чистейшая самооборона.

– Не все могут так рассудить.

– Им придется поменять свое мнение. За кого вы меня принимаете? Кем бы я был, посадив члена семьи?

Порядочным человеком с точки зрения закона. Но, как я уже успел заметить, в Гетценбурге было свое понимание порядочности и ее корреляции с имперским правом.

Спрыгнув со стола, Эйзенхарт широким шагом пересек кабинет. О чем-то подумав, вернулся.

– Вот что мы сделаем. Раз я отстранен от расследования, пусть Конрад сам до всего додумывается. Пока я это придержу: в четвертый отдел с трупом на руках никому соваться не стоит, а с красной меткой – и подавно. Но я пришлю к вам Брэма, – решил он. – И сам подойду, тогда договорим. Во сколько вы освободитесь?

Главное из его речи мне вычленить все-таки удалось.

– За что вас отстранили?

– А вы как думаете? – хмыкнул Виктор. – Комиссар Конрад не совсем в восторге от моей профессиональной этики.

Я мог понять почему.

– Но, несмотря на это, вы продолжаете вести дело Хевеля?

На лице Эйзенхарта расцвела широкая ухмылка.

– Вы думали, я так просто откажусь? Док, вы меня плохо знаете!

Глава 13

Доктор

Уже второй раз на этой неделе, вернувшись в общежитие, я обнаружил дверь в свою комнату распахнутой настежь. Впрочем, сейчас над замочной скважиной склонился Шон, чья рыжая макушка сияла бриолином в лучах заходящего солнца.

– Добрый вечер, сэр, – поздоровался со мной он, с осторожностью вынимая замочный механизм.

– «Роберта» достаточно. Не нужно постоянно называть меня сэром.

Парень помотал головой.

– Не на работе, – отказался он.

Я не стал настаивать.

– Что ты делаешь? – вместо этого спросил я.

– По следам, оставленным отмычкой, можно попытаться определить, кто изготовил инструмент. Видите эти царапины, сэр? Грубая работа. Чтобы вскрыть дверь, приходится прикладывать силу, поэтому остаются следы. Будь инструменты хорошего качества, вы бы ничего не заметили, – словоохотливо, как человек, занимающийся любимым делом, пояснил мне Брэмли, продолжая ковыряться в замке. – На Королевском острове такие делает Стивенс. В Лемман-Кливе – Хансенсен...

– И это можно определить по царапинам?

– Не так сложно, сэр. Просто требует опыта.

Я вспомнил, чем Брэмли занимался до поступления на службу в полицию. Чего-чего, а опыта у него хватало. Сержант споро собрал механизм и вставил обратно.

– Мы можем пройти внутрь? Надо осмотреть место преступления.

– Ты, кажется, уже прошел, – проворчал я, но сделал приглашающий жест рукой. – Пожалуйста.

За прошедшее с обыска время я успел навести в комнате относительный порядок, чем расстроил сержанта.

– Лучше бы вы оставили все, как было, – вздохнул он. – Вы не откажетесь показать, как это выглядело в тот вечер?

Я не отказал. Под карандашом Шона, неуклюже зажатым в по-медвежьи большой ладони, проступала окружающая нас обстановка. Его вопросы заставляли вспоминать самые мелкие детали, и я наблюдал, как оживает картина того вечера. Оторвавшись от карандашного наброска в полицейском блокноте, я посмотрел на самого Шона. Если вглядеться внимательнее, можно было заметить, что для медведя он отличался не самым крупным сложением. Он был жилист и тонок, как я сам, как моя мать, как леди Эйзенхарт и как, должно быть, их сестра, которую я никогда не встречал. Он казался мощнее из-за Артура-Медведя, оставившего на нем свою метку, но на самом деле был угловат и несклепист, как все подростки. Руки, которые он обычно не знал, куда деть, были по-медвежьи грубыми, но в то же время обладали длинными чуткими пальцами. Цветом кожи и волосами он пошел в своего отца, но глаза у него были голубыми, точь-в-точь как у леди Эйзенхарт – и как те, что остались в моих воспоминаниях.

– Сэр? – Брэмли перехватил мой взгляд.

– Как ты попал в Гетценбург?

Шон отвернулся – вроде как для того, чтобы осмотреть кухонную нишу. Но и со спины было заметно, как он напрягся.

– Вам Виктор рассказал.

– Не всё, – не стал отрицать я. – Он отказался говорить, как ты очутился среди «мальчишек».

– Мой отец был дезертиром, – после паузы сказал Шон. – Презираете?

– Нет.

Я ответил честно. Побывав на фронте, я отдавал себе отчет в том, что война – занятие не для всех. Она требовала определенного склада ума... И души. Иначе забирала себе и то, и другое – часто вместе с жизнью.

Но я также понимал, почему Шон так думал. Благочестие заботило общество больше, чем люди. Не так давно утихли призывы убивать семьи дезертиров, чтобы те знали, кто заплатит за их предательство, – и чтобы не портить империю «дурной кровью». В отличие от людей востока имперцы, к сожалению, не признавали, что сын не в ответе за отца.

После моего ответа дальнейший рассказ дался ему легче.

– Когда мы узнали, нам пришлось переехать. Денег не было. Мать слегла от горя... И не вставала до конца, – его голос дрогнул, в отражении в оконном стекле показался предательски покрасневший кончик носа.

– И ты попал в банду, – продолжил я, делая вид, что ничего не вижу.

– Нет. Я попал на улицу. Тес... Генерал нашел меня позже.

– Почему ты не попросил о помощи Эйзенхартов?

– Я не знал, как с ними связаться. И не думал, что они захотят иметь дело со мной, – признался Шон, все еще отказывавшийся смотреть в мою сторону.

Я представил, каково ему было тогда. Незванный посетитель. Сухой официальный голос, объясняющий, что с этого дня офицер Брэмли считается изменником родины. Сдавленные рыдания матери. Новый дом – на самом деле халупа, – иное жилье одинокая женщина, лишившаяся офицерского пособия, позволить себе не могла. Соседи, настороженно наблюдающие за новыми жильцами и узнающие их секрет. Новый социальный статус: парии и изгоя. Бедность, голод, отчаяние... Это было лишь малой толикой того, что ему пришлось пережить. Мне стало стыдно. В те годы я был уже достаточно взрослым, чтобы иметь возможность оказать ему помощь. Если бы я знал, если бы поддерживал связь с Эйзенхартами, а не отказывался от их участия в своей жизни, высокомерно считая это услугой им, а не себе...

– Мне жаль.

Шон неловко пожал плечами, передвигаясь по комнате дальше.

– Я думал, они постараются вычеркнуть меня из памяти, – продолжил он. – Я ошибался.

Оказывается, они все это время искали меня, представляете? Вы знаете, чем я занимался? Ну, до того, как попал в полицию?

– Да.

– Меня поймали. Кто-то настучал купам, что мы присмотрели этот дом, и меня поймали, – он потер переносицу. – В участке я отказывался называть свое имя, поэтому им пришлось сверять с заявлениями о пропавших детях. Так меня обнаружили.

Он наконец обернулся ко мне.

– Мне должны были дать десять лет в колониях, – Шон имел в виду первый колониальный полк, который комплектовался из осужденных. Его сформировали, когда людей в новых землях перестало хватать. Попавшие туда избегали гильотины и могли рассчитывать на возвращение гражданских прав по окончании срока, только... Никто не доживал. – Но сэр Эйзенхарт вмешался и сумел изменить приговор на десять лет работы в полиции. Он дал мне второй шанс. И... Если вы сомневаетесь во мне... Я хочу сказать, если вы сомневаетесь в моих намерениях... В общем, я его использую. Этот шанс.

– Я верю.

Глядя на Шона, я думал, насколько наше прошлое определяет нас самих. Раньше, думая о себе самом, я был уверен, что мы есть то, чем мы были, и изменить себя, свое будущее, мы можем не более, чем исправить прошлые ошибки.

В его случае хотелось бы верить в обратное.

Наше молчание прервал деликатный стук в дверь.

– Вы уже познакомились, или дать вам еще пару минут? – насмешливо поинтересовался Виктор, просовывая голову в комнату. – Если второе, то пары минут у нас нет, поэтому позвольте сократить церемонию. Брэм, это твой старший брат. Какое счастье, что я теперь могу отказаться от этой должности! Он воспитывался в джунглях, а до того – в каком-то элитном интернате, поэтому кажется бесчувственным придурком...

– Хватит паясничать, Виктор, – вздохнул я.

– И чересчур серьезным к тому же, но на самом деле у него золотое сердце... Хотел сказать я, но меня перебили, – детектив комически приподнял брови, изображая отчаяние. – Ладно, к делу. Что у нас?

Он пролистал блокнот, заполненный рисунками Шона, и быстрым шагом обошел комнату, подмечая не убранные на место мелочи. Покрутившись по комнате, словно сопоставляя реальность и изображенную Шоном картину происшедшего, он уселся за письменный стол и попросил посмотреть украденные бумаги.

– Верхний ящик.

Я не успел их разобрать, только отнес на кафедру студенческие эссе. Сначала помешала рука, потом работа, поэтому к Эйзенхарту все попало в том состоянии, в каком я их нашел. И теперь он с энтузиазмом копался в них, заставляя меня испытывать раздражение от осознания, что Виктор не упустит шанса зарыться носом в любые намеки на мою личную жизнь.

– «И все равно жизнь будет гораздо интереснее, чем ты думаешь», – прочел Виктор на обороте фотографии. – Любопытная надпись для мemento. Кто же вам такое пишет, а, доктор?

Я не стал отвечать.

– Это же... – Эйзенхарт перевернул фотографию и замер, что позволило мне выдернуть снимок у него из пальцев.

– Лоран Искомб, я знаю.

– Но она... Своего рода легенда.

– Я знаю.

– Откуда? Тыфу, не это хотел спросить. Как вы с ней познакомились?

– Канджар, девяносто первый. Я был помощником хирурга, она – медицинской сестрой. Эйзенхарт достал стопку карточек со дна ящика. На многих из них была изображена Лоран: темные волосы, черные глаза, волевое выражение на молодом загорелом лице... Лице, известном каждому жителю империи.

Лоран была одной из первых женщин, отправившихся на фронт. Дочь военного врача, она с детства следовала за ним по ставкам и выучилась у него ремеслу. После его смерти она подала прошение самому императору и добилась, чтобы ей позволили служить. Не хирургом, хотя она была более чем компетентна, но все же... Она не боялась самой тяжелой работы и без устали доказывала всем: газетчикам, с удовольствием шутившим за ее счет по поводу женщин в армии, прибывавшему в Канджар новому персоналу, самой себе, – что она так же достойна этого места, как любой из мужчин.

А еще она показала мне, чем теория отличается от практики. И пришла ко мне в комнату с бутылкой бренди, которую у кого-то стащила, в вечер после первого увиденного мной артобстрела.

Ей не исполнилось и двадцати пяти, когда она погибла. Снайпер выстрелил ей в спину, когда медицинская бригада вернулась на поле боя за ранеными. И определенные общественные организации этим воспользовались. Она была красива, молода и мертва – самое подходящее сочетание для трагической героини рекламной кампании. Злобные карикатуры с нее и других сестер сменились историями о добродетели и самопожертвовании, воспевавшими ее подвиг. Попробовали бы они сказать Лоран в лицо, что ее дело было подвигом не потому, что военная служба в каждом случае – подвиг, а потому что она женщина
!

Ее история, как и многие другие, наводнившие прессу следом, послужила цели и помогла сподвигнуть правительство подписать международный договор о нейтральном статусе военно-медицинского персонала, но к тому времени она стала чем-то большим: Лоран Искомб превратилась в национальную героиню, символ, пример для своего поколения... Эйзенхарт рассматривал ее фотографии так, словно пытался определить, что из всего того, что о ней писали, было правдой.

– Какой она была? На самом деле?

– Упрямой, – улыбнулся я. – Своенравной. Ей бы не понравилось, что ее водрузили на пьедестал. – Я обратил внимание, что Эйзенхарт как-то странно на меня покосился. – Что?

– Ничего. Впервые вижу, как вы улыбаетесь. Я был готов шляпу проглотить, что вы на это не способны. – Он кинул снимки обратно в стол и задвинул ящик. – И... Сожалею.

– О ее смерти или о своем чрезмерном любопытстве?

Эйзенхарт хмыкнул.

– Вы забываете, что чрезмерное любопытство – главный двигатель моей карьеры. Но вообще-то я имел в виду, что соболезную вам. Это, знаете ли, принято, когда кто-то теряет близкого человека.

– Если собираетесь выражать мне соболезнования по поводу каждого потерянного на войне друга, вам следует зайти как-нибудь с утра, – сухо порекомендовал я. – Понадобится весь день. Но я бы вместо этого посоветовал вам заняться чем-то более полезным. Хотя бы вашей карьерой. Вас еще не уволили?

Шон испуганно вскинул голову и посмотрел на нас.

– Нет, нет, – предупреждая вопросы, Виктор замахал руками. – И не уволят. С этой работы я уйду только вперед ногами.

Он в задумчивости крутанулся на стуле.

– Скажите, доктор, что вам кажется странным в этом деле? Лично мне, конечно, самым удивительным видится, что, обнаружив взлом, вы не обратились в полицию. Но мы не обо мне говорим. Что

вы
думаете?

– Что не люблю полицию, – проинформировал я его. – Поэтому не обратился.

Эйзенхарт громко фыркнул.

– Как все население империи, если не мира. Однако мне вы могли бы сделать скидку. Но все-таки. Что вам кажется странным в этой ситуации? – он обвел рукой комнату.

Я задумался.

– Что кто-то перерыл мое жилище и проверил номер в отеле, но не обыскивал мой кабинет в университете?

– Нет, – помотал он головой. – Ваш кабинет осматривали, просто более аккуратно.

– Вы уверены? Полагаю, я бы заметил, если бы это было так.

– На сто процентов. Один бык искал вас в четверг и был очень расстроен, когда узнал, что вы на лекции. Думаю, бесполезно спрашивать, дождался ли он вас?

Для меня это стало новостью.

– Они были весьма дотошны, о вас спрашивали даже в картинной галерее Проста, куда вы зачастили в последнее время. Похоже, акварели леди Нэтли вам очень приглянулись. Или сама леди... – Перехватив мой полный подозрения взгляд, он поспешил оправдаться: – Я за вами не слежу, правда!

Возможно, он и не следил, но кого-то другого в полицейском управлении явно заинтересовали мои передвижения по городу.

– Что-нибудь еще, док?

– Что они искали? Ничего в забранных ими бумагах не походит на чертежи или...

– Кто сказал, что это были чертежи? – перебил он меня.

– Но...

Он был прав. Услышав о нефтепроводе, я самостоятельно додумал остальное. Мое воображение дорисовало синюю министерскую кальку и геодезические карты.

– В таком случае – что украл Хевель?

Эйзенхарт не спешил отвечать, вероятно, размышляя, что из информации он может раскрыть.

– Представьте себе краткую выписку из кадастрового реестра. Я не говорю, что речь именно о ней, но в качестве примера. Список из десятка-другого фамилий: аристократов, промышленников, крестьян... Людей, которых объединяет только тот факт, что нефтепровод пройдет по их землям. Довольно банальная информация, как кажется, но при правильном ее использовании строительство можно отодвинуть на годы. А если выкупить землю сейчас, пока не начались переговоры с владельцами, – еще и неплохо на этом заработать.

– Мне кажется, вы преувеличиваете.

– Строительство восточной железной дороги на Королевском острове переносилось четырежды по этой причине. Уже разрабатывался проект в обход Энтлемского леса, когда лорд Энтлем наконец согласился с предложенной ценой, – Виктор достал из кармана брюк

сигареты. – Или, к примеру, еще один список, только короче. Мануфактуры, способные удовлетворить потребность министерства в стальных трубах. Их будет не так много, учитывая необходимое количество. Вовремя заключенный контракт, оттягивающий нужные мощности на себя, поможет одной или двум компаниям выбыть из списка...

– Вы считаете, что кто-то пойдет на такие траты, только чтобы отсрочить строительство? – перебил я его.

– Вы знаете, каковы ставки. Перенос сроков строительства – а нефтепровод все равно построят, об отмене проекта речи не идет – не станет первой костяшкой домино, которая обрушит в итоге империю. Мы не проиграем из-за этого войну, но можем потерять из-за задержки ценные колонии. Недовольство результатами военных действий перерастет в недовольство правительством: патриотизм имеет свойство проявляться лишь по радостным поводам. Постепенно поднимут голову бедные кварталы. Они и так проснутся, но чем хуже будет наше положение во внешней политике, тем острее они будут ощущать ущербность внутреннего строя. И тем раньше начнутся беспорядки. В Лемман-Кливе заодно вспомнят присоединение острова к империи: сто лет – недостаточный срок, чтобы смириться с поражением, особенно если до того они вчетверо дольше входили в Ганзеат. Часть ресурсов придется перенаправить вовнутрь, воевать станет сложнее... Империя выстоит, недостаточный это удар, чтобы нанести ей серьезный ущерб. Но на пару лет придется затянуть пояса.

– Из-за пары бумажек?

Империя была машиной. Одним из слонов, на которых зиждился этот мир. Я имел представление о том, как этот механизм работает. Мелкая дробь не пробьет его шкуру. Эйзенхарт пожал плечами.

– Должно же все с чего-то начаться. Возможно, в них содержится несколько иная информация. Но факт в том, что, зная планы противника, его можно переиграть.

– Почему тогда не изменить планы и не оставить ему устаревшую информацию? – вклинился Шон.

– Вспомни, сколько разрабатывалась идея нефтепровода. Хотя нет, ты не помнишь, мал еще был. Роберт должен знать. Сколько лет назад появились первые слухи? Десять?

– Примерно.

Виктор что-то сосчитал на пальцах и улыбнулся.

– Ну да, где-то так. Разработка нового плана потребует времени и средств, и все равно он будет уступать имеющемуся. Никто не станет отказываться от него, потому что информация могла попасть в чужие руки. Пока это не доказано, проект остается в силе.

– Но вы не знаете, что бумаги, украденные Хевелем, не ушли к кому-то другому.

– Не к вам ли, доктор? Трое уже так посчитали. Может, мне присоединиться к их компании? – Виктор насмешливо на меня посмотрел. – У кого бы сейчас ни находились бумаги, он не выставлял их на продажу. Подобный контакт люди Конрада бы засекли. Заказчик Хевеля информацию не получил, иначе бы не посылал своих быков к вам. Значит, если устранить нынешнего владельца документов, можно считать, что информация в относительной безопасности.

– Я все еще не понимаю, зачем понадобилось забирать из моей комнаты все бумаги. Пусть не чертежи, но в них все равно нет ничего нужного ворам. Это очевидно.

– Разве очевидно? Зашифровать украденную информацию можно как угодно. В дневниковых записях. В подписях к фотографиям. Хоть под картину, висящую у вас на стене, – он кивнул на сельский пейзаж, водворенный обратно. – Кстати, вам никто не говорил, что она ужасна?

Мысленно я согласился. Изображенная на холсте ранняя весна – бурые остатки сугробов, размытая пустая дорога, серое небо и грачи, сидящие на голых ветках, – выглядела непередаваемо тоскливо.

– Думаете, они решили таким образом подстраховаться?

– Нет, – ответил Виктор. – Не думаю. Но могу назвать вам две причины. Одна нелепа и смешна и, скорее всего, позже войдет в отчет для архива. Брэм?

– Толлерс был безграмотным, – с готовностью подключился тот. – Даже имя свое не мог написать, подписывал протоколы крестиком.

Тут нечему было удивляться. Уровень иллитерации в империи все еще был велик. Особенно среди нижних слоев населения.

– А вторая причина?

– По сравнению с проникновением в ваш кабинет и осмотром у миссис Хефер... Вам не показалось, что здесь есть что-то нарочитое?

Безусловно. Моего опыта хватало, чтобы понимать, что комнату не просто обыскивали. Даже в состоянии цейтнота можно сделать это менее заметно. Ее целенаправленно разобрали по кусочку.

– Вы полагаете, что это...

– Послание. Выражение намерений. Предупреждение.

– Мне.

– Или мне, – возразил Виктор. – Это давняя история, доктор. Когда-нибудь я вам ее расскажу. А пока... Вы не откажетесь пройти со мной кое-куда? Здесь недалеко. – Получив мое согласие, он обратился к Шону: – А ты езжай домой. Отоспись. Передай там, что я останусь на ночь в управлении.

– Вам тоже следовало бы отдохнуть, – укоряюще заметил Шон, но Эйзенхарт отмахнулся.

– Мне следовало бы поработать. Пойдемте, Роберт.

Глава 14

Доктор

«Недалеко» оказалось другим берегом Таллы, где улицы терялись в густом тумане фабричных выбросов. Смог, словно ватное покрывало, не только прятал очертания города, но и гасил все звуки. Казалось, не было ничего, только черная, глянцевая от влажности брусчатка и туман. Лишь изредка, задевая плечом кладку стены, я осознавал, что мы все еще в Гетценбурге.

Наконец, мы вышли на Площадь четырех мануфактур, названную в честь первых фабричных строений герцогства. Сердце левого берега, от которого, как от замка в феодальные времена, разрослись рабочие кварталы.

– Добрый вечер, миссис Марек, – Эйзенхарт уважительно поздоровался с торговкой супом, расположившейся под единственным горящим на площади фонарем. – Одну порцию, пожалуйста.

Получив керамическую кружку с густой зеленоватой жижей, в которой проглядывали чьи-то кости, и ломоть хлеба – от меня не укрылось, что торговка, грузная женщина с оплывшими от возраста чертами лица, вложила ему в руку горбушку вдвое толще остальных кусков, – Эйзенхарт предложил мне присоединиться к трапезе.

– Вы хотя бы знаете, что здесь? – поинтересовался я, гадая, что заставило Виктора, которого в любой момент ждал в родительском доме ужин из пяти перемен блюд (не говоря о бесчисленных ресторанах и забегаловках старого города, если у него не было желания посещать родных), привести меня сюда.

– Горох. И мясо.

– Чье?

– Если сегодня хороший день, то голубиное. Сегодня хороший день? – спросил он у торговки.

Та в ответ захихикала. И не понять, серьезны они или сообща насмеются над забредшим на другой берег чужаком.

– Бросьте, Роберт. Как вы выжили в армии с таким снобизмом?

То армия. В империи жизнь подчинялась другим правилам.

– Что мы здесь делаем? – задал я вопрос Эйзенхарту, протиравшему стенки кружки хлебной коркой. – Мы ведь не просто поужинать сюда пришли?

– Нет, – Виктор отдал пустую тару торговке. – Назовите мне всех людей, которые могли забрать бумаги у Хевеля – или у его трупа.

– Я, – начал перечислять я, – Мортимер. Вы поэтому вызвали его? Вы его подозреваете? Виктор махнул рукой.

– Вашего коллегу можно подозревать разве что в недостатке мозгов. Кто еще?

– Работники морга, в чью смену привезли тело. Сотрудники труповозки. Человек, обнаруживший их. Убийца.

– В принципе правильно. Только ни машины, ни человека, вызвавшего полицию, не было.

– Как такое возможно?

– Очень просто. Или, по-вашему, нет ничего странного в том, чтобы обнаружить в морге тело со следами насильственной смерти, но без следов вскрытия? – Я был вынужден признать его правоту. Никто не обратил на это внимания раньше, но полицейский протокол не допустил бы подобного, даже если бы над обнаруженным телом стоял убийца с чистосердечным признанием, заверенным у нотариуса. – Труп Хевеля в одну прекрасную ночь оказался в морге с оформленными задним числом документами и разрешением от полиции на его дальнейшее использование.

– Я не совсем понимаю.

– Ночью в морге дежурит только один человек. Это дает определенную свободу действий...

– Кто-то заплатил дежурившему в ту ночь санитару?

В принципе, в этом не было бы ничего удивительного. Сотрудников морга не так редко просили пустить потренироваться на трупе – особенно этим грешили студенты-медики. Достать определенный предмет. Подправить протокол. «Потерять» улику. Направить тело как неопознанное на захоронение в общую могилу. Низкие зарплаты являли собой отличный стимул подзаработать на стороне.

– Сторожу. Санитары дежурят только днем. Миссис Марек – сестра сторожа, работавшего в ночь, когда был убит Хевель. После смерти мужа она поселилась у брата и потому в курсе его дел. Миссис Марек, – он поклонился торговке со всей учтивостью, – вы не откажетесь повторить моему другу, что рассказали мне?

Миссис Марек благосклонно согласилась.

– Пришли к нему. К брату. Ночью дело было, я только отсюда возвратиться успела, как стук в дверь. Брат еще говорил, мол, опосля заживем как никогда, съедем с берега, а то и подадимся в деревню, монет хватит. Этот показывал...

– Аванс, – подсказал Эйзенхарт.

– Он самый. Много, за обычное дело столько не платят, я-то знаю.

Должно быть, это был не первый случай, когда брат миссис Марек нарушал закон. Я позволил себе задать вопрос:

– Вы видели, кто заплатил вашему брату?

– Франт какой-то, – торговка пожала плечами. – Хлипкий, будто пополам сломать можно, но сила, она внутри, чувствуется. Остального не скажу. Темно было, особо и не разглядишь.

Описание было мне незнакомо.

– Но он был быком, – ради проформы уточнил я.

– Э, не, точно скажу, не был.

– Вы сами сказали, что было темно.

– Было, – согласилась торговка. – Только, как говорят, бык быка узнает издали. Этот быком не был.

– Вы не задали самый интересный вопрос, док, – подсказал мне Виктор. Глаза его весело блеснули в свете фонаря.

– Какой же?

– Когда был уплачен аванс.

– Аккурат первого и был, – откликнулась торговка.

В голове билась какая-то мысль, отдавая болью в висок.

– Не сходится. Хевель был убит...

– Позже, – закончил за меня Эйзенхарт.
Этот человек знал, когда умрет Яндра. И подготовился.
– Но кто это был? И, если он не бык, как он связан с Алефом?
– Пойдемте-ка. Мне еще нужно вернуться в управление. – Поблагодарив торговку, Эйзенхарт направился обратно в сторону центра. – Я считаю, что он никак не связан с Алефом – потому что Алефа не существует.
– Но...
– Инсценировка. Спектакль для простофиль, склонных видеть то, что им хочется, даже если этого нет.
Мне стало интересно.
– Вы не верите в существование тайных сообществ?
Каждый мало-мальски приличный человек в империи сталкивался с тайными и закрытыми ложами на своем пути. Социальные круги пронизывали наше общество насквозь, объединяя единомышленников, коллег, даже соседей. Отрицать их существование было так же странно, как не верить в воздух.
– Конечно же, они существуют, – хмыкнул Эйзенхарт. – Другое дело, что цель их существования не та, что заявляется.
– Например?
– Стадо. Цель организатора любого объединения – получить стадо бездумных, но слепо верящих ему исполнителей. Все остальное – не более, чем прикрытие.
– Вы категоричны.
– Потому что так оно и есть, – резко ответил Эйзенхарт. – Любая ваша ложа построена на круговой поруке, а она, рано или поздно, имеет свойство затмевать честь, достоинство, закон, все, что на самом деле имеет значение. – Чувствовалось, что тема вызывает у него болезненную реакцию. Словно впервые не он, а я разбередил старую рану. – Впрочем, это не имеет значения. У Алефа – или как там назывался тот кружок, в который записались ваши преследователи, – нет ничего кроме эмблемы и кучки членов. Он не на слуху ни в Гетценбурге, ни в империи, ни на материке.

– В этом смысл тайных сообществ, – резонно отметил я.

– Чепуха. Спросите меня, где засели Черепа или Общество Зейца, я вам отвечу. Слухи питают землю в той же степени, что питаются нами самими, нужно только суметь найти в них правду. Но если о чем-то даже слухов не ходит, этого не существует. И разгромили мою комнату несуществующие члены несуществующего круга. Впрочем, на этот аргумент у Эйзенхарта тоже нашелся ответ.
– Та же инсценировка. Хотя, не скрою, уверен: тот, кто это устроил, получил моральное удовлетворение, оплатив вам за то, что вы посмели нарушить его планы.
– И кто же этот некто? В последней вашей версии, насколько я помню, фигурировал лишь таинственный заказчик – и несуществующее общество быков.
Виктор не ответил.
– Время уже позднее, доктор. Возвращайтесь домой.

Глава 15

Комиссар Роббе

Роббе неслышно отворил дверь и вошел в кабинет – вернее, попытался войти. Осуществить намерение помешали бумаги, устилавшие потемневшую от времени паркетную доску. Поддев несколько листов носком войлочного тапочка, он все-таки проскользнул внутрь.

– На тебя архив жалуется, – сообщил он своему подчиненному. – Говорит, ты их обокрал. Вижу, это так.

– Хм-м?

Виктор поднял взгляд от раскрытого досье.

– Здесь должна быть система, – комиссар осторожно пробрался к стулу для посетителей.

Привычка Виктора сортировать бумаги прямо на полу, вместо того чтобы использовать для этого стол, была ему хорошо известна, так что сделал он это со сноровкой, полученной за годы работы с Эйзенхартом-младшим. – Иначе ты бы не стал запрашивать все дела на быков за последние восемь лет, верно?

– Почему ты спрашиваешь?

Роббе помедлил с ответом.

– Ты выглядишь... уставшим.

Это было правдой: даже тусклый свет настольной лампы не мог скрыть заострившиеся черты и темные круги под глазами.

– Только не начинай, – скривился Виктор. – Мне закатать рукава, чтобы ты поискал следы от уколов?

– У меня есть причина просить тебя об этом?

Виктор закатил глаза.

– Я тебе давал хоть один повод во мне усомниться?

– Тысячу и два. И все же, – комиссар смягчился, – тебе стоит отдохнуть. Я третью ночь подряд вижу тебя в управлении.

– Отдохну, когда перестанешь разговаривать со мной как с одним из своих птенцов, – криво улыбнулся Виктор, подкидывая досье к стопке в центре комнаты.

– Только когда ты перестанешь вести себя как они, – парировал комиссар. При упоминании шалопаев-сыновей его лицо осветилось отцовской гордостью.

– Выходит, никогда. Но серьезно, сейчас не до отдыха. Погляди-ка.

С открытки на Роббе смотрели два пухлощеких младенца. Комиссар перевернул ее.

Дешевая почтовая бумага представляла занимательный контраст каллиграфическому почерку.

«Рад новой встрече, детектив. М.»

– Он вернулся?

– Не думаю, что он куда-то уходил, – возразил его подчиненный.

Скорее всего. Но временами залегал на дно. Пока Виктору снова не приходила открытка без обратного адреса.

С первого дня, когда Гардинер уговорил его взять Виктора в отдел, Роббе понял, что мальчишка умеет находить неприятности. Но привлечь внимание психопата – тут Эйзенхарт-младший побил все рекорды.

– Во всяком случае, в этот раз он никому не угрожает и не ставит требований. Ты вполне можешь позволить себе отвлечься на пару часов и поспать, – философски заметил комиссар.

Еще одна папка с делом упала на паркет – но в этот раз ближе к восточному углу.

– Я в этом не уверен, – заметил Виктор. – Теперь он знает про Роберта. И считает его ниточкой, за которую можно меня дергать. Я проверил, выгулял его сегодня по улицам: за нами следили. И это были не люди Конрада.

А вот это вызывало беспокойство. Приставленные начальником четвертого отдела сотрудники могли исчезнуть только в одном случае.

– Ты говорил об этом с Конрадом?

– Не то чтобы это было возможно в нашей ситуации... – уклончиво ответил Виктор. – Но вот ты мог бы с ним поговорить! Ты все еще завтракаешь у Лейнер?

Комиссар качнул вересковой трубкой, которую пытался раскурить.

– Там лучший бекон в городе.

– Значит, сможешь передать Конраду это.

Роббе взглянул на протянутую ему папку. Одна фотография, одно имя.

– Ты уверен?

Виктор оскорбленно на него посмотрел.

– Откуда ты знаешь, что это он? – пришлось комиссару сформулировать свой вопрос иначе.

Его подчиненный запустил обе руки в и без того растрепанную шевелюру, всем своим видом демонстрируя замешательство. Но Роббе слишком хорошо знал его и уловки, на которые шел Виктор, пытаясь уйти от четкого ответа.

– Даже не представляю, с чего начать...

– Начни с начала, – посоветовал Роббе, выпуская в потолок колечки дыма. – И расскажи, зачем тебе понадобились дела восьмилетней давности.

Детектив вздохнул, понимая, что отвертеться от доклада – хорошо еще устного – не удастся. Короткий взмах спичкой, и Виктор тоже закурил.

– Восемь лет назад впервые объявился Македн.

– Со смерти Гардинера прошло уже столько лет? – удивился комиссар. – Продолжай.

– Мы не знали о его ручных быках до последнего месяца. Я подумал, что мы не в курсе, как давно он с ними работает. Вдруг они были у него на побегушках все это время?

– Что ты выяснил?

Виктор прошелся по комнате, указывая на воображаемую линию, разделявшую помещение на две части.

– Слева – умершие. Те, что у окна, ни при чем. Дальше идут анархисты: слишком идейные, чтобы попасться на удочку, их тоже не рассматриваем. А вот следующая стопка интереснее... Взгляни-ка.

– Уильям Стоун, ограбление, убит при задержании. Майло Терич, убийство советника по строительству, повесился в комнате для допроса на принесенных адвокатом шнурках... Кто вообще вызвал ему адвоката? Вернер Крампс, шпионаж, застрелен при задержании. Эзекия Смит, вымогательство...

– Шантажировал заместителя губернатора по военным делам, – пояснил Виктор.

– Убит в тюремной камере.

– Кто-то убирал их сразу после обвинения. Стоило полиции найти преступника и доказать его вину, как тот уже ничего не мог сказать. Что также характерно, – Виктор перекатился с мыска на пятку, – их последнее дело всегда было гораздо крупнее, чем все предыдущие, вместе взятые. Тщательно спланировано, кстати; если бы не наводка добросердечного анонима, половина из них осталась бы нераскрытой.

– Полагаю, автора наводки тоже не нашли.

Детектив кивнул.

– Говори что хочешь, но это его почерк. Подкинутые доказательства, преступления, скрывающие большую игру, тайные сообщества... И еще кое-что: у всех была одна и та же татуировка. Не всем в полиции известны мертвые языки, поэтому она была опознана как анархистская. Но если взглянуть на фотографии...

Роббе посмотрел на черно-белый снимок: буква «А», написанная в восточной манере, снова лежала на боку.

– Алеф, – опознал он символ. – Смит был убит еще три года назад. Значит, М. придумал это не сегодня...

– И не вчера, – подтвердил Виктор. – Это не сиюминутная афера, он разработал целую систему. У него был план. Как всегда, крайне амбициозный.

Не зря, в конце концов, он сам прозвал себя Македном, великим полководцем, дошедшим от Эллии до Синдистана. Полицейские специалисты многое написали в его психологическом портрете. Но одного у М. было не отнять: пугающе острого ума.

– Что с живыми?

– Тебя интересуют все или те, что сейчас обретаются в Гетценбурге?

– Он не ограничился городом?

– Не в этот раз. Я обнаружил это клеймо даже в Вейде. Причем, что любопытно, там среди них такой смертности нет. Думаю, он убирает здешнюю ячейку. Кроме тех, что проходят по делу, сегодня обнаружили тела еще двоих.

– В таком случае кто остался?

Виктор подошел к висевшей на стене пробковой доске.

– Интересно, как М. набирал в свои ряды, – заявил он, указывая на красную нить, натянутую между приколотыми фотографиями. – Смит вырос на одной улице со Стоуном. Стоун познакомился на западном фронте с Вернером Крампсом, они служили в одном дивизионе, и Теричем. Терич еще до армии, в Среме, работал с Хевелем... Это как

самозарождающаяся игра, в которой первый салит второго, второй – третьего... М. не надо было их даже искать. Не удивлюсь, если они настолько верили в свою силу и избранность, что сами приводили ему новых шестерок.

– Но он не мог вешать им эту лапшу на уши самостоятельно, – прокомментировал Роббе. – Быки ненавидят подчиняться другим. Они и слушать бы его не стали, если только он сам не бык. А для этого он слишком умен.

– Тут на сцену выходит Николас Хардли, – Виктор выразительно постучал по верхней фотографии. Изображенный на ней мужчина мало походил на остальных. Щуплый, одетый в модный костюм. Только рога выдавали в нем быка. – Правая рука М. в этой авантюре и единственный оставшийся в живых член шайки, находящийся сейчас в Лемман-Кливе. Умен. Для быка – практически гений. Прекрасный организатор, достаточно силен, чтобы повести других быков за собой: в свое время у него была команда из двадцати с лишним таких же, как он, разбойников.

– Подожди, – вспомнил комиссар. – Северный национальный банк в девяносто седьмом – это случайно не он?

– Он. И его верная команда, отправившаяся без него на гильотину. Блестящая операция, хотя и силовая. Но все же не настолько сложная, как у М. Их вычислили, и, думаю, именно тогда М. обратил на него внимание, – Виктор провел пальцем вдоль одной из натянутых нитей. – Он знал Терича, знал Реттига и Хорбольда, погибших недавно. Мог пригласить Крампса: в свое время тот считался учеником Хорбольда.

– Допустим, это он, – комиссар осторожно потряс трубку над пепельницей. – Можешь доказать связь между ним и М.?

Виктор печально покачал головой.

– Едва ли. Она должна быть, иначе бы М. не зачищал территорию так рьяно. Но я ее пока не знаю.

Сквозь старое стекло в оконной раме послышался звон часов на ратушной башне. Если Виктор не обратил на звук никакого внимания, то его начальник достал из кармана луковичу и украдкой посмотрел на время.

– Что дальше?

– Я жду следующего шага. М. себя проявит. Раньше он наводил полицию на своих сообщников; возможно, выберет этот способ снова. Было бы здорово убить таким выстрелом двух зайцев. Нам, я имею в виду, не ему.

– После случая с Гардинером он тебя сильно не любит, – задумчиво протянул комиссар.

– Меня никто не любит, – беззаботно хмыкнул Виктор. – Что с того?

– Однажды он уже пытался тебя убить. Ты об этом думал?

Подчиненный пожал плечами:

– Конечно. Но ты не можешь снять меня с дела или окружить телохранителями, если ты об этом. И не можешь попросить Конрада за мной присмотреть, – замахал руками Виктор. – Знаю, ты сейчас об этом подумал.

Он был прав. Как бы это Роббе ни претило.

– Ты останешься совсем один.

– В этом был план, помнишь?

– План, который вы придумали без меня, – проворчал Роббе и поднялся со стула. – Уже поздно. Отправляйся спать. И еще одно, – он замешкался в дверях. – Если М., как ты думаешь, действительно объявится... Я знаю, ты не захочешь подвергать этой опасности Шона. Возьми с собой кузена. Не иди один.

Виктор, успевший вернуться за свой стол, поднял удивленный взгляд на начальника.

– Роберта? Почему его?

– После смерти того бедняги ты всерьез меня об этом спрашиваешь? – Роббе, знавший, как убивают змеи, едва заметно поежился. – Он может за себя постоять. И за ним...

– Следуют люди Конрада, – закончил фразу Виктор и тут же помрачнел. – Если, конечно, их снова не убьют.

– Ты сам сказал, что у М. не осталось людей в Гетценбурге.

Упрямства Эйзенхарту было не занимать.

– Один еще есть, – возразил он. – И это быков не осталось – другие-то люди, уверен, у него не в дефиците. В крайнем случае снова выйдет на улицу собственной персоной.

– Значит, заодно присмотришь, чтобы конрадовские филеры вернулись домой живыми и невредимыми. Как и твой кузен. Как ты это говоришь, двух зайцев...

– Четырех, – тяжело вздохнул Виктор. – Здесь их как минимум четыре.

Глава 16

Доктор

Многое может поведать о человеке то, как он начинает свой день. Будь это неспешно прочитанная газета, чашка экваторского кофе или кусок хлеба, завернутый в бумагу, чтобы съесть его на бегу, – именно утром, вскоре после пробуждения, мы наиболее ярко показываем свои истинные краски.

Для меня утро состояло из покрытого трещинами потолка, вид которого сопровождал часы без сна, стылой комнаты, особенно непослушных после ночи пальцев и дурного настроения.

Раньше все было иначе. Где бы я ни находился, день начинался с острого клинка и барсучьей кисти. После госпиталя и увольнения из армии бритье стало для меня мучением. В плохой день, как сегодня, пальцы не желали сгибаться вокруг рукояти клинка, и раз за разом приходилось поднимать его со дна раковины. В плохой день на щеке проступали порезы, будто я подросток, впервые в жизни стащивший бритву отца. Оставалось только радоваться тому, что после посещения Толлерса в гипсе оказалась правая рука, и без того практически бесполезная. Но все равно ситуация до унижения напоминала первые дни в госпитале, когда я никак не мог привыкнуть к своему новому существованию.

И все равно каждое утро я добровольно повторял эту экзекуцию. Я мог отпустить бороду. Пойти к цирюльнику. Но упрямо продолжал, убеждая себя в том, что так мог оценивать, насколько прогрессирует мое состояние. Ложь. Не зная другой жизни, я хватался за останки прошлой.

Стук в дверь заставил меня прерваться. Протерев лезвие, я положил бритву на туалетный столик и пошел открывать Эйзенхарту. Кто еще мог навестить меня вскоре после рассвета? Я обнаружил его под дверью с вощеным картонным стаканом с кофе и томиком «Реаниматора». Второй стакан – пустой – стоял на подоконнике.

– Надеюсь, вы здесь не для того, чтобы обсуждать литературу. На часах нет еще восьми. Виктор протянул мне кофе, и я машинально потер не отошедшую после судороги руку.

– Оставьте лучше себе, – пришлось отказаться. – И скажите, что вы хотите.

– Пена, – постучал он по левой щеке. – Вот здесь, возле уха. А насчет литературы, кстати, любопытная тема. Вы заметили, что танатологи всегда изображаются в книгах как полные психи? Так и хочется спросить...

– Что не так с этой профессией или со мной, что я решил ею заняться? Насколько я помню, вы задавали этот вопрос.

Не один раз. После того как я принял предложение университета, эта тема стала любимой на обедах у леди Эйзенхарт.

– И все же. У всех этих персонажей, насколько безумны они ни были, имелся мотив: стремление вернуть близкого человека, маниакальное служение науке, желание завоевать мир... А в чем ваша цель, доктор?

– В зарплате. Это все вопросы? В таком случае увидимся завтра у вашей матери.

Я попытался закрыть дверь, но Виктор ловко подставил ботинок.

– Подождите. Хочу вам предложить кое-куда съездить.

– Нет, спасибо.

Ужом он проскользнул внутрь.

– Но почему? Вы еще не дослушали! У меня есть наводка на человека, ответственного за наше с вами приключение в прошлые недели. Составьте мне компанию.

Я вздохнул. На мой вкус, было еще слишком рано, чтобы терпеть Виктора.

– Вы обратились не по адресу. Вам нужно полицейское подкрепление.

– Никакого подкрепления! – горячо возразил он. – Считайте, это тайная операция.

– Настолько тайная, что вы не доверяете даже Шону?

– Он занят, – уклонился от ответа Эйзенхарт. – Ну же, док, соглашайтесь! Это совершенно безопасно. Не заставляйте меня скучать в одиночестве.

– Вы ведь не ожидаете, что я вам поверю? Позовите за компанию кого-нибудь из ваших коллег.

Виктор тяжело вздохнул.

– Ладно. Я надеюсь, сумею вас уговорить. Придется ехать одному.

Это уже было манипуляцией... На которую я ожидаемо попался. Ни один идиот не должен ехать по такой наводке один. А с Эйзенхарта стало бы исполнить угрозу – просто чтобы заставить меня испытать чувство вины.

– Стойте, – велел я. – Давайте сюда ваш кофе.

Эйзенхарт с извиняющимся видом протянул мне стакан, уже полупустой.

– Я займу столик в кафе на углу, пока вы собираетесь, – пообещал он. – И закажу вам новый.

– И заплатите за него.

Вдох, который испустил Эйзенхарт, должен был заставить меня усовеститься и перестать обедать бедного полицейского, но я был негибким.

– По утрам с вами безумно сложно договориться, – пожаловался он.

– Так не приходите ко мне настолько рано.

Это было рациональное предложение, но Виктор меня уже не слышал, спускаясь по лестнице и по-мальчишески перепрыгивая через ступеньки. Покачивая головой, я отправился собираться.

Когда я спустился в закусочную, Эйзенхарт приканчивал очередную порцию кофе, а на моем месте стояла еще скворчащая яичница с помидорами. Взятка. Но действенная.

– Итак, – спросил я, отламывая половину булки, – что это за тайная операция?

– Ничего особенного, – торопливо заверил меня Эйзенхарт. – Я вычислил человека, организовавшего нападение на вас, он был объявлен в розыск...

– Николас Хардли, кажется?

Я припомнил новое объявление в городской газете – практически идентичное тому, с которого все началось.

– Ага, – Виктор не удержался и все-таки стащил из корзины с хлебом рогалик. – Вчера вечером нам позвонили и сообщили, где он должен находиться. Осталось только приехать по адресу, задержать его, и дело закрыто.

Как удобно.

– Часто вам так удачно помогают в расследовании?

– О да, – непередаваемым тоном ответил Эйзенхарт. – Что бы мы делали без помощи сознательных горожан, исполняющих свой гражданский долг. Еще кофе, доктор?

Я посмотрел на часы, на которых было три четверти девятого.

– Разве мы не спешим? Не бойтесь, что Хардли ускользнет от вас, пока вы сидите тут?

Эйзенхарт подзвал официанта и попросил повторить заказ.

– Человек, назвавший адрес, указал точное время, когда Хардли будет там находиться.

– Кто же это?

– Он не представился.

– Вам это не показалось странным?

– Уверен, у него были на то причины, – так же быстро отбрил Виктор мой следующий вопрос.

– Вы издеваетесь?

– Нет.

Я посмотрел в его бесстыжие голубые глаза, но ничего не добился.

– В таком случае почему мы отправляемся на встречу, от которой несет как от приманки в капкане?

– Именно потому, что от нее несет, – Эйзенхарт помешал кофе в полученной чашке и отправил туда еще два кристалла сахара. – К капкану тянет не только дичь, на которую он рассчитан, но и охотника, стремящегося проверить добычу.

Выпив свой кофе, он бросил на стол несколько купюр.

– А вот теперь, – сказал он, сверяясь с часами, – нам действительно пора.

На стоянке возле ратуши было полно газолиновых кэбов, и нам без проблем удалось нанять автомобиль. Машина доставила нас к кварталу доходных домов на проспекте имени генерала Клива, в район еще приличный, но граничащий со старыми улицами. Бульвар, названный в честь человека, который завоевал для империи остров Норлемман и стал первым герцогом новой земли, тянулся стрелой через весь город, от центра до бывшей крепостной стены, где терялся в лабиринте старинных проулков, расчерченных задолго до закона о санитарной безопасности. В этом плане Гетценбург был похож на лоскутное одеяло: новые кварталы соседствовали с остатками древних строений, богачи – с бедняками, а выходцы с Королевского острова – с краватскими мигрантами.

– Судя по номеру квартиры, его окна должны выходить во внутренний двор.

Эйзенхарт позволил автомобилю остановиться прямо у двери и вышел из машины.

Наклонившись к водителю, он попросил подождать нас и ненавязчиво продемонстрировал полицейский жетон. Оставалось только надеяться, что кэбмен после этого не уедет еще быстрее, чем планировал раньше.

Мы поднялись наверх. Эйзенхарт достал из кобуры пистолет и постучал в нужные апартаменты. Никакого ответа. Попробовал ручку – та поддалась.

– Полиция. Поднимите руки за голову и не двигайтесь... – потребовал Виктор, с осторожностью заходя внутрь.

Встретивший нас на кухне человек был не велик для быка, он едва превосходил по росту Эйзенхарта. Но даром обделен не был. Обернувшись на голос, он за секунду оценил ситуацию и бросился напролом.

Виктор даже не успел выстрелить, как встретился с полом, сметенный быком. Мгновением позже моя спина была впечатана в стену. С трудом вернув воздух в легкие и проклиная немереную бычью силу, я поднялся на ноги.

Эйзенхарт опередил меня и уже преследовал Хардли. Со стороны лестницы слышались выстрелы. Я успел как раз вовремя, чтобы увидеть, как пролетом ниже бык решил укоротить себе путь и покинуть дом через окно – третьего этажа! Его дар это позволял. Нам с Эйзенхартом оставалось только смотреть, как он приземляется на кучу осколков в переулке.

– Да пошло оно все, – тяжело выдохнул Виктор. На лице его появилось знакомое мне упрямое выражение, и, прежде чем я успел среагировать, он последовал за быком. В моей голове промелькнуло видение разбитого тела и картина, как я объясняю безутешной леди Эйзенхарт обстоятельства смерти ее сына, но, когда я посмотрел вниз, увидел Виктора, приземлившегося на козырьке над черным входом. Перекатившись к его краю, Эйзенхарт с громким охом рухнул на землю, но тут же встал и, припадая на левую ногу, погнался за быком.

Я выругался и поспешил вниз по лестнице, надеясь, что успею к выходу раньше, чем они обогнут дом, и что по дороге Хардли не придет в голову свернуть в один из переулков старых кварталов, где я их никогда не найду.

Хардли действительно выбрал путь к бульвару, но на этом мое везение кончилось. Мы опоздали. Появившийся из боковой улицы Эйзенхарт увидел меня склонившимся над телом шофера. Машина с диким скрежетом стартовала с места еще до моего появления.

– Жив, – проинформировал я Виктора. – Без сознания.

Под затылком водителя расплылось кровавое пятно. Оставалось молить духов, чтобы все ограничилось сотрясением.

– Ушел, – скорее прошептал Эйзенхарт. Переведя дух, он достал полицейский свисток.

– А вот они – нет. Не тратьте зря силы.

Два тела в штатском оказались для меня неожиданностью: я полагал, что к Хардли мы отправляемся одни. Я ошибался.

Похоже, они вышли из укрытия, услышав выстрелы. Им повезло меньше, чем шоферу: от того Хардли просто отмахнулся. Я подвинулся, давая Эйзенхарту увидеть тело, лежавшее рядом с бесчувственным кэбменом. Молодому коту свернули шею. Его напарник лежал чуть поодаль, и это зрелище было уже не столь мирным. Его голова была почти отделена от туловища, между рваными краями артерий и мышц белел переломленный позвоночник.

– Ублюдок, – выругался Эйзенхарт, подойдя ближе.
Он все же воспользовался свистком. Зачем, я понял только, когда от соседнего дома приковылял опасливо косящий в сторону дворник.
– Вызовите врача, и поскорее, – приказал ему Эйзенхарт. – И полицию. Скажите, чтобы к вам направили комиссара Конрада. Передайте ему...
– Разве мы не собираемся дожидаться приезда полиции? – перебил я его.
На лице Эйзенхарта появилась отчаянная улыбка.
– Мы, доктор, собираемся ловить машину.

Глава 17

Доктор

Чистое безумие. Проспект был пуст, но Эйзенхарт отказывался отступать. На мгновение мне показалось, что нам улыбнулась удача, но нет: в паре кварталов от нас процокала лошадь, запряженная в телегу с сеном. Машина, на которой удалялся от нас Хардли, была уже не больше точки, когда из переулка вырулил автомобиль. Звук полицейского свистка едва не оглушил меня.
– Садитесь! Или вы передумали? – я притормозил, заметив, как Эйзенхарт не спешит залезать внутрь.
Причина стала ясна, когда я разглядел водителя. Даже раньше: когда почувствовал аромат растертой между пальцами полыни, пропитавший салон.
– Следуйте за той машиной, – хмуро велел Эйзенхарт, все же занявший переднее сиденье. – Вы вообще умеете водить?
– Глупый вопрос, – хмыкнула леди Гринберг, разгоняя автомобиль. Обернувшись ко мне на мгновение, она улыбнулась. – Как здорово видеть вас, доктор! Как ваши дела?
– Удивлен, что вы меня помните, – признался я.
– Первое обвинение в убийстве не забывается, знаете ли. Как ваша работа? Все еще вкладываете деньги в акции Южно-роденийских железных дорог?
Об этой странице своей биографии я бы предпочел забыть.
– Что насчет вас? Вижу, вы научились управлять автомобилем. Необычное хобби для леди. Автомобили, хотя и набирали популярность, пока оставались диковинами. К тому же покупатели ожидали, что их будут возить специально обученные люди. Мало кто хотел возиться с машиной сам.
– Недавнее увлечение, – беззаботно прошептала леди.
Мы с Виктором невольно переглянулись. Насколько недавнее?
– Как долго вы за рулем? – не удержался от вопроса Эйзенхарт.
– В машинах или в неделях? – Не давая нам выбрать, она сама ответила на вопрос; – Четыре.
– Недели, я надеюсь?
– И машины тоже, – леди нажала на педаль газа сильнее. Расстояние между нами и Николасом Хардли стремительно сокращалось.
– В чем же причина их столь частой замены? – осторожно поинтересовался я.
– Слишком низко летали.
С пассажирского сиденья донесся ядовитый смешок.
– Возможно, потому что они для этого не предназначены?
Автомобиль резко остановился. Чтобы не повалиться вперед, я схватился здоровой рукой за спинку переднего кресла.
– Можете выйти, – предложила леди Эвелин, доставая портсигар. – Если вас не устраивает мой стиль вождения или что-то еще...
Эйзенхарт уставился на нее во все глаза.
– Вы с ума сошли?! Вы хоть представляете, что творите?

– Нет, – равнодушно бросила леди, закуривая сигарету. – Возможно, потому что вы забыли сообщить мне, в чем дело? Как в прошлый раз, когда пообещали рассказать, но я узнала обо всем из газет.

– Я был не прав, – скрепя сердце признал Эйзенхарт, как мне показалось, чтобы отвязаться. – Вы это хотите услышать? Мне плевать, как вы водите, плевать, если мы разобьемся. Теперь вы можете завести вашу проклятую машину?

– Нет.

– Что еще вы от меня хотите?!

– Извинений. Нормальных. И обещания, что это больше не повторится. Не люблю, когда меня используют вслепую.

Ровно ту же фразу я сказал Виктору, когда он впервые попросил меня о помощи...

– Леди, – выплюнул Эйзенхарт, – если из-за вас я упушу...

– Не упустите, – перебила его леди Эвелин. Ее руки любовно погладили обтянутый кожей руль, – Это «Луиза Н6». Развивает скорость до девяноста четырех километров в час за двадцать секунд. Она догонит вашего преступника за считанные мгновения. Если вы дадите слово, когда все закончится, прийти ко мне и поведать все то, что должны были рассказать еще тогда.

– Клянусь.

Когда автомобиль тронулся с места, стало ясно, что раньше мы видели далеко не всю его мощность. Проспект за окном слился в одно размытое пятно, а я покрепче ухватился за подлокотник.

«Луиза» действительно была способна догнать автомобиль Хардли. Стремясь избавиться от преследователей, тот нырнул в один из прилегающих к проспекту переулков.

Это было умно. На прямой дороге у Хардли не было ни одного шанса, однако здесь, в старых кварталах, где узкие улочки проложили задолго до появления автомобилей, леди Гринберг была вынуждена сбавить скорость.

– Не переживайте, доктор, – утешила меня леди Гринберг, лихо вписываясь в очередной поворот. – Возможно, за рулем я не так долго, но километров накрутила достаточно. Это так... невыносимо. Сидеть все время взаперти из-за траура. Я не могу еще появляться на людях, поэтому часто беру машину и выезжаю на целый день.

Я обратил внимание на тоску в ее голосе. И на то, что за исключением набивного гардарикского платка в ее внешности не осталось ярких пятен. Даже канареечные перья в волосах были спрятаны под шапочку черного ханского меха. Действительно, барон Фрейбург умер менее полугода назад. По обычаю, эти месяцы леди Эвелин должна была провести, не выходя из дома и не принимая посетителей. Зная, что ее и покойного барона Фрейбурга не связывали никакие отношения, кроме деловых, я не подумал, что леди Эвелин будет соблюдать декорум. Оставалось только посочувствовать ей: при знакомстве леди Эвелин показалась мне деятельной натурой. Подобное заточение должно было переноситься ею тяжело.

– Раз мы заговорили о трауре... Вы не получили наследство? – подал голос Эйзенхарт, не отрывавший взгляда от преследуемой машины.

– Ах да, – недовольно покосилась на него леди. – Когда спустя несколько недель тишины газеты разразились статьями об убийстве Ульриха ревнивой любовницей, я очень удивилась. Но представьте себе мое изумление, когда со мной связался поверенный Ульриха и объявил меня единственной наследницей. Не ваша работа, детектив? В любом случае, я отказалась.

– Моя, – легко признался он. – Я подумал, общественности не обязательно знать всю правду. Но отказаться от права наследования? Почему? Разве вам не нужны были деньги, чтобы уехать в колонии? Вы не получили наследства вашей бабушки, но дохода с продажи замка Фрейбурга должно было хватить.

– Я передумала. Нашла кое-что, ради чего стоит здесь остаться.

Мы не успели узнать, что именно. Лобовое стекло неожиданно звякнуло и пошло трещинами вокруг небольшой дырочки прямо посередине.

– Кажется, в нас стреляют.

– А ведь я был уверен, что после четырех пуль в плечо двигать правой рукой он не сможет, – пробормотал Эйзенхарт. – Ошибся.

Второй выстрел заставил его отнестись к опасности серьезнее.

– Пригнитесь! – крикнул он леди Эвелин.

– Еще чего! Если вы не заметили, мне нужно видеть, куда ехать, иначе мы разобьемся.

Машина опасно вильнула. Только эта случайность позволила нам избежать третьей пули.

Тонкие пальцы напряженно сжали руль, однако, насколько я мог судить по ее мимике, леди была скорее рассержена, чем напугана.

Мне вспомнилось, насколько хладнокровной, даже отрешенной она выглядела, когда пришла в полицейское управление после покушения. Тогда меня восхитило ее самообладание. В данной ситуации оно стало отдавать чем-то неестественным. Другая женщина на ее месте давно бы билась в истерике...

– Сколько еще у него выстрелов? – вместо этого практично поинтересовалась она у Эйзенхарта.

– Девять. У него два военных «Кригера» на шесть патронов каждый.

– Будем надеяться, что он не попадет в бензобак.

Словно услышав ее, следующий выстрел Хардли направил ниже. Как и два последовавших за ним.

– Шины, – возмутилась леди Эвелин. – Он стреляет по шинам!..

Мы и сами это поняли, когда после громкого хлопка машина просела на один бок, и все завертелось. Теряя управление, леди Гринберг ударила по тормозам, но было слишком поздно. Последним, что я запомнил, прежде чем закрыл глаза, была кирпичная кладка стены.

Глава 18

Доктор

Столкновения не произошло. Машину ощутимо тряхнуло при торможении, но, когда я открыл глаза, стена стояла на том же месте, а я все еще был жив. Автомобиль остановился меньше чем в десяти сантиметрах от кирпичной кладки – везение, достойное вмешательства Вирд. Леди Эвелин, поправив съехавшую набок шапочку, легко выскользнула со своего сиденья и присела на корточки у простреленного колеса.

– Что там? – поинтересовался Эйзенхарт, выходя вслед за ней. – Починить можно?

Леди Эвелин что-то пробормотала на иньском наречии. Нечто нецензурное, если я правильно расслышал.

– Шина в лохмотья и трещина в ободе, – повторила она громче, поднимаясь на ноги и выбрасывая испачканные во время осмотра перчатки прямо на землю. – Тут и вулканическая мастерская не спасет. Которой я, кстати, не вижу. Смиритесь, детектив. Ваша погоня окончена.

Тот смерил ее внимательным взглядом.

– Нет, – возразил он. – Должно быть что-то еще. Не зря же из всех машин города мне попала ваша. Должно быть...

Логика в его словах улавливалась с трудом. Ее и не было – только нежелание признавать очевидное. Взъерошив волосы, Эйзенхарт быстрым шагом дошел до угла. Повернул обратно. Зашел на второй круг.

– В самом деле, детектив? «Должно быть»?! Это все ваши аргументы? Может, в таком случае спросите, нет ли у них автомобиля? – крикнула ему вдогонку девушка. – Вам ведь должно повезти.

Под «ними» леди Эвелин подразумевала приближавшихся к нам молодых мужчин, заметно взволнованных и явно собиравшихся на улицу в спешке. Один из них, добродушного вида парень с взъерошенными волосами и удивленным взглядом янтарных совиных глаз, выбежал лишь в рубашке и на ходу натягивал пальто.

– Вы в порядке? Мы видели аварию в окно...

– Все хорошо, – отмахнулся Эйзенхарт, возвращаясь к нам. – Леди очень вовремя удалось затормозить.

– Леди Эвелин? – молодой филин удивленно моргнул и склонился перед ней в легком поклоне.

Отвлекаясь от перепалки с Эйзенхартом, леди Эвелин недоуменно нахмурилась.

– Мы ведь знакомы?

Предположение казалось настолько же абсурдным, насколько был нелеп облик филина.

Если безупречное произношение и знакомство с леди Гринберг могло навести на мысли о положении в обществе, то его наряд вынуждал отбросить эту теорию. Ни один приличный человек (кроме Эйзенхарта, чьи вещи, хоть и были слишком дорогими для детектива полиции, быстро приходили в негодность после поисков расчлененного трупа на городской свалке, прыжков из окон доходных домов и трехдневных «мозговых штурмов» в кабинете) не позволил бы себе появиться на людях в пальто полувекового возраста с наполовину оторванным карманом и пятнами масла на груди.

– У вас случайно нет машины на ходу? – совершенно серьезно поинтересовался Эйзенхарт, пришедший к тем же выводам, что и я.

– Нет.

– Oui

[20]

, – одновременно ответил спутник филина, худощавый джентльмен, до сих пор хранивший молчание.

Между ними завязался оживленный спор на арнуальском. Ухо выхватывало отдельные слова: «experience»

[21]

, «charge»

[22]

, «puissance»

[23]

...

– Полиция, – Эйзенхарт перебил спорщиков и достал жетон. – Вынужден реквизировать ваш автомобиль. Если вы не против, – подумав, добавил он, обращаясь к филину.

Тот махнул рукой.

– Пойдемте.

По ту сторону кирпичной стены, столкновения с которой мы только чудом сумели избежать, оказался бывший каретный двор.

– Мы только переехали, даже не успели открыться, – пояснил филин, заметив, как все обратили внимание на лежавшую при входе вывеску «Электромастерская. Э. Дюбаль и партнер». – Леди Гринберг, господа, это мой напарник, Эжен Дюбаль...

– Тот самый Эжен Дюбаль? Я ваша горячая поклонница!

Я обернулся. На кумира девичьих грез арнуалец походил мало, но восторг, прозвучавший в голосе леди Эвелин, заставил меня задуматься, не видел ли я его прежде на сцене.

– Enchante

[24]

, – месье Дюбаль, явно польщенный таким вниманием, церемонно поклонился. – Если, конечно, вы ни с кем меня не спутали.

– Никогда! Но что вы делаете в Гетценбурге? Самый молодой член Арнуальской академии наук мог бы...

– Бывший член, мадемуазель. Это долгая история...

– И не та, которую следует рассказывать леди, – вмешался филин.

Леди Эвелин рассмеялась.

– Вы пытаетесь меня отпугнуть или заинтриговать?

Мастерская выглядела так, словно была не новой, а функционировала еще с эпохи императрицы Клементины – и все это время без уборки. Пробираться между завалами инструментов и запчастей приходилось с великой осторожностью. Зато стало понятно плачевное состояние одежды забывшего представиться партнера. Я и сам неловко зацепился за какую-то деталь, оставившую на рукаве липкий темный след.

– Зачем вам машина? – спросил я Эйзенхарта. – Хардли все равно не нагнать.

– Вы знаете, где мы, доктор?

Я понятия не имел.

– Мы у восточных ворот. А за ними живет человек, который точно знает, куда отправился Хардли. Я же говорил, что должно быть что-то еще.

– Ваш загадочный информатор?

Эйзенхарт усмехнулся:

– Нет. Поверьте, когда мы приедем, она сразу перестанет быть для вас загадкой. Хотя, – честно добавил он, – менее таинственной не будет никогда.

Через анфиладу бывших конторских помещений мы прошли на задний двор, где нашему взору предстало нечто. Стоявший под открытым небом автомобиль напоминал первые самоходы, лишенные отделки и поражающие сложностью выставленного напоказ каркаса.

– Я говорил, что это экспериментальный образец, – попытался оправдаться филин.

– Ага... – у Эйзенхарта, как у всех нас, перехватило дыхание от увиденного. – Ничего, мы просто обожаем эксперименты. Оно точно ездит?

– Oui, – арнуалец, помогавший леди Эвелин забраться на заднюю скамью, оскорбился до глубины души. – И отлично.

Я не знал почему, но Эйзенхарт, отказывавшийся сперва садиться к ней в машину, попросил леди сопровождать нас в дальнейшей поездке. Она только этого и ждала: у нее единственной глаза при виде этого чудовища загорелись не ужасом и отвращением, а восторгом.

– Ладно, – Эйзенхарт предпочел не спорить и уселся впереди. – Доктор, вы с нами?

Я с сомнением посмотрел на латунные цилиндры и трубки, высовывавшиеся из-под передних сидений. Почему-то идея прокатиться на этом образце не вызвала у меня энтузиазма.

– Разумеется.

Глава 19

Эйзенхарт

Месье Дюбаль не обманул – автомобиль ездил отлично. Даже слишком, на вкус Виктора. В ушах свистело, глаза слезились от ветра, и он понял, что имела в виду Эвелин, когда говорила, что они слишком низко летали. Но если с ее лица всю дорогу не сходило мечтательное выражение, то Виктор вцепился в скамью и надеялся, что на следующем повороте его не вынесет из машины.

Первым, что они увидели на подходе к вороньему табору, были пестрые ленты, удивительными цветами распустившиеся на черных ветвях боярышника. Старый оберег от зла, превратившийся в символ несчастий. Потом машина, повинаясь его приказам, свернула с дороги на размытую прошлой осенью колею. За изломанными силуэтами деревьев показались шатры, яркие, как завязанные на кустарнике узлы.

Не доезжая до разбитого на лугу лагеря, Виктор велел остановить автомобиль. Стоило заглушить мотор, как на капот приземлился ворон, хитро косящий черным глазом. Сидевший рядом с Виктором филин вздрогнул от неожиданности. Никто не любил воронов. Возможно даже, их терпели еще меньше, чем бездушников. Ворона не понимали: в то время как другие духи выбирали, кого одарить своим благословением, по склонности и таланту, Ворон смотрел на судьбы. Всех его подопечных объединяло одно – их глазами он видел самые значимые события в истории человечества, будь это извержение Кампанийского вулкана или революция в Арнуале, первая железнодорожная катастрофа или цунами у берегов Синдистана. Одного этого было бы достаточно, чтобы люди невзлюбили воронов, считая их предвестниками беды. Но Ворон еще дарил родившимся под его звездой неслыханную удачу. Взять, к примеру, недавнюю статистику: при крушении «Манифика» единственным выжившим из ста восьмидесяти пяти членов экипажа и трех тысяч пассажиров оказался молодой ворон-аппенинец, зайцем пробравшийся в машинный отсек. Ради возможности взглянуть на мир их глазами Ворон даровал своим подопечным долгую, хотя и вряд ли счастливую жизнь. Потому воронов ненавидели: они приходили и приводили за собой несчастье, а сами оставались невредимыми. Неудивительно, что их винили за следовавшую за ними по пятам смерть.

Первое сожжение ворона датировалось тринадцатым веком. Тогда толпа в маленькой горной деревушке решила, что болезнь уйдет, если не станет человека, который ее привел. То, что эпидемия началась до прихода чужака, уже не играло роли. Остальной мир подхватил: если убить ворона до того, как он найдет несчастье, все обойдется. Их называли живой смертью, похитителями удачи, бедой во плоти. Их сжигали, колесовали, отправляли на гильотину. Не за преступления. Только за то, что им не повезло родиться. Гонения на воронов продолжались шестьсот лет. Немногие выжившие следовали примеру бродяг-йенишей и сбивались в таборы, готовые подняться в любой момент. Предыдущий император запретил преследовать воронов и восстановил их во многих гражданских правах, но это мало что изменило. Вороны все так же предпочитали жить обособленно. Лишь немногие возвращались в общество. А остальные люди все так же ненавидели их и, лишённые законной возможности для самообороны, боялись.

– Зачем вы меня сюда привезли? – спросила его Эвелин, перегнувшись через сиденье. В ее голосе впервые прозвучал страх. Но из присутствующих только Виктор понимал, почему он звучал.

– В таборе живет человек, которому известно, где сейчас искать Хардли, – откликнулся он. – Аматео! Я знаю, что ты рядом!

Большинство людей представляло воронов в образе синти, хотя схожего между двумя племенами было мало: лишь кочевой образ жизни и иррациональная ненависть, которую испытывали к ним остальные. Глупость. Вороны не спешили развеять этот предрассудок, но Виктор знал их секрет. Они были серы. Шутка природы, позволявшая им скрываться от подозрений. Серое оперение встречалось среди ястребов, цапель и сов. Серым цветом глаз обладали выходцы Королевского острова, расселившиеся по империи. Вороны легко могли затеряться в толпе – никто ведь не ожидает, что вестник беды будет выглядеть как Джо-торговец, приезжающий в город на ярмарку. Нет, конокрады-синти, с их таинственными обычаями и странным языком, одетые в вызывающе яркие тряпки, подходили на роль таинственного противника гораздо лучше. И вороны в таборах этот миф старательно поддерживали.

Как и мужчина, вышедший из-за деревьев. Высокий и стройный, гибкий как ивовый прут, он двигался плавно, даже тягуче, однако это была мягкость не танцора, а человека, с одинаковой легкостью способного как обчистить карманы, так и перерезать горло. Длинные волосы были небрежно стянуты на затылке кожаным шнурком, нитки керамических бус лежали поверх залатанной цветастой рубашки и старого армейского пальто со споротыми знаками отличия. Но, несмотря на облик, это человек не был синти: у тех не встречалось русых волос и светлых глаз с тяжелым вороньим взглядом, заставлявшим задуматься, кто на самом деле смотрит на тебя.

– Привет, бездушник, – поздоровался он с Виктором. Только от него это не звучало оскорблением. – Чума, канарейка и мастер Томас... Ты специально подобрал такую странную компанию?

– Они сами, – отмахнулся Виктор. – Мне нужна помощь. Я хочу увидеться с дочерью Ворона.

– Она вас ждет.

Роберт поспешил слезть со скамьи, но Тео его остановил.

– Только двое, – предупредил он. – Бездушник и... леди Эвелин.

Та вскинула голову:

– Откуда вы знаете мое имя?

Ворон весело ей подмигнул.

– Мы всегда знаем больше, чем следовало бы.

Виктор вздохнул.

– Леди, прошу вас. Мне нужно, чтобы вы пошли со мной, – произнес он как можно искреннее.

– Зачем? – Эвелин не спешила брать предложенную руку.

Он мог сказать. Но не при остальных. Роберт, вечный рыцарь в сияющих доспехах, решил ее поддержать:

– В самом деле, Эйзенхарт, зачем? Если вам опять нужна компания, я могу пойти вместо нее.

– Боюсь, что не получится, док. Вы слышали: дочь Ворона хочет видеть именно леди. Леди Эвелин, – вновь обратился к ней детектив. – Прошу. Доверьтесь мне.

Он уже уверился, что она откажет, когда она вложила пальцы в его ладонь. И последовала за ним.

Вороний табор представлял собой странное для обычного человека зрелище: яркие краски полотнищ не могли скрыть старость и нищету, также как и бедняцкая одежда, сушившаяся на веревках между шатрами. По глинистой почве, несмотря на сезон, бегали босые дети. То тут, то там перед очагами, сделанными из железных бочек, сидели старики, гревшие озябшие пальцы перед огнем. Черноволосая женщина несла от реки корзину с мокрым бельем. Две другие стояли над котлами, из которых доносился запах каши. И в то же время у одного из шатров стоял новенький автомобиль. Двое братьев перевязывали прямо на уличной скамье пачки купюр. Вышедшая из шатра девушка запахла шубку, перепрыгивая через лужу. Виктор гадал, что видит шедшая рядом с ним Эвелин. Грязь? Разруху? Или, как он, свободу? От условностей, от приличий. От масок.

– С тех пор как Генри Четвертый запретил сжигать воронов, большинство мужчин отправились на заработки в города. Здесь остались в основном женщины, дети и старики. Те, кого нужно защищать, кому в городах может стать небезопасно, – решил Виктор рассказать Эвелин, заметив, как она оглядывается по сторонам. – Поэтому у воронов в таборе матриархат: женщина с самым сильным даром выбирается дочерью Карла-Ворона и матерью табора...

– Мы пришли, – перебил его Амато. – Очень вовремя. Потому что, если разболтаешь еще пару секретов, мне придется тебя убить.

– Почему? – удивился Виктор фальшивой угрозой. – Я не рассказывал ничего такого.

– Она не наша.

– Я тоже.

– Ты – исключение, бездушник, – отрезал ворон. –

Ты

пришел к нам.

Он откинул полог. Под куполом царил полумрак, рассеиваемый только расставленными по углам свечами. Земля была прикрыта коврами; кроме них и многочисленных сундуков с вещами в шатре стояло старинное бюро, за которым сидела женщина со статью вдовствующей императрицы. Пропустив их внутрь, Тео молчаливым стражем встал у входа в шатер.

– Виктор, – старуха подняла глаза от бумаг. – Мальчик мой, что привело тебя сюда?

Поклонившись, он поцеловал протянутую ему руку.

– Вы сами знаете, миссис Сара.

– Знаю. И знаю, где тот, кого ты ищешь, – вздохнула она, обращаясь к Эвелин. – Дай мне свою ладонь, канарейка.

– Зачем? – недоверчиво спросила та. – Собираетесь мне погадать? Я, знаете ли, не верю в хиромантию.

– К чему гадать, если твоя судьба тебе известна? – усмехнулась старуха. – Ладонь.

– Прошу вас, – снова попросил Виктор.

Возможно, это было не слишком красиво. И он опять нарушил обещание не использовать Эвелин вслепую. Впрочем, Виктор никогда не собирался его выполнять.

После того как Эвелин протянула свою руку дочери Ворона, все произошло слишком быстро. Блеснул нож, возникший из складок старого траурного платья. Кровь из запястья дочери Ворона пролилась на раскрытую ладонь... И тотчас впиталась, расплываясь черными змеями под кожей.

Вскрикнув, Эвелин отдернула руку и прижала к груди. Чужая кровь то обволакивала кисть темной перчаткой, то собиралась клубком в центре ладони.

– Моей магии хватит на два часа, бездушник, – привычно предупредила дочь Ворона, перевязывая запястье платком.

Виктор снова поклонился.

– Тогда мне следует поспешить. Спасибо за помощь, миссис Сара.

– Не торопись так, мальчик. Ты ничего не забыл? – по ее знаку Аматео перегородил выход. – Тео, собери с них плату.

– Сколько? – равнодушно поинтересовался ворон.

– Медяк с медяка, серебряный с леди.

– Почему же? – не выдержала Эвелин. Испуг прошел, уступив место возмущению, и ей было все равно, на кого его направить. На Виктора, настоящего виновника ее злоключений, или на воронов. – С него медяк, а с меня целый шиллинг? Если только потому, что я одета дороже, то это дешевый ярмарочный трюк и...

– Оставьте, – остановил ее Виктор. – Я заплачу.

– Нет. Она должна заплатить сама, – приказала старуха. – И не выдумывай себе причин, девочка. Ты платишь больше, чем он, потому что узнала сегодня больше.

Не выдержав ее взгляда, Эвелин громко фыркнула и, бросив на столешницу монету, покинула шатер.

– Раз вы можете спорить о деньгах, значит, вы в порядке? – Виктор догнал ее спустя пару мгновений.

– Что это? – Эвелин закатала рукав пальто и продемонстрировала ему метку, которая десятком нитей расплылась по запястью.

Виктор взял ее ладонь и провел пальцем вдоль одной из линий.

– Ворон дает всем своим подопечным дар, который их лучше всего защитит. Дар нынешней дочери Ворона в том, чтобы видеть, где находятся другие люди. Это, – он отпустил ее руку, – всего лишь компас, который покажет нам, где искать Хардли, как показала бы сама миссис Сара. Не забивайте себе голову, через пару часов он растает, как утренний туман.

– Она назвала это магией, – медленно повторила она. – Но магии не существует.

Виктор пожал плечами.

– Как по мне, в этом не больше магии, чем в ваших дарах и инклинациях.

– Но это совсем другое! – возразила Эвелин. – Дар – это личное. Его нельзя передать, даже на время. Все это знают.

– Возможно, все, кроме Ворона. Или он любит нарушать правила, – усмехнулся Виктор. – В любом случае, вам не о чем беспокоиться. Ворон дает миссис Саре видеть, потому что он у нее в крови. А пока ее кровь разбавляет чужую, он может дать такую возможность другим, пусть всего на пару часов. Я в этом плохо разбираюсь, но можете как-нибудь спросить миссис Сару, если захотите.

– Нет, – произнесла Эвелин. – Не думаю, что захочу.

Эйзенхарт вновь пожал плечами.

– Ваше дело. А теперь скажите, в каком направлении нам искать Хардли?

– Юго-запад, – не задумываясь ответила девушка. Ее лицо приняло удивленное выражение. – Где-то в пятнадцати километрах отсюда.

Глава 20

Эйзенхарт

– Мне нужна карта.

Никто его не услышал. Механическое чудовище обступили детишки, которым филин что-то увлеченно показывал. Только когда Тео свистнул, ребятня кинулась к нему, отлипая от автомобиля.

– Карта! – повторил Виктор. – Томас, у вас нет?

– Нет. Зачем вам? – механик смущенно взъерошил волосы и округлил глаза. – Леди Эвелин, что с вашей рукой?

Только этого не хватало. Само собой, стоило упомянуть Эвелин, как Роберт не остался в стороне. Схватил ее за руку, обнажил запястье. Взгляд змеиных глаз за синими стеклами очков не предвещал Виктору ничего хорошего.

– Объяснитесь, – потребовал он. – Что это такое?

– Ничего, на чем следовало бы заострять внимание.

– Эйзенхарт, – в голосе кузена послышался металл.

Виктор горестно вздохнул.

– Указатель. Компас, если хотите. Какая разница! Главное, что мы можем найти Хардли, если не будем терять время.

– Эйзенхарт, если вы...

– Она в безопасности! Ей ничего не угрожает! Ваше стремление ее защитить, конечно, выглядит очень мило, но оно совершенно не ко времени!

– Я в порядке, – подтвердила Эвелин, ставя точку в споре.

Выдернув руку, она достала из сумочки портсигар. В ту же секунду Роберт протянул ей спички. На мгновение Виктору стало любопытно: это воспитание, или кузен успел запасть на бывшую подозреваемую?

– Вы хорошо знаете эту местность? – обратился он к успокоившемуся механику. – Что находится к юго-западу отсюда?

– Частные земли. По ту сторону от дороги начинается лес барона Мерца, затем...

– По ним можно проехать?

– До определенной степени, – осторожно ответил филин. – Куда именно вам нужно попасть?

– Еще не знаю. Садитесь за штурвал, Томас. Доктор, вам придется пересесть вперед. Леди Эвелин, прошу, – он галантно предложил руку, которую она проигнорировала.

Они плутали не меньше часа – дар миссис Сары показывал направление, но, к сожалению, не маршрут. Поиски дороги привели их к неровной лесной колее. Та закончилась вырубленной площадкой, где уже стоял черный автомобиль. Выскочив из машины, Виктор бросился к ней, но вернулся с пустыми руками.

– Ничего, – коротко сообщил он. – И никого. Леди Эвелин, вы еще можете сказать, где он находится?

Она кивнула.

– Нам нужно в лес, – чужая кровь снова обволокла ее ладонь.

В этом Виктор не сомневался. Достав из кобуры пистолет, он проверил патроны.

– Придется пробираться пешком. Нет, доктор, – отказал он, прежде чем кто-то успел вставить хоть слово. – Вы со мной не пойдете. И вы тоже, Томас.

– Вы точно не хотите вызвать подкрепление? – только спросил кузен.

Детектив покачал головой.

– Не успею. Чары уже слабеют.

Метка на ладони Эвелин действительно выглядела бледнее. А упускать шанс взять Хардли живым Виктор не собирался. Как и шанс наконец встретиться с М. Не зря ведь бык стремился именно сюда.

– Леди Эвелин, если бы у меня был выбор, я не стал бы впутывать вас в это дело, но...

– Чепуха, – отрезала она. – Думаете, я вам поверю, детектив? Делайте, что должны, и не тратьте зря воздух, – она первой перешагнула через поваленную ветром сосну и ступила под деревья. – Вы идете или нет?

Виктор посмотрел ей вслед и повернулся к кузену.

– Если мы не вернемся через час, возвращайтесь в Гетценбург, – тихо велел он. – Найдите мистера Конрада и скажите ему, что мы в землях барона Мерца.

Впрочем, у него было плохое предчувствие, что они вернутся быстрее.

В лесу следы Хардли было проще найти. Отпечаток ботинка на нерастаявшем снегу, недавно сломанные ветки – с такими «хлебными крошками» он мог последовать за быком и без помощи Ворона. Эйзенхарт оглянулся на Эвелин, быстро сдавшую свои позиции и шедшую теперь в арьергарде – ботинки на тонком каблуке едва ли подходили для прогулки по лесу.

– Если бы я знала, куда вы меня привезете, надела бы что-то более практичное, – скорчила она гримаску и честно предупредила: – Я все еще зла на вас.

– Понимаю, – откликнулся Виктор. Без особых, впрочем, сожалений. – Нам еще далеко? Вопрос заставил ее остановиться.

– Не знаю, – растерянно сказала девушка. – Я перестала чувствовать направление.

Темное пятно, хотя побледнело, все еще было видно. Теперь оно свернулось в клубок в центре ладони.

– Думаете, что-то случилось?

– Или мы пришли, – Виктор отодвинул в сторону еловые ветви. – Смотрите.

Впереди, на берегу озера, виднелся каменный особняк с угловой башней и флюгером.

– Полагаю, охотничий домик лорда Мерца, – он испытующе взглянул на Эвелин.

– Он там, – у нее перехватило дыхание. – Я это чувствую. Что теперь, детектив?

– Теперь вы пойдете обратно. Вы ведь сможете найти дорогу?

Эвелин посмотрела на него с таким возмущением, что на секунду ему стало стыдно.

– Напомните доктору: если я не вернусь через час, возвращайтесь в город без меня, – попросил Виктор.

– Вы действительно собираетесь пойти внутрь один? К человеку, который вас уже пытался сегодня убить?

– Думаю, я рискну, – легкомысленно подтвердил Эйзенхарт. – Вдруг повезет еще раз?

Аматео говорит, Ворон любит меня.

– Я заметила, – хмыкнула девушка. – Вы ведь не серьезно? Это весь ваш план? Должно же быть что-то кроме вашей веры в собственную неуязвимость.

Виктор задумался.

– Поцелуй на удачу? – предложил он. – Чтобы наверняка.

– Вы кретин, если полагаетесь на удачу, – с чувством произнесла Эвелин.

А затем привстала на цыпочки и поцеловала его. Не просто коснулась губами щеки.

Ухватившись за лацкан его пальто, притянула Виктора к себе. Это было...

многообещающе. И неожиданно.

– Вообще-то я пошутил, – после признался он смущенно.

– Я знаю, – невозмутимо откликнулась Эвелин, доставая из сумочки зеркальце. – Но вы не в том положении, чтобы шутить с Фортуной, детектив.

Проверив помаду, она снова посмотрела на него.

– Полчаса, детектив. Если вы не вернетесь через полчаса, я сама отправлюсь вам за подмогой.

Она могла. Виктор улыбнулся.

– Надеюсь, в этом не будет нужды.

Доктор

К тому времени, когда вернулась леди Эвелин, мы оба были как на иголках. Пару раз каждый из нас пытался завести разговор, но диалог быстро затухал, когда кто-то обнаруживал, что один из собеседников не отрывает взгляда от леса и отвечает невпопад. Леди Эвелин пришла одна и молча проскользнула на сиденье автомобиля.

– Где Виктор? Почему его нет с вами?

Хотя я испытал облегчение, увидев леди целой и невредимой, мне все еще не хотелось передавать леди Эйзенхарт вести о смерти ее сына.

– Остался и велел нам ждать его здесь еще час. Преступник, за которым вы гнались, засел в охотничьем домике.

– И Эйзенхарт в одиночку отправился туда, – продолжил я за нее. – Он сошел с ума?

– Возможно, – с деланным безразличием пожала плечами леди Эвелин. Только по ее взгляду было заметно, что она разделяет мое беспокойство. – Вам виднее, вы же доктор. Ладно, – она решительно тряхнула головой. – Чем предаваться панике... Томас, расскажите, на чем ездит ваше чудо техники? Явно не на бензине. И не на газе. И не на пару...

– На электричестве, – рассеянно ответил филин и повернулся ко мне. – Простите... Я мало что понимаю в этой ситуации, детектив Эйзенхарт велел не задавать вопросов. Но вы уверены, что ему не нужна помощь?

– Он считает, что нет. Я больше не собираюсь с ним спорить.

Опыт моего общения с Эйзенхартом доказывал, что это бесполезно. Если он сказал ждать час, мы дождемся. Я повернулся к леди Эвелин, постучавшей по моему подлокотнику.

– Подвиньтесь, – попросила она. – Вы пошутили насчет электричества, верно, Томас? В такую погоду электрический автомобиль даже не заведется.

– Работающий на никелево-кадмиевых аккумуляторах – верно. Мы используем железоникелевые. Они более устойчивы к холоду.

Уступив леди Эвелин свое место, я оставил их за обсуждением веса батареи, запаса хода и прочих технических параметров. Ожидание выводило из себя. Я зажег сигарету. В какой-то момент мне послышался звук выстрела – но нет, это лишь насмешливо каркнул ворон, сидевший на изломанной ветром сосновой ветви.

Эйзенхарт вернулся минут через пятнадцать, намного раньше назначенного им срока.

– Что произошло? – оборвала разговор леди Эвелин, увидев выражение его лица.

Виктор рухнул на заднее сиденье и устало потер лицо. Я заметил угол конверта с министерским тиснением, торчащий из кармана его пальто.

– Дайте закурить, – попросил он.

На некоторое время воцарилась тишина, прерываемая только звуком от колесика зажигалки.

– Хардли мертв, – объявил Эйзенхарт. – Самоубийство. Пустил себе пулю в висок.

Но почему? Какое-то время Эйзенхарт молчал, наблюдая, как сигаретный дым растворяется в сумерках.

– Должно быть, понял, что ему не уйти, – предположил он, отвечая на невысказанный вопрос.

Ложь.

– Как вы его нашли?

– В башне охотничьего домика. Он был один. В руке зажат револьвер. Рана в виске.

Нанесена с близкого расстояния, револьвер прижали прямо к голове. Никаких следов борьбы.

Это было странно. Чтобы бык не сопротивлялся? С другой стороны... Возможно, это действительно было самоубийство. Необязательно приставлять пистолет к голове, чтобы убить человека. Можно заставить его самого сделать это.

– По крайней мере, вы получили обратно бумаги, – резюмировал я.

– Да, – согласился со мной Эйзенхарт и прикрыл глаза. – Дело закрыто. Надо только оповестить лорда Мерца, вызвать местную полицию и проверить еще тысячу мелочей... Томас, вы не подбросите меня до поместья барона?

Глава 22

Эйзенхарт

Уже стемнело, когда Виктор добрался до своего кабинета. Затяжное межсезонье все-таки сменилось весной: по стеклу барабанил первый в этом году дождь. К утру он смоем последние остатки снега, и все вернется на круги своя.

– Итак, – комиссар Конрад, дожидавшийся его в единственном кресле, затаился сигаретой и спросил: – Снова самоубийство?

Больше сест в комнате некуда, только на неудобный стул для посетителей. Подумав, Виктор примостился на краешке стола.

– Какое, к Пеху, самоубийство... – он потер виски. – Раз вы здесь и открыто разговариваете со мной, выходит, можно больше не разыгрывать древнеэллийскую драму? Вы нашли крота?

– Одного из них.

Комиссар Конрад придвинул ему пепельницу.

– Я уже в курсе, что произошло в городе. Как мы ожидали, это опять должно было стать несчастным случаем при задержании. Что дальше? Где они с М. договорились встретиться?

– Охотничий домик на земле барона Мерца. Хардли удалось оторваться. Я опоздал.

– Если тебя утешит, не думаю, будто что-то изменилось бы, попади ты туда вовремя, – заметил комиссар. – Хардли убили бы в камере, как Терича.

– Или я узнал бы, кто скрывается за буквой «М».

– И умер бы, не успев поделиться этим знанием с миром, – отрезал комиссар. – Не глупи. Некоторое время мужчины молчали.

– Охотничий домик Мерца... Мне доводилось там бывать. Не так далеко от самого поместья. Если знать дорогу, можно дойти за полчаса. Никто не заметит отсутствия. Кто гостит сейчас у барона?

Эйзенхарт мрачно усмехнулся. Еще один провал.

– Сто восемнадцать человек. Барон уже неделю празднует рождение наследника.

Изначально планировалась всего восемьдесят. Так сказать, празднование в узком кругу. Но некоторые его друзья захватили своих друзей, сами знаете, как бывает. Барону повезло, что в поместье можно без проблем разместить весь императорский двор, а не просто пару десятков знакомцев. Иначе получилось бы неловко.

– Список гостей? – потребовал комиссар.

Три листа, заполненных мелким убористым почерком, переключались в его руки.

– Интересно, – заметил комиссар. – Некоторые из имен нам уже попадались.

Слишком многие. И все они – обманка. Кроме одного...

Осталось его найти.

Во всяком случае, сто восемнадцать – не миллион с лишним жителей Гетценбурга. Теперь Виктору было с чего начинать.

– Кстати говоря, – Конрад встал из-за стола и медленно протянул руку. – Кажется, ты забыл что-то отдать.

Ничуть не смутившись, Виктор достал из-за пазухи конверт.

– Разумеется, ты их просмотрел?

Эйзенхарт пожал плечами.

– Я хотел узнать, что теперь известно М.

И увидел в министерских бумагах еще одно имя. Роберта.

– Если считаете, что я не имел права, можете подать на меня рапорт.

– Кому? Твоему отцу? – Конрад улыбнулся уголками губ. – Не думаю. Я бы предпочел подать прошение о переводе сотрудника.

– Куда? К вам?

– Ко мне.

Виктор посерьезнел.

– Вы знаете, почему я работаю в этом отделе.

– Я не суверен, – сообщил Конрад. – И ты уже на меня работаешь. Мог бы делать то же самое официально.

– Идите к Пеху, – ворчливо посоветовал Эйзенхарт. – В смысле, спасибо, но меня и здесь все устраивает.

Комиссар едва заметно приподнял брови. Они оба понимали, насколько последнее заявление было неправдой.

– Как скажешь. Если передумаешь, ты знаешь, где меня найти.

– Что, даже не попытаетесь меня переубедить? – окликнул его Эйзенхарт на выходе.

Конрад задержался в дверях.

– Знаешь шутку, что тот, кто попал однажды в четвертый отдел, свободным не выйдет? Эйзенхарт выдержал его взгляд.

– Допустим.

– Это не шутка, – на этот раз мужчина улыбнулся открыто. – Еще увидимся, детектив Эйзенхарт.

Глава 23

Доктор

На следующее утро я взял извозчика и отправился в окрестности Вестмоора, куда, как мне сообщили в городской резиденции Гринбергов, уехала на выходные леди Эвелин.

Спустя полтора часа пути на вершине холма показался дом почтенного семейства. Он мало походил на фамильное гнездо древнего рода: в нем едва ли уместилось две дюжины комнат. Крыло для слуг в имении моего отца в Марчестерской пустоши было просторнее. Вместо традиционного для поместья паркового ансамбля склон покрывали виноградники. Никакой ограды и высоких ворот, охранявших покой господ, – только присыпанная гравием дорожка, по которой коляска свернула мимо оранжереи к главному входу. Не уверенный, что приехал по правильному адресу, я начал объяснять дворецкому цель визита, но из оранжереи выглянула леди Эвелин.

– Доктор, – казалось, она даже не удивилась. Вслед за ней в холл вышла привлекательная блондинка в недорогом, но модно скроенном платье. Протянув ей миску с клубникой, леди Эвелин вытерла о передник испачканную красным соком руку и подала мне. – Все в порядке, Берроу, это ко мне. Дора, принеси нам, пожалуйста, кофе. Мы с доктором будем в гостиной на втором этаже.

Проводив меня наверх, младшая леди Гринберг удалилась привести себя в порядок. Я остался один и воспользовался возможностью, чтобы осмотреться. Гостиная была выдержана в классических серо-золотых тонах, однако серым, словно выжженным солеными волнами, было дерево, из которого вырезали гарнитур. Обивка же была золотисто-желтой, отчего вся комната казалась пронизанной солнечным светом – хотя на побережье еще царила хмурая зима. На подлокотнике дивана лежал справочник «Кто есть кто», ожидая хозяйку. Я полистал книгу в поисках знакомых имен.

– Что привело вас сюда, доктор? – леди Эвелин забралась с ногами в кресло и выжидающе на меня посмотрела. – Решили сдержать слово за вашего кузена?

Мы оба понимали, что Эйзенхарт не выполнит своего обещания. Но я мог частично исправить эту несправедливость.

Постучав, в комнату вошла девушка, которую я видел внизу. Поставив перед леди Эвелин большую кружку черного кофе, а передо мной – поднос с кофейными принадлежностями и тарелку с пирожными, она привычным жестом поправила на леди сбившийся воротничок блузы и оставила нас наедине.

В лице леди Эвелин я неожиданно нашел идеального слушателя: не отвлекавшегося, не перебивавшего и не сводившего с меня внимательного взгляда серых глаз. Я рассказал ей все, что знал о деле Мариетты Дэвидсон и об этой истории. Если и умолчал об определенных фактах, то только потому, что Эйзенхарт держал меня в неведении, как и ее. Впрочем, от леди Эвелин это не укрылось.

– Вы говорите, что главарем был Хардли, но сомневаетесь в этом, не так ли? – спросила она после моего рассказа.

– Меня беспокоит выбор оружия. Лезвие, которым нанесли рану Хевелю, – узкий кинжал, а не нож. Человек, спасший меня в первый раз, стрелял из малокалиберного пистолета. Такие прячут под сюртуком аристократы, а не бандиты. Все это не вписывается в созданную Эйзенхартом картину. И потом...

– Весь этот план кажется слишком сложным для быка. Слишком продуманным, – согласилась она. – Они из тех, кто берет силой, а не хитростью. Такое ожидается от кого-то... более хищного.

Я кивнул.

– Любопытно, что вы выбрали именно это слово, – я позволил себе поделиться подозрениями. – Я сам об этом думал. Буква «алеф», с которой началась для меня эта история, действительно означает Быка. За исключением языка Менеса, где иероглиф «алеф» переводится как «хищная птица»... Или «гриф».

Еще одна причина, по которой я был склонен считать, что за Хардли стоял кто-то еще. Кто-то, кто посчитал бы такую игру слов забавной. Кто чувствовал себя достаточно безнаказанно, пребывая в уверенности, что его никогда не свяжут с этим клеймом – а если свяжут, все равно ничего не смогут доказать. Управлять быками, не будучи быком: амбициозный план. Дерзкий. Безумный. Это было бы в духе грифа.

– Думаете, детектив Эйзенхарт догадался?

– Я уверен в этом.

Мы проговорили больше часа, прежде чем я, взглянув на циферблат на каминной полке, попросил проводить меня к выходу. В то утро я оказался не единственным посетителем у леди Эвелин. Я спускался по лестнице вторым, поэтому сначала услышал, как она удивленно ахнула, а затем увидел давешнего механика, смущенно переминавшегося на пороге.

– Томас? – растерянно спросила леди. – Что вы здесь делаете?

Тот слегка поклонился.

– Я привез вашу «Луизу». И... – он бросил на меня странный взгляд, и я поспешил распрощаться с ними обоими.

– Подвезти вас до города? – предложил я Томасу. – Могу подождать в кэбе. Полагаю, вам не на чем возвращаться.

– Спасибо, но не стоит. Я вернусь в город на поезде.

– Вы уверены?

Насколько я смотрел по карте, до ближайшей железной дороги от имения Гринбергов было не менее пяти километров по полям и лесам. Механик кивнул.

– Не стоит обо мне беспокоиться.

Пожав плечами, я бросил последний взгляд на леди Эвелин и оставил их наедине.

Эпилог

Эвелин

– Как вам удалось починить мою старушку так быстро? Я думала, что смогу получить ее не раньше следующей недели!

– Ерунда.

Нет. Они оба понимали это. Как и то, что, забросив дела, Томас провозился с ее автомобилем всю ночь. Эвелин остановилась и коснулась его руки.

– Вы изменились, Томас. Сколько мы не виделись? Три года? Расскажите, что было на континенте? И почему именно механика?

А вот взгляд янтарных глаз остался прежним. Пытливый, но не оценивающий.

Внимательный, но не осуждающий. Так смотрят только очень добрые люди. Собравшись с духом, Томас все-таки выпалил настоящую причину приезда:

– Расскажу, если в этот раз согласитесь сходить со мной на свидание.

Эвелин с трудом скрыла улыбку.

– Вы поэтому отказались возвращаться с доктором?

Томас кивнул. На его лице медленно проступало осознание совершенной ошибки.

– Впрочем, я понимаю, – пробормотал он, – что не вовремя. Вы еще в трауре, и с моей стороны было глупо надеяться...

– Договорились, – перебила она его. – Я пойду с вами на свидание. Но сперва я все-таки провожу вас до станции. А вы начнете свой рассказ по пути.

Роза и тамариск

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ,

в которой высший свет Гетценбурга поражает странная эпидемия самоубийств, а детективу Эйзенхарту и доктору нужно разгадать язык цветов прежде, чем следующей жертвой окажется их знакомая.

Глава 1

Доктор

Зима отступала долго и мучительно, не желая сдавать свои позиции. После первых весенних дождей, смывших было остатки сугробов, Гетценбург снова припорошило снегом. Первые ростки, загубленные морозом, так и не увидели солнца, а ветер, прибывший в город с моря, покрыл Таллу корочкой льда. Только в апреле, когда я уже оставил надежду расстаться с пальто, мне довелось увидеть, что поэты единодушно прозвали пронзительной северной весной.

В Марчестере, откуда я был родом, весна приходила постепенно. Привычный к этому глаз скорее угадывал, как вересковые поля одно за другим меняли расцветку. В Гетценбурге природа не знала умеренности. Нежные крокусы и пестрые тюльпаны, ароматные гиацинты и холодная магнолия, королевские розы и тагеты, прозванные за дешевизну цветком студента, средиземноморские рододендроны и восточная вишня... Все они, обыкновенно просыпавшиеся по очереди, под ярким весенним солнцем распустились одновременно, превратив Гетценбург в один большой сад.

Под стать природе расцвело и гетценбургское общество. Господа и дамы, пережившие холодное время года в теплых краях, вернулись на самый северный остров империи. Наступило время снять чехлы с мебели и стряхнуть пыль со старых фасонов, встретиться с друзьями, поделиться впечатлениями и сплетнями и подготовить дочерей к ярмарке невест. Последняя начиналась со смотра дебютанток у ее величества в июне, а пока ничего не мешало благородным леди заказывать к нему наряды у лучших модисток герцогства. Я отвлекся на стайку девушек в ярких платьях – еще один цветник посреди города – и пропустил, как ко мне подсел Эйзенхарт.

– Неплохо выглядите, – одобрил он. – Уже не напоминаете мертвеца, как при первой нашей встрече. Должно быть, ваша вдовушка неплохо на вас влияет.

– Кто? – не понял сперва я. Появление Виктора заставило меня оторвать взгляд от окна. – Мы расстались.

– Случайно не потому ли она открывает новую выставку в галерее Корригана? Говорят, ничто так не вдохновляет, как разбитое сердце. Два ванильных ростбифа, – заказал Виктор подоспевшему официанту, прежде чем я успел возразить.

– Сомневаюсь, что сумею оценить сочетание, – мрачно заметил я.

Эйзенхарт только хмыкнул.

– Дайте-ка угадаю: вы опять собирались взять пирог с почками? Так вы никогда не поймете прелесть местной кухни.

– Возможно, я не хочу ее понимать, – возразил я, на что Эйзенхарт перегнулся через стол и сочувственно похлопал меня по плечу.

– Трудный день на работе? Расслабьтесь, ростбиф будет с чесноком.

Это не слишком успокаивало.

– Тогда почему он называется ванильным?

– Потому что чеснок – ваниль для бедняка, – туманно пояснил кузен. – Но, если это не дело рук леди Нэтли, даже не знаю, чем еще объяснить ваш цветущий вид. Может быть, спорт? Я слышал, вы записались в клуб по савату.

– Слышали? Или опять установили за мной слежку?

В его глазах мелькнула озорная искра.

– Слышал. Коллеги жаловались. Говорят, жестоко бьете.

– Если хотите, можете прийти и убедиться лично, что все происходит в рамках правил, – сухо заметил я.

– Что вы! – Эйзенхарт комически взмахнул руками. Я отметил, как он поморщился от боли при этом. – В мыслях не было. Но все-таки воздержусь. Драк мне на работе хватает. Воспользовавшись моим молчанием, он завел речь о городских новостях. А я подмечал остальные симптомы. Бледные истрескавшиеся губы. Испарина. Едва заметно дрожавшие руки. Речь, утратившая обычную живость.

Не так давно благодаря Эйзенхарту я понял, каково это, когда о тебе волнуются. Теперь он решил показать мне, каково это – самому бояться за чужую жизнь. К сожалению, на своем примере.

Родившись без души и покровительства духов, Эйзенхарт, сам того не осознавая, был огромной занозой для мироздания. Одно его существование нарушало правильный ход событий. Для Вирд он был лишним – и опасным – человеком.

Поэтому Вирд избавлялась от подобных ему.

– Полагаю, спрашивать, стало ли вам лучше, бесполезно? – перебил я его.

Едва ли это можно было назвать невежливостью. Мы оба знали, по какой причине сюда пришли – не ради разговоров о кулинарии и грядущей майской ярмарке. Эйзенхарт лишь пожал плечами. Ответ был очевиден: в его ситуации улучшение стало бы чудом.

Я вынул руку из кармана пиджака и положил таблетки на стол. Флакон из оранжевого стекла прокатился по лакированной поверхности, пока Эйзенхарт не поймал его.

– Не больше четырех в день. Если не поможет, придете ко мне.

Доктор

– Войдите.

Не отрываясь от проверки работ, я махнул посетителю, чтобы он сел в кресло напротив. На некоторое время в комнате воцарилась тишина, прерываемая только скрипом перьевой ручки. Потом поверх страницы лег знакомый мне пузырек.

– Не действуют, – виновато пояснил Эйзенхарт, когда я поднял на него глаза.

– Понятно.

Отложив чтение, я достал из нижнего ящика стола футляр с инструментами и шкатулку, которую уже несколько недель держал наготове, с тех пор как Эйзенхарт пришел ко мне за помощью.

– Что это? – напрягся Виктор при виде ампул с прозрачной жидкостью.

– Морфий.

– Как полицейский, я должен узнать, откуда он у вас.

– Как полицейский, вы должны пойти к настоящему врачу, а не ко мне, – заметил я. –

Убрать?

Вопрос вышел несколько издевательским: я представлял, каково сейчас Эйзенхарту. Много времени на размышления ему не потребовалось.

– Не надо.

Моральные терзания по поводу нарушения закона никогда не были его сильной стороной. Тем более сейчас. В качестве компенсации за бестактность я достал из портмоне аптечный рецепт.

– Как видите, все законно.

– Отделение военной психиатрии? – прочел он надпись на штампе.

– Травмы способны вызвать дестабилизацию дара.

Мне вспомнилась ядовитая земля, окружавшая руины поместья. Голая, словно выжженная почва на месте вересковых пустошей. Черные остовы дубов.

А еще – пустая палата, в которой я очнулся после взрыва.

– И морфий помогает?

– Многие наркотические вещества подавляют дар.

Морфий. Опиум. Кокаин. Даже алкоголь после определенного количества. Оно и к лучшему: нет человека опаснее, чем тот, что не контролирует себя.

– Никогда бы не подумал. Вы не похожи на морфиниста, – пояснил кузен последнюю фразу.

– Я не принимаю. Нет необходимости.

Виктор покосился на меня.

– Ваше министерство считает иначе, раз постоянно обновляет рецепт. Почему такая дозировка? Даже моих скудных познаний в медицине хватает, чтобы понять, что она слишком высока.

– Вы никогда не перестаете задавать вопросы? – заинтересовался я. – Это профессиональное или личная черта?

Впервые за этот месяц я увидел на его лице слабую улыбку. Поднявшись из-за стола, я подошел к книжному шкафу и достал старый справочник. Раскрыл на главе о змеях и положил перед Виктором.

– Это еще зачем?

– Здесь описываются характерные физиологические различия, свойственные людям с определенным даром. Надеюсь, это отвлечет вас от следующих вопросов. Давайте руку. Другую, этой займемся позже, – я закатал рукав его рубашки и достал жгут. – Умеете делать внутривенные уколы?

– Как-то не приходилось.

– Значит, будете звать меня. Номера телефонов у вас есть. Звоните, когда потребуется...

Эйзенхарт кивнул, не отрываясь от книги.

– Вы меня слышите?

– Тут написано: частичная либо полная невосприимчивость к наркотическим веществам, включая кофеин, этанол, никотин, ареку и кат, а также к ядам растительного и змеиного происхождения. Получается, вас и отравить нельзя?

Как отравить человека, который и сам – отравля?

– Можете попробовать, – предложил я.

– Спасибо, откажусь. Матушка не простит, – Эйзенхарт поморщился, когда игла прошла сквозь кожу. – Чего еще я о вас не знаю, док? Я успел заметить, что вы не самый разговорчивый человек. Но, когда дело касается вас, становитесь и вовсе потрясающим молчуном.

– То же можно сказать о вас, – парировал я, вспоминая, как кузен резко менял тему каждый раз, когда речь заходила о его жизни. – Полагаю, никто не любит обсуждать свои проблемы.

Которых каждому из нас хватало. Виктор не любил упоминать об этом, но, родившись без покровительства духа, во многих отношениях он был слабее младенца. А я не хотел признавать, что, сколько бы я ни пытался изменить свою сущность, это было невозможно. Я не доктор. Я палач. Письмо из министерства отлично помогло это вспомнить.

– Вторую руку, – велел я.

Виктор расстегнул манжету, и я помог ему закатать рукав.

Укус был чистым, даже аккуратным. Никаких рваных краев, только две пунктирные линии там, где запястье детектива прихватил волк. Гораздо опаснее была чернота, расходившаяся по руке. Она была не естественного происхождения – ее истоки следовало искать на той стороне.

И запах. Запах был хуже всего. Я хорошо знал его по войне: так пах мир, находившийся по ту сторону вечного моста. Так пахла смерть.

Только Виктор мог отправиться в пивную пропустить кружку-другую и заработать себе врага среди духов. И опять все дело было в том, что в сотканном Судьбой полотне Эйзенхарт оказался неучтенным элементом.

Он не должен был находиться в «Орле и решке» тем вечером.

Никто не должен был вмешаться в драку между волком-ганзейцем и котом, обокравшим не того человека.

Кот не должен был умереть, отвлекшись на полицейского и пропустив удар.

Ганзеец не должен был закончить свои дни на гильотине...

– Жить буду, док? – преувеличенно бодро поинтересовался у меня Эйзенхарт.

– Какое-то время.

Виктор ухмыльнулся.

– Вы всех своих пациентов так успокаиваете? А теперь начистоту, – посерьезнел он. – Сколько мне осталось?

– Это известно лишь духам.

Две недели. Три. Максимум месяц. Удивительно, что Виктор продержался так долго – не иначе как из упрямства.

Любой бы подумал дважды, прежде чем связываться с волками. Не только из-за взрывного характера и силы, на порядок превышавшей человеческую. Еще из-за их покровителя. Всем было известно, что Маркус-Волк будет защищать свою стаю любой ценой. А если не сумеет, не упустит случая отомстить обидчику.

И теперь, через оставленную на запястье Эйзенхарта метку, Маркус день за днем утягивал того в небытие. Выматывая, играя со своей жертвой, пока та не упадет бездыханной на землю. Он был в своем праве: жизнь бездушника принадлежит тому, кто ее заберет, ни один из духов за него не вступится.

– Как вы себя чувствуете?

– В смысле? – удивился вопросу Эйзенхарт.

– У морфия есть весьма неприятные побочные эффекты.

– Ах, вот что вы имели в виду... Нормально. Если хоть что-то в моей жизни бывает нормально, – добавил он с досадой.

Я посмотрел на него поверх очков. Раздражительность была частым спутником боли.

Виктор еще держался, но понемногу усталость брала свое. При наших встречах шутовская

маска все чаще шла трещинами, открывая то, что он так стремился скрыть, – лицо давно простившегося с жизнью человека.

– Я уберу гной и обновлю повязку.

– Это поможет?

Нет.

Но это все, что я мог для него сделать.

– Потерпите, возможно, будет неприятно, – предупредил я.

– Еще более неприятно? – в голосе детектива послышался плохо прикрытый сарказм. – А про меня в этой книге есть?

– Нет. Но можете посмотреть раздел про канареек, – после некоторых размышлений посоветовал я, доставая чистые бинты из ящика комода.

Эйзенхарт зашелестел страницами.

– Всего абзац. Сводится он к одному: они умирают.

– Элайза не любит вмешиваться в дела своих подопечных, – согласился я. – Потому они практически беззащитны.

Хотя даже у них было больше шансов, чем у Эйзенхарта. Я обратил внимание, как его пальцы сжались на подлокотнике.

– Вам будет легче, если вы на что-то отвлекетесь, – совет пришел из моего опыта. –

Например, расскажите: над каким делом вы сейчас работаете?

В своем обычном состоянии Эйзенхарт не преминул бы воспользоваться этим шансом.

Вывалил бы кучу разрозненных фактов и сбившихся мыслей, задал еще тысячу вопросов.

Сейчас даже работа не вызывала у него энтузиазма.

– Да так, – детектив чуть было не дернул по привычке плечом, – самоубийство. Девушка наглоталась снотворного. Поговорю с ее семьей, наверняка несчастная любовь и все такое.

Бездна мороки с бумагами и никакого расследования. Ничего особенного.

– Кроме того, что это самоубийство.

Это уже было довольно необычно. Мало кто посмеет нарушить полотно Вирд и рассердить духов. Зная, что наказание понесет его семья. И, что хуже, понимая, что его душа никогда не найдет путь на ту сторону – она умрет окончательно и бесповоротно, исчезнет из этой вселенной.

Разумеется, всегда находились такие несчастные. Однажды я сам едва не попал в их число. И фотографии на Мосту утопленников подтверждали, что даже в тихом Гетценбурге кто-то выбирал этот путь. Но все же суицид был редкостью. Исключением.

– Ну да, кроме этого, – согласился Эйзенхарт. Покосившись на лежавшие на столе инструменты, он откинулся в кресле и перевел взгляд на заставленный растениями подоконник. – Что еще вам поведать, доктор? Мне прислали цветы.

– Простите?

– Траурный букет. Какой-то шутник доставил их нарочным в мой кабинет. Конечно, это еще не погребальный венок, но... – его голос дрогнул. – Забудьте.

Щелкнули ножницы, и я заправил конец бинта. Оттягивая время, убрал на место шкатулку с лекарствами. Задержался у комода, проверяя запасы перевязочной марли, чтобы не смотреть Эйзенхарту в глаза. В силу профессии мне доводилось сталкиваться с умирающими. Это никогда не бывает легко.

Виктор, сказавший больше, чем следовало, поспешил встать. Выглядел он немногим лучше, чем когда вошел в кабинет.

– Что ж, пора на работу. Как ни печально, обеденный перерыв не может длиться вечно, – фальшиво ухмыльнулся он и постучал по корешку справочника, который сунул под мышку. – А это я, пожалуй, у вас заберу. Почитаю, просвещусь на досуге. Бывайте, доктор. Больше я ничего не мог для него сделать, напомнил я себе, закрывая за Виктором дверь. Ничего.

Эйзенхарт

– Примите мои соболезнования...

Положенные случаю слова ускользали, будто он не повторял их сотни раз. То ли дело было в удушающей вони от цветов, что прислали Лайонеллам друзья и родственники, то ли морфий оказался плохой идеей. Очень плохой, признал сразу Виктор. Но боль он ненадолго снял. Без него Виктор работу точно не выполнил бы.

Мысленно отвесив себе затрепину, Виктор попытался сосредоточиться.

Или дело было в усталости? Впервые за несколько недель Виктор сумел не забыться на пару мгновений, а заснуть – прямо за письменным столом, вернувшись с обеденного перерыва. Верный Брэм, похоже, передал, чтобы его не тревожили. Очнулся Виктор через два часа. Жаль только, передышка эта мало что дала, кроме чувства, будто он вымотался еще сильнее.

Однако долг звал. Пришлось звонить барону Лайонеллу, отцу возможной самоубийцы. Втайне надеясь, что ему откажут, Виктор попросил о встрече – и теперь сидел напротив одетого в черное семейства, пытаясь начать разговор так, чтобы не причинить им еще больше боли – если, разумеется, это было возможно.

Им и так досталось: не добудиться дочери, вытерпеть отказ семейного врача выписывать свидетельство о смерти, узнать, что смерть эта не была естественной, и гадать, была ли доля их вины в том, что их милая маленькая Хэтти решила проститься с жизнью.

– Лорд Лайонелл, учитывая обстоятельства смерти, я вынужден спросить: существует хоть малейшая вероятность того, что леди Хэрриет выпила снотворное по незнанию?

– Вы имеете в виду, что она забыла, как выпила лекарство в первый раз?

– Я имею в виду убийство.

С тактичностью все-таки не сложилось. Леди Лайонелл побледнела и вцепилась в руку супруга, а младшая из дочерей впервые с начала беседы подняла на детектива пронзительно-синие глаза.

– Что вы! Все любили Хэтти...

Невозможно было сосчитать, сколько раз за свою карьеру Эйзенхарт слышал эту фразу. Каждую из жертв все обожали. Только потом выяснялись подробности, которые отвратили бы самого любящего человека. Обычно Виктор пропустил бы такой ответ мимо ушей, но в случае Хэрриет Лайонелл это могло быть правдой. Ничего в ее портрете не противоречило описываемому образу симпатичной, немного стеснительной девушки, с одинаковой восторженностью воспринимавшей и светские развлечения, на которые она была впервые допущена в прошлом году, и сентиментальные романы. Мечтавшей о сказочной любви – а нашедшей реальную смерть.

– Были ли у нее причины покончить с собой?

Это предположение также отвергли. Подобный ответ стоил, впрочем, еще меньше, чем предыдущий: большинство живых никогда бы не смогли представить достаточный повод, чтобы прогнать духов и пойти против Судьбы. Те, кто выбирал суицид, очевидно, были с этой точкой зрения не согласны. Но их о причинах уже нельзя было спросить.

– Я так понимаю, прошлый сезон прошел для леди Хэрриет успешно?

Неудачный первый сезон, не принеший ни помолвки, ни хотя бы определенных «перспектив», как говорила Викторова матушка, теоретически мог расстроить молодую леди в достаточной мере, чтобы она лишила себя жизни, только бы не испытать подобное унижение во второй раз. Теоретически. Виктор, видимо, общался не с теми леди – да и вообще не с леди, откровенно говоря. Ему было сложно такое представить.

– Хэтти привлекла внимание молодого Дегнарда.

Которого в этот трагический час здесь не было.

– Они были помолвлены?

– Нет, но мы все считали, что предложение скоро последует.

– Пока они не разругались, – встряла в разговор младшая из дочерей.

Чего-то в этом духе Виктор ожидал.

– Люси! – гневно воскликнула мать семейства. – Как тебе не стыдно! Детектив, – леди Лайонелл грузно повернулась к Виктору, – Джон действительно пришел к нам и сообщил,

что они с Хэтти не могут продолжать отношения, однако все мы были уверены, что произошло недоразумение. Какие милые не бранятся! Мы все знали, что скоро он вернется и попросит прощения, ведь он так любил Хэтти!

Ее лицо сморщилось от боли, однако воспитание не позволило проронить ни слезинки. Не перед полицией.

– Леди Хэрриет была очень расстроена случившейся размолвкой?

Когда секрет вылез наружу, семья перестала отрицать очевидное. Какое-то время после разрыва леди Хэрриет держалась спокойно, однако последнюю неделю бедняжка была сама не своя. Чуть что бросалась в слезы, запиралась у себя в комнате, отказывалась разговаривать с родными. Должно быть, из-за нервов ее начала мучить бессонница, и... Мотив для самоубийства был совершенно ясен. Посмотрев на лорда, Эйзенхарт увидел, что он тоже понимает это.

– И все же, мистер Эйзенхарт, возможно ли, что Хэтти действительно приняла снотворное во второй раз по ошибке? – заговорил отец покойной. – В последнее время из-за переживаний она была такой рассеянной...

Виктор прекрасно понимал, что тот хочет сказать. Время вспоминать мертвых прошло, настала пора думать о живых.

Как бы семья ни любила Хэтти, им надо было выдать замуж еще трех дочерей. Скромное приданое и отсутствие громкого имени создавали определенные проблемы, но репутация родственниц самоубийцы не оставляла девушкам ни шанса. Никто не станет связываться с семьей, которой больше не благоволят духи. А духи, мстительные сукины дети, не только не возвращали самоубийц, но и наказывали оставшихся за подобное неповиновение. И мстили им жестко.

Окинув взглядом комнату, потертые подлокотники дивана, платья, переживавшие не первый траур, Виктор решил:

– Я посмотрю, что могу сделать.

– Думаешь, суицид? – спросил комиссар Роббе, когда Виктор заглянул к нему вечером.

В заставленном старой мебелью кабинете, в котором начальник отдела убийств практически жил после смерти жены, чувствовался домашний уют. Не выдержав, Виктор развалился в потертом кожаном кресле и вытянул ноги к огню.

– Конечно. Молодая девушка, разбитое сердце, что может быть типичнее?

Вопрос остался без ответа, пока комиссар набивал трубку. Виктор последовал его примеру и полез за сигаретами.

– Меня смущает отсутствие предсмертного письма, – заметил начальник.

– Не все самоубийцы – поклонники эпистолярного жанра.

– И все же... Ты уверен, что это самоубийство?

– Если только в ближайшую неделю еще пара дебютанток не отравится снотворным, – устало пошутил Виктор. – Тогда можно будет сказать, что в городе орудует маньяк. Но, согласись, каковы шансы?

Глава 4

Эйзенхарт

Она не отравилась. Шагнула из окна.

Лежавшая у его ног женщина была красива, даже несмотря на падение с четвертого этажа. Длинные волосы кофейного оттенка разметались по мостовой, частично скрывая испачканную кровью брусчатку. Лицо – из тех, что нельзя назвать правильными, но которые запоминаются с первого взгляда и на всю жизнь. Половина его пострадала при ударе, но уцелевшая часть все еще производила впечатление. Когда Коринн Лакруа появилась в Гетценбурге, злые языки шептали, что главные роли она получала именно благодаря чувственным, выразительным чертам, а не таланту. Возможно, так оно и было –

Виктор не настолько хорошо был знаком с театральной сценой, чтобы судить об актерской игре мадемуазель.

Задрав голову, он посмотрел вверх: в открытой двери балкона на последнем этаже колыхались занавески. Порядка десяти метров. Не самая удачная высота. Недостаточная, чтобы гарантировать смерть. Сам бы Виктор ни за что не решился: слишком велик риск остаться калекой.

– Думаете, это самоубийство, сэр? – спросил Брэм. Видимо, последнюю фразу Виктор произнес вслух.

Он пожал плечами.

– Возможно. Хотя и странно: два самоубийства за три дня. У нас за весь год обычно больше двух десятков не наберется, да и из них большая часть в бедных кварталах. А вы что скажете, Ретт? Выпрыгнула сама, или ее скинули?

Вызванный врач, служивший при полицейском управлении патологом на полставки, поморщился от панибратского обращения.

– Для вас – доктор Ретт, детектив. И пока рано об этом говорить. Однако могу сказать, что упала она лицом вперед. И, – врач опять нахмурился, отчего его крысиное лицо сделалось еще менее приятным, – на мой взгляд, лучше это дело не расследовать.

– В самом деле? Почему?

Вот за это Виктор и считал Ретта –
доктора

Ретта – непрофессиональным болваном. За осуждение. За спесь. За брезгливость, которую крыс испытывал ко всем, кого считал ниже себя. Будь его воля, большую часть убитых просто скидывали бы в общую могилу. Зачем тратить время и силы на всяких воров и грязных попрошайек?

– Вот почему, – Ретт протянул алое перышко, крепившееся к заколке-невидимке.

Сначала Виктор не понял, что это. Слишком редко встречалось подобное – чаще, конечно, чем такие, как сам Виктор, родившиеся без души, но ненамного. Страх перед духами был слишком велик, чтобы даже противиться их воле, а уж тем более – чтобы от них отречься. Одно дело – надеть чужую шкуру ради представления или в Канун года, когда мост между мирами особенно короток, а Судьба на мгновение теряет свою власть над людьми. Совсем другое – отказаться от своего патрона и надеть знаки другого.

Иногда так поступали, особенно птицы, которым отрезать перья было легче, чем, к примеру, змеям или котам сменить глаза. Кто-то прятался от прошлого, кто-то бежал от проблем. Кто-то мечтал о славе: экзотический павлин всегда смотрится выигрышнее дворового воробья. Но долго жизнь под чужой личиной не длилась: лишенные благосклонности духов, как магнит, притягивали к себе неприятности.

– *Cardinalis*, верно? – угадал Виктор. – Можете сказать, какой дух на самом деле ей покровительствовал?

– На первый взгляд нет ничего, что позволило бы выдвинуть предположение.

Неудачно. Хотя и ожидаемо. Если начинаешь новую жизнь, старую лучше сжечь: вдруг найдут. Да и не всегда можно было увидеть метку, что духи ставили на своих подопечных. Говорят, чем сильнее они их любили, чем сильнее одаривали, тем заметнее это было в облике. Иногда же только при вскрытии обнаруживалось трехкамерное сердце или лишние полдюжины ребер.

– Интересно...

– Мерзко! – возразил Ретт. – Ничего удивительного, что она встретила такой конец: духи подобного не прощают. Так что мой совет, – Ретт не заметил, что совета у него, собственно, никто не спрашивал, – держитесь от этого дела подальше. В своей смерти виновна только она сама.

Возможно, если бы при рождении Виктора отметил кто-то из духов, он бы согласился с Реттом. Но он вырос бездушником. Это даровало иную перспективу – где любая жизнь была бесценна, даже ворона или такого, как он. Поэтому, услышав рекомендацию, Виктор не только не прислушался к ней, но упрямо пообещал себе провести самое тщательное расследование, на какое только будет способен в этом состоянии.

А оно было не лучшим. Виктор моргнул. Перед глазами словно вились черные мушки. Надо было собраться.

– Ретт, жду отчет по вскрытию не позднее завтрашнего вечера. Брэм, опроси соседей: нужно узнать, была ли она одна, когда это случилось. Я займусь свидетелями. Нужно будет еще зайти в храм, узнать, видели ли там ее. Возможно, дрозды скажут, кем она была на самом деле. Я сегодня напишу в Арнуаль, но существует вероятность, что Лакруа – выдумка, как и ее прошлое. В таком случае нужно выяснить ее настоящее имя. Пусть Лой и Траффорд, когда закончат с фото и с отпечатками, сообщат мне. Надо осмотреть ее квартиру...

Он хотел еще что-то сказать, однако в этот момент мир неожиданно померк, и впервые в жизни детектив Эйзенхарт совершенно негероическим образом грохнулся в обморок.

Глава 5

Доктор

Виктор не объявлялся у меня несколько дней, поэтому я не удивился, когда в дверях кабинета возник Мортимер с сообщением от сержанта Брэмли. Но беспокоился.

– Роберт, вас к телефону. Полиция. Требуют срочно приехать. У вас опять проблемы? Вопрос не подразумевал осуждения. Лишь готовность помочь – и самую толику любопытства.

– Похоже на то, – я положил шкатулку и футляр на дно саквояжа, прежде чем взять трубку. – Где он?

Эйзенхарт был у себя в кабинете. И, если послушать взволнованного Шона, не желал видеть никого, кроме меня. Сообщив в полубессознательном состоянии, чтобы его отвезли обратно в управление, он категорически отказывался от врача, извозчика, чтобы тот дотащил его до дома, и отгула на пару дней. Единственным, на что он согласился под угрозой звонка леди Эйзенхарт, было то, что остаток дня он проведет за бумажной работой, предоставив заниматься опросом свидетелей Брэмли.

Я нашел его за письменным столом. С мрачным видом Виктор обрывал лепестки на огромном букете нарциссов. Цветы, перевязанные траурной черной лентой, выглядели слишком свежими, чтобы быть теми, о которых он упоминал в прошлый раз. Я нахмурился.

– Еще один букет?

Рука замерла.

– Это вы, док, – Эйзенхарт поднял на нас с Шоном глаза. – Как видите. Когда найду этого шутника, душу из него вытрясу. Брэм, ты сумел добиться чего-нибудь от посыльного?

– Нет, сэр, – виновато ответил кузен. – Он один из тех, что толкуются у Цветочного рынка. Говорит, к нему прибежал мальчишка-помощник из тамошней лавки, какой – он не знает, не спрашивал. Если хотите, могу пройти с ним по рынку, вдруг он узнает мальчика.

– Упаси духи! – Эйзенхарт, только придвинувший к себе кружку с чаем, чуть не поперхнулся от такого предложения. – Там этих лавок больше сотни, будто у нас без того мало дел. Лучше посмотри, вернулся ли Лой. Я хочу сегодня взглянуть на ее апартаменты.

– Нет, сэр, – твердо возразил Шон и смутился. Однако я был вообще удивлен, что он посмел перечить начальнику. – У нас был уговор. Я ничего не рассказываю леди Маргарет, а вы взамен приглашаете доктора и работаете сегодня в управлении.

Виктор скорчил страдальческую гримасу.

– Посмотрите, Роберт, как со мной обращаются! Держат в ежовых рукавицах.

– И поделом вам, – если он ожидал от меня сочувствия, то обратился не по адресу. – Чем вы так напугали окружающих, что пришлось звать меня?

– Он упал в обморок, – подал голос Шон.

Эйзенхарт хмуро пробормотал «предатель» и отхлебнул из чашки.

– Такой страшный труп?

– Никак нет, сэр, – снова ответил за Эйзенхарта Брэмли.

Если Шон, зеленеющий при виде практически каждого тела, так говорил, это что-то значило. Я взглянул на кузена: тот старательно изучал потолок.

– Вы...

– Шон, пойди поищи Лоя, – ледяным тоном приказал Эйзенхарт.

– Сэр...

– Даже если я никуда не пойду сегодня, я хочу получить фотографии. А теперь брысь. Перестань надо мной кудахтать. Пока здесь док, со мной ничего не случится.

Дождавшись, когда обиженный кузен выйдет за дверь, Эйзенхарт выглянул в коридор и вздохнул:

– Все равно ведь не дадут поговорить... Пойдемте, доктор.

– Куда?

Мы спустились на первый этаж. В воздухе висел запах свежей побелки. Пробравшись по узкому проходу между строительными материалами, Эйзенхарт распахнул двери одного из кабинетов, сиявшего свежеекрашенными стенами.

– Садитесь, – подавая пример, Виктор уселся на краешек укрытого газетами стола и закурил. – У нас небольшой ремонт. Отдел расширяют. Удалось выбить финансирование. Не без помощи мистера Конрада, правда, – при упоминании начальника политического отдела Эйзенхарт поджал губы. – Но это не важно. Наконец сможем сделать себе нормальную медицинскую экспертизу. Здесь будут кабинеты, а комнаты дальше по коридору переоборудывают сейчас под морг. Ну, не прямо сейчас, конечно, сейчас все рабочие ушли на обед. Вы, кстати, не заинтересованы?

– В обеде? – не понял я.

– В работе. Старик Гоф который год собирается на пенсию, а отделу пригодился бы толковый патолог. Не Ретту же эту должность предлагать.

– Почему вы считаете, что мне это интересно?

– Я не прав? – удивился Эйзенхарт. – Я видел у вас на столе книги по медицинской экспертизе. Подумал, может, вы решили сменить стезю. Надо сказать, не самый плохой выбор: зарплата больше, жилье лучше, работа определенно интереснее... Так как?

– Нет.

После – косвенного – участия в нескольких расследованиях я действительно достал книги по судебной медицине. Решил немного освежить знания. Возможно, где-то на задворках моего разума зародилась тогда мысль, что я мог бы – не вернуться к врачебной деятельности, нет, состояние моих рук не позволило бы мне заниматься хирургией как раньше, – но, по крайней мере, получить лицензию судебного медицинского эксперта. Однако это были только идеи, не имевшие отношения к реальности. На самом деле я понятия не имел, смогу ли работать патологом. Пусть пациент мертв, его все равно надо резать. А я... Я привык справляться с тем, что есть, – армия этому хорошо учит. Но не мог предсказать, не ухудшится ли состояние моей правой руки в следующие годы. Не стану ли я окончательно инвалидом. Сумею ли пройти назначенную в министерстве на июль комиссию, которая должна решить мою дальнейшую судьбу.

– Не хотите – как хотите, – пожал плечами Эйзенхарт. – Но надеюсь, вы передумаете.

Я не стал отвечать, понимая, что, даже если передумаю, Виктор этого не узнает. До июля он не доживет.

– Зачем меня позвали? Я так понял, что моя помощь вам больше не требуется.

Эйзенхарт поморщился.

– Не столько не требуется, сколько... Мешает работе.

– Ваше нынешнее состояние, безусловно, намного продуктивнее, – согласился я. – Почему вы вообще до сих пор работаете? Вам следует...

– Что? – перебил меня Эйзенхарт. – Завернуться в саван и отправиться на кладбище? Могу еще цветы с собой захватить, не зря же кто-то на них тратился.

Я промолчал. Слишком хорошо понимал его нежелание принимать новую реальность.

– Простите, – отвернувшись, Виктор потушил окуроченный окурок об оставленное на подоконнике ведро с краской. – Значит, по-вашему, морфий поможет?

– Нет, – не стал я лгать. – Но вам будет легче.

Он не жаловался на боль, но такие всплески говорили сами за себя. Во взгляде Виктора появилась знакомая мне мрачная решимость. Мысленно я поежился, ожидая, что будет дальше: в последний раз, когда я видел его таким, Эйзенхарт вслед за быком выпрыгнул из окна третьего этажа.

В этот раз только закатал рукав.

– Ладно. Давайте сюда свою иголку.

Мы уже закончили, когда постучал Шон.

– Никуда я не сбежал, – отмахнулся Эйзенхарт от хмурого кузена. – Не надо меня ни в чем подозревать. Здесь просто тише.

Только дурак поверил бы его вранью. Шон, несмотря на возраст и внешность, к ним не относился.

– Я принес фотографии. Лой передает, что, когда они работали, домой вернулась соседка покойной. Сказала, у той была громкая ссора с мужчиной, как раз перед смертью.

Эйзенхарт зашелестел бумагами.

– Это меняет дело. Расспроси ту соседку как следует, вернешься – перескажешь мне. –

Оторвавшись от фотографий, он удивленно заметил меня. – Вы еще здесь, доктор? Идите, я вам позвоню.

Глава 6

Эйзенхарт

Пока Брэмли опрашивал свидетелей, Виктор, благодаря своему обещанию запертый в управлении, решил узнать о погибшей с другой стороны.

– Соедините меня с Соколиной площадью, 22-17, – попросил он телефонистку.

В ожидании ответа он прижал прохладную эбонитовую трубку к щеке, раздумывая, что сейчас скажет.

– «Новости Гетценбурга», Лидия Кромме у аппарата, – прозвучал хорошо знакомый голос. Годы работы на «Флит и партнеры» стерли портовый акцент, но Виктор помнил, как он звучал при первой их встрече. Он представил себе, как она сидит сейчас за своим столом: телефонная трубка прижата к щеке плечом, в пальцах одной руки зажата тонкая сигаретка, другой же Лидия пытается допечатать на машинке статью. Перестук клавиш на заднем плане подсказал, что так оно и было.

– Это я, – сказал он.

И тут же себя обругал. Гениальное начало. Но больше ничего в голову не пришло.

– Виктор? – насторожилась Лидия. – Что тебе нужно?

– Кажется, я умираю.

На том конце провода молчали. Наконец она что-то пробормотала в сторону и резко выдохнула.

– Знаешь, сколько раз я это слышала?

– Десять? – попытался угадать Виктор. Недоверчивое хмыканье подсказало, что он сильно занизил цифру. – Но сейчас все серьезно.

– То же самое ты говорил в прошлый раз. И до того... Ты только поэтому позвонил?

– Мне нужна информация по Коринн Лакруа. Поможешь?

– С этим могу, – голос если не потеплел, то хотя бы лишился северного холода. –

Пришлешь курьера?

– Я мог бы и сам приехать, – предложил Виктор.

– Нет! – она ответила слишком поспешно и теперь пыталась сгладить неловкость: – У нас скоро начнется совещание, не могу сказать, когда освобожусь. Зачем тебе ждать?

– Конечно, – Виктор постарался скрыть разочарование. – Скажи, а о леди Хэрриет Лайонелл ты что-нибудь слышала?

Сложно сказать, что сподвигло его спросить о Хэрриет. Возможно, в глубине души он был не так уж уверен, что она покончила с собой. Или просто искал повод продлить разговор с Лидией хоть на секунду.

– Ничего, – удивилась Лидия. – Но могу спросить в светской хронике, если хочешь.

Подумав, Виктор отказался. Если что-то выяснится, будет повод позвонить еще раз. А пока... Встав из-за стола, он взял с вешалки пиджак и шляпу. Конечно, он дал слово не работать сегодня в городе, но обещание касалось дела Лакруа. По поводу леди Хэрриет он ничего не говорил. И, если быстро вернуться, Брэм ничего не узнает.

Первым пунктом маршрута была квартира молодого Дегнарда. Бывший жених леди Хэрриет оказался действительно молод и мало походил на человека, разбившего чье-то сердце. Скорее на того, кто потерял свою любовь и не успел еще оплакать.

– Мы действительно расстались, – признал он. – Но это произошло не по моему желанию.

– Я слышал иное.

– Официально инициатором был я. Но на самом деле... Хэтти пришла ко мне и сказала, что встретила и полюбила другого. Что я мог сделать? Только пожелать ей счастья и взять вину за разрыв на себя.

Виктор кивнул. Расставание по инициативе леди вызвало бы волну любопытства и осуждения среди знакомых, в то время как джентльмен, разумеется, имел право выбора. Неудивительно, что Дегнард, любивший леди Хэрриет, из благородных побуждений предложил сказать неправду.

– Леди Хэрриет называла имя?

– Нет. Я и сам хотел бы знать, учитывая, чем все закончилось, – мрачно ответил сэр Джон. Виктор с ним согласился. В поисках третьей стороны этого любовного треугольника он отправился к Лайонеллам, где его встретили куда менее дружелюбно, чем в предыдущий раз.

– Я думал, вы все для себя уяснили, детектив, – с упреком посмотрел на него лорд Лайонелл.

– Да, сэр. Но ввиду новой информации я хочу попросить вас дать разрешение на осмотр вещей вашей дочери.

– Какой информации?

– Не могу сказать, сэр.

На мгновение Виктор почти устыдился своего вранья. Стоило ли тревожить их еще раз, чтобы потешить любопытство? Все равно результат ясен. Не один мужчина, так другой, но, скорее всего, леди Хэрриет покончила с собой по этой причине. Однако он еще не знал имени человека, ради которого она разорвала помолвку. А не знать чего-то Виктор терпеть не мог.

В комнате леди Хэрриет еще не успели убрать. С наслаждением вдохнув спертый пыльный воздух – все равно лучше, чем в пропитавшейся запахом траурных букетов гостиной, – Виктор медленно обошел спальню, гадая, с чего начать поиски. Письменный стол был пуст. Под пресс-папье лежали только вырезанные из газеты рекламные объявления, промокашка была заменена на новую. В шкатулке с украшениями нашлись пара тонких колечек и цепочка с аквамарином. Все они выглядели недорогими и не особенно новыми, вряд ли это подарки последнего возлюбленного леди Хэрриет.

Виктор прошелся вдоль книжного шкафа, отмечая миниатюрные томики поэзии и подшивки модных журналов. На одной из полок стояла фотография самой леди Хэрриет в серебряной рамке: длинные белые волосы, русалочьи глаза, роза в тонких пальцах. Надпись на обратной стороне подсказала, что снимок был сделан за полгода до смерти. Откинув покрывало, Виктор залез рукой под матрас в поисках дневника, но, увы, там было пусто. Вспомнив, как в детстве он обнаружил дневник своей сестры в щели между стеной и шкафом (а также единственную запись в нем, краткое и эмоциональное «Не лезь, Виктор!»), он проверил и там. Ничего. Зато верх шкафа обрадовал его неожиданной находкой. В шкатулке леди Хэрриет хранила письма. Особенно Виктора заинтересовали те, что лежали сверху. Кто-то смял их, но потом передумал, достал из корзины для бумаг и, аккуратно расправив, добавил к старым. Присев на краешек кровати, Виктор углубился в чтение.

«Дорогая Хэтти! Пишу тебе из Сен Фоллз... Климат здесь более благоприятен... Леди Ж. (помнишь, мы видели ее в прошлом месяце у Р.?)...»

Нетерпеливо пропуская описания нарядов и пересказ местных слухов, Виктор добрался до того, из-за чего Хэтти сначала выбросила это письмо.

«Конечно, ничуть не считаю, что ты выдумываешь, – отправительница зачеркнула последнее слово, исправив, – преувеличиваешь, но должна предупредить тебя насчет А. Его внимание лестно, но небезопасно. Ты знаешь, как я тебя люблю, но...»

Виктор заглянул в конец. Дата – месяц назад. Вместо подписи – буквы «С.Н.» Мысленно он уже трижды проклял привычку неизвестной использовать вместо имен инициалы.

Открывая следующие послания, Виктор понял, что на правильном пути. Снова и снова подруга умоляла леди Хэрриет быть осторожнее. В ход шли аргументы морально-этического свойства («Подумай о бедном Дж.»), народная мудрость («Синица в руках лучше журавля в небе») и даже статистика («Не думай, что ты единственная, кому А. вскружил голову. В прошлом сезоне я знала трех молодых леди, думаю, ты поймешь, почему я не раскрываю их имена, и каждая из них была уверена, что станет его супругой»). Увидев последнее письмо, Виктор возликовал.

«Знаю, к сегодняшнему дню ты уже не считаешь меня подругой, но все равно молю духов, чтобы ты увидела правду. А.Г. – не сказочный принц...» – писала С. в надежде на благоразумие леди Хэрриет. Прогресс! Однако инициалы, пусть теперь и с фамилией, – это еще не все имя.

На обратном пути Виктор снова потревожил лорда Лайонелла.

– Вы что-то нашли?

– Возможно, – уклончиво ответил Виктор, спрятавший письма в карман. – Скажите, вы знаете среди знакомых леди Хэрриет мужчину с инициалами А.Г.? Вероятно, они встретились впервые в прошлом месяце.

Лорду Лайонеллу вопрос не понравился.

– На что вы намекаете, детектив? – нахмурился он.

– Просто спрашиваю! – Виктор поднял руки в защитном жесте. – Свидетельства знакомых леди Хэрриет могли бы доказать, что ее смерть не была самоубийством.

На этот раз ему даже не пришлось врать.

– Что насчет подруг леди Хэрриет? Была среди них леди, чьи инициалы С.Н.?

– Должно быть, это Сэломи Незерфилд, они были весьма близки... – лицо барона прояснилось. – Конечно! Поговорите с ней, мистер Эйзенхарт, уверен, она подтвердит, что Хэтти не могла покончить с собой!

Виктор в этом сомневался. Но в редком приступе вежливости промолчал.

Глава 7

Эйзенхарт

Телефон надрывался. Дав отмашку недовольному Штромму, выглянувшему на звук из соседнего кабинета, Виктор схватил трубку и уселся на краешек стола.

– Алло?

– Наконец-то! – сердито воскликнули на другом конце провода. – Дал задание и исчез, очень в твоём духе. У меня все готово. Если Шон на месте, может подойти забрать.

Виктор покосился на часы. Если его надеждам суждено сбыться, Брэма не будет еще часа полтора.

– Конечно, – с легкостью соврал он. – Сейчас отправлю его к тебе.

Окинув рассеянным взглядом письменный стол, он подобрал букет нарциссов, пострадавший ранее от его руки. Если убрать растерзанные цветы, их все еще останется приличное количество. Распустив бант на траурной ленте, Виктор заново перевязал букет –

за неимением другой ленты тут сгидилась бечевка от почтового отправления – и нервно поправил воротник рубашки.

Дорога до редакции крупнейшей на острове газеты занимала обычно минут десять. Сейчас она показалась Виктору непреодолимой. Немудрено, что Лидия уже ждалась его.

Лидия стояла у входа в офис, озираясь по сторонам и теребя ремешок часов на левой руке. Она все еще носила волосы распущенными и вопреки моде отказывалась их обрезать, но знающий человек все равно мог заметить, как встревоженно подрагивали под золотистой копной кончики рысьих ушей. Увидев Виктора, Лидия вздрогнула, однако быстро взяла себя в руки.

– Виктор, – поздоровалась она, растерянно принимая букет.

– Шон занят.

– Разумеется, – Лидия встревоженно посмотрела на него. – Ты плохо выглядишь.

– Я же сказал: я умираю.

– Ты это не первый раз говоришь, – напомнила она.

– Но, возможно, последний.

Она оставила это без ответа.

– Здесь все, что я нашла на Лакруа, – она протянула пухлую папку, которую до того держала в руках. – Можешь оставить себе, это копии.

Виктор пролистнул страницы.

– Может, расскажешь вкратце? – предложил он. – Чую, здесь можно на весь вечер закопаться.

Лидия замялась, пытаясь найти тактичный способ отказать.

– Последняя просьба умирающего? – вытянул Виктор главный козырь.

– Ладно, – тяжело согласилась она. – Только недолго.

Пивная Габриэля, находившаяся на другой стороне площади, ничуть не изменилась со времени их совместных обедов. Те же клетчатые скатерти в тон к светлым шторам на окнах, тот же запах щелочной выпечки. Усатый хозяин добродушно улыбнулся постоянным клиентам, провожая их к столу.

– Коринн Лакруа появилась в Гетценбурге четыре года назад...

Виктор кивал, слушал плавную речь и следил за пальцами, теребившими бечевку на желтых нарциссах. Из того, что рассказывала Лидия, складывался портрет типичной *demimondaine*

[25]

, жадной до жизни, удовольствий и денег. Приехав в город без капитала и связей, она быстро поднялась в обществе, эпатируя и привлекая внимание как на сцене, так и в частных салонах.

– Интересно, кто оказывал ей свое расположение...

– Легче сказать, кто не оказывал, – улыбнулась Лидия. – Имена у тебя в папке.

Виктор послушно зашелестел страницами:

– Это все они? Я видел проституток... Мертвых, – уточнил он под насмешливым взглядом. – У которых список клиентов был короче.

Виктор провел пальцем по списку имен. Мадемуазель Лакруа была замечена в отношениях с мелкими аристократами и графскими отпрысками, принимала подарки от фабрикантов и богатых торговцев, выходила в свет с коллегами по сцене и гостями из далеких стран...

Напротив одного имени Виктор остановился. Внимание привлекли инициалы – А.Г.

– Это было бы слишком большой натяжкой... – пробормотал он, отхлебывая кофе.

Лидия перегнулась через стол, чтобы прочитать заинтересовавшую его строку:

– Александр Герге? Мне следует что-то знать о твоём деле?

Даже Виктор признавал: вероятность того, что Александр Герге был тем самым А.Г. из писем леди Хэрриет, была такой же высокой, как шанс, что человечество наконец долетит до Луны. А учитывая, что авиационная отрасль заглохла после закона о рациионировании топлива, уже и самые большие оптимисты признавали тщетность подобных надежд.

Да, чисто теоретически они могли быть знакомы. Но все же пропасть между благовоспитанной дебютанткой из небогатого и не имевшего веса рода и скандально известным сыном правителя дикого заморского королевства была слишком велика.

– Пока ничего, – задумчиво откликнулся Виктор. – Но если соберешь такое же досье на Герге, буду признателен. Если у меня что-то будет, я тебе расскажу. Честно, – заверил он ее. Лидии всегда удавались эти взгляды, под которыми он чувствовал себя виноватым. – Нам пора? Я не слишком тебя задержал?

– Подожди, – схватила его за рукав Лидия. – Я действительно любила тебя.

– В прошедшем времени? – пошутил Виктор.

Взглянув на ее расстроенное лицо, он наклонился и поцеловал золотистую макушку. Ее волосы все так же пахли мимозой и флердоранжем. Виктор помнил, как заказал эти духи у мистера Кинна. И подарил в первый Канун года, что они провели вместе. Тогда он еще не снял дом, в ее пансион не пускали мужчин, и приходилось ютиться у него в общежитии. В бойлерной еще что-то сломалось, и, чтобы согреться после прогулки, им пришлось собрать все одеяла и кинуть перед камином...

– Никогда в этом не сомневался.

Лидия отстранилась и нахмурилась.

– Тогда почему...

– Почему что?

– Цветы. Я решила, что ты намекаешь...

Виктор опустил обратно на стул.

– Ради духов и всего прочего, как я могу что-то намекать тебе букетом? – растерянно спросил он.

– Это же нарциссы. «Лживая любовь», – Лидия горько рассмеялась. – Ну конечно, как я могла подумать, что Виктор Эйзенхарт опустится до таких мелочей! Забудь. Я соберу тебе все, что у меня есть на Герге. Только, ради духов, не приезжай сам.

На этот раз у Виктора не хватило сил солгать.

Он только-только успел вернуться к себе и нацепить невинный и скучающий вид, как в кабинет постучал Брэм.

– Проходи, – обрадовался Виктор поводу отвлечься от воспоминаний. – Что нового?

Шон цепким взглядом прошелся по комнате, подмечая следы того, что его начальник все-таки нарушил обещание и уходил из управления. Виктор нервно поправил нетронутую кучу бумаг на столе, придавая ей более растрепанный и деловой вид. По крайней мере, на улице не было дождя, иначе у него не осталось бы и шанса отшутиться.

– Я опросил ее. Старуха, живущая напротив, сказала, что из квартиры мадемуазель Лакруа доносились крики и даже звон бьющегося фарфора, однако мужчина, с которым мадемуазель спорила незадолго до смерти, ушел раньше. Соседка утверждает, что совершенно точно слышала, как хлопнула дверь.

– Соседка его видела?

– Нет. Даже про голос ничего сказать не смогла, кроме того, что мужской.

– А портье?

– Говорит, что не знает его. Либо он не самый постоянный из гостей мадемуазель Лакруа, – Брэм покраснел, – либо раньше приходил в другую смену.

– Но портье хотя бы дал описание?

– Очень общее. Худой, высокий, темноволосый... Он не присматривался.

– Худой, высокий, темноволосый... – повторил Виктор.

На ум пришло лицо человека, чье имя он обнаружил среди любовников погибшей актрисы.

Нет, это было бы глупо. В конце концов, под описание подойдет треть острова.

– Надо узнать, кто тот мужчина. Пошлем к ней художника, если не получится, у меня есть кое-какие наработки, будем вычеркивать по одному...

– Думаете, все-таки убийство?

– Не знаю, – честно признал Виктор.

Но проверить следовало.

Глава 8

Доктор

Жилище Эйзенхарта оказалось совсем не таким, каким я его представлял. Извозчик высадил меня на не так давно застроенной браунстоунами улице. Типовая планировка: три этажа, два окна, комнаты настолько малы, что выходят одновременно на улицу и внутренний двор. Подобные дома обычно заселяли молодые семьи среднего достатка – и перебирались в более просторные к появлению второго ребенка.

Нахмурившись, я попытался вспомнить что-то о личной жизни кузена. Определенно, он не был женат. И никогда не говорил о соседе, с которым делит арендную плату. Теряясь в догадках, я нажал кнопку дверного звонка.

– Открыто! – послышалось из-за двери.

Эйзенхарт, похожий на нахохлившегося воробья и закутавшийся по самый нос в клетчатый плед, сидел в кресле, придвинутом вплотную к горевшему камину. Следующая стадия. Пробирающийся до костей холод, как правило, появлялся, когда проклятому оставалось жить меньше недели. Нужно сделать первый шаг и положить руку на перила моста между мирами, чтобы почувствовать покрывавшую его ледяную корку. Мне доводилось испытывать эти ощущения, и я знал: никакой камин, никакой горячий чай и бренди здесь не помогут.

– Милый дом, – заметил я вместо приветствия. – Я полагал, вы ночуете в управлении.

Я не покривил душой, делая комплимент. В тщательно, с любовью продуманной обстановке угадывалась женская рука. В то же время я был уверен, что такой бардак на каминной полке способен оставить за собой только холостяк. Что заставляло задуматься...

– Обычно так и бывает, – признал Эйзенхарт, протягивая руки к огню. – Но сегодня мне взяли отгул. Выставили вон, несмотря на мое желание пахать, как крестьянин на сенокосе. Вот скажите, где в этом справедливость?

– Ее нет, – коротко ответил я. – И я уверен, что во время сенокоса не пашут. Как вы себя чувствуете?

– Как мертвец в морге, – скривился Эйзенхарт и с отвращением посмотрел на мой саквояж. – Я уже говорил вам, что ненавижу иголки?

– Намеркали.

Пропустив жалобы мимо ушей, я обратил внимание на фотокарточку, лежавшую среди бумаг на столе.

– Кто это?

Запечатленный на снимке мужчина обладал запоминающимся профилем. Высокие, словно вырезанные по кости скулы выдавали в нем слава, хищно изогнутый длинный нос – скорее, клюв – намекал на южное происхождение.

– Вы не знаете?

Я покачал головой.

– Александр Герге, – Эйзенхарт произнес это так, будто имя должно было мне о чем-то сказать. – Полагаю, на Королевском острове мало интересуются историей севера... Мистер Герге является незаконнорожденным сыном леди Элизабет Герге...

– Все еще ни о чем мне не говорит, – прокомментировал я.

– Герге правили королевством Лемман до того, как империя захватила остров. Разумеется, после смены власти их должны были всех перебить, однако младшая дочь его величества успела сбежать на материк. Леди Элизабет – последний потомок старой ветви. Что же до отца мистера Герге, то им стал Владислаус Второй.

– Король Ольтеная?

– Именно. Лет тридцать назад Владислаус, в те времена еще относительно юный принц, прибыл с визитом в Арнуаль, где познакомился с леди Герге, первой красавицей республики. И влюбился. Как многие. Говорят, сам президент подумывал тогда о предложении ей. Не знаю, так ли это, но она выбрала Владислауса, хотя того дома ждала

супруга. Леди Герге согласилась стать его любовницей. А это, – Эйзенхарт постучал пальцем по снимку, – плод их связи.

– И почему вы держите его портрет у себя на столе?

Эйзенхарт неуверенно потарабанил пальцами по столешнице.

– Возможно, он связан с делом, которое я сейчас расследую.

– Я думал, это самоубийство.

– Два самоубийства, – поправил меня Виктор. – И как минимум с одной из жертв Александр Герге был знаком.

Едва ли повод, чтобы забирать его карточку домой.

– Вызовите его на допрос, – предложил я.

– Тут и начинаются сложности, доктор. Мистер Герге имеет подданство Ольтеная и, что еще хуже, пребывает в Гетценбурге в роли атташе по культуре при ольтенайском посольстве. Я не могу просто так пригласить его к себе, – Эйзенхарт нахмурился и опустил подбородок на сложенные ладони. – Дипломатический иммунитет, чтоб его...

Следующая минута прошла в молчании: я убирал вещи в саквояж, Эйзенхарт размышлял.

Или, вернее, замышлял.

– Но, полагаю, дипломатический иммунитет не помешал бы вам побеседовать с ним частным образом? – озвучил я ожидавшуюся от меня реплику.

– Гениально, доктор! – неискренне восхитился кузен. – Маленькая проблема: встретить мистера Герге не так просто. Почти все время он проводит в здании посольства, то есть на территории другого государства. А когда оттуда выходит... Вот, например, совершенно случайно, – в этом я сомневался, – мне стало известно, что сегодняшний вечер мистер Герге проведет в клубе «Савона». Закрытом клубе. Без приглашения одного из членов туда не попасть.

– Уверен, среди ваших знакомых найдется кто-то, способный провести вас внутрь.

Не все же они были из иньского квартала или улиц Низа.

– Вряд ли. Хотя есть один человек... Не подадите телефонный аппарат, док?

Я исполнил требуемое и закурил, краем уха прислушиваясь к разговору.

– Могу я услышать леди Эвелин? Да-да, какой сюрприз, совершенно с вами согласен.

Скажите, вы слышали о вечеринке сегодня в «Савоне»? Как думаете, не могли бы вы достать туда два приглашения? Я ведь не помешал вашим планам на вечер? Нет? Да, было бы неплохо. Хорошо, экипаж заедет за вами в десять.

Повесив трубку, он улыбнулся.

– Вы не можете ехать туда в таком состоянии.

– Я и не собирался, – Эйзенхарт смерил меня внимательным взглядом. – Думаю, вам подойдет мой смокинг.

– Простите?

– Даже ребенок догадается, что полицейские просто так не беседуют с незнакомцами «в частном порядке». Вы пойдете вместо меня, док. Вы ведь не откажетесь мне помочь?

– Откажусь. Насколько помню, я предупреждал вас: не пытайтесь использовать меня вслепую.

– Простите умирающего! Но вы сами сказали: мне нельзя ехать.

Из всех привычек Эйзенхарта привычка пользоваться своим состоянием для того, чтобы чувствующие вину окружающие соглашались на все его идеи, была самой мерзкой.

– Могу вколоть вам вторую дозу перед выходом, – холодно предложил я.

– Герге не будет разговаривать ни со мной, ни с кем другим из полиции. Мне нужен кто-то со стороны, кому я могу доверять.

Какая честь.

– Пригласите Шона. Вряд ли Герге знает, где он служит.

– Шутите? Рядом с леди Эвелин Шон и двух слов не свяжет!

Я никогда не согласился бы, но Эйзенхарту удалось найти лазейку:

– А как же леди? Она будет ждать. Предлагаете ее расстроить?

Я полагал, что леди, согласившаяся, как она считала, на вечер с Эйзенхартом, и так расстроится.

– Позвоните ей и скажите, что все отменяется.

– Но я не стану этого делать, – на всякий случай Виктор отодвинул кресло. – Вы, конечно, можете сами ей позвонить...

Попробовать объяснить все леди, не раскрывая состояния Эйзенхарта, и выставить себя дураком? Благодарю покорно. Я сцепил зубы и молча досчитал до десяти.

– Только ради леди Эвелин.

Эйзенхарт довольно улыбнулся.

– Лиза! – позвал он.

Из коридора показалась горничная леди Эйзенхарт. Как я и думал, Виктор заранее все спланировал.

– Неси мой костюм. Доктора ожидает интересный вечер.

Глава 9

Доктор

Ровно в десять извозчик остановился у входа. Датировавшийся позапрошлым веком особняк Гринбергов – единственная фамильная резиденция, которую дед леди Эвелин не продал ради уплаты долгов и основания банковского дома, принесшего семье нынешнее благосостояние, – мрачным дроздом выделялся на фоне оштукатуренных палаццо в северно-романском стиле. За кованой оградой высотой в человеческий рост можно было разглядеть в сумерках регулярный парк с серым гравием дорожек.

Леди Эвелин, вопреки этикету и поверью, что женщины не способны собраться вовремя, уже ждала у ворот, нетерпеливо затягиваясь сигаретой. Увидев кэб, она поспешно придавила ее каблуком.

– Доктор! – при виде меня ее улыбка на мгновение погасла, но вернулась еще ярче, чем прежде. – Какая неожиданность.

Я пробормотал свои извинения по поводу отсутствия Эйзенхарта, но леди Эвелин равнодушно от них отмахнулась.

– Ему хуже, – беззлобно заявила она. – Пусть работает, пока мы с вами приятно проводим время. Но прежде чем я утащу вас на танцпол, расскажите, кто так заинтересовал детектива? У меня есть догадки, но...

На пересказ много времени не потребовалось – ровно столько, сколько было необходимо, чтобы добраться по мосту до правого берега и проехать тройку кварталов.

– Я немного знаю его, – произнесла леди Эвелин, когда мы подъезжали к клубу. – Не лично, но... Наслышана. Мистер Герге был помолвлен с сестрой одной моей знакомой. К тому же он близкий друг брата еще одной моей знакомой. Вы ее увидите: она раздобыла нам приглашения. Сомневаюсь, что его будет легко разговорить...

Мы разделились у гардеробных, а когда вновь встретились в холле, она окинула меня придиричьим взглядом.

– Я выгляжу настолько неприлично? – пошутил я.

– Напротив. Слишком прилично, – леди тяжело вздохнула. – В обществе, к которому мы направляемся, это сейчас не в моде. Подойдите.

Привстав на цыпочки, она взлохматила мои волосы и развязала бабочку. Расстегнула смокинг и, не удовлетворившись этим, верхнюю пуговицу рубашки.

– Чего-то не хватает... – пробормотала она.

Прежде чем я успел сообщить, леди Эвелин стащила с моего носа очки и спрятала к себе в сумочку.

– Получите, когда все закончится, – невозмутимо заявила она в ответ на мое восклицание. – Готовы?

Я не успел спросить, к чему. Просунув руку мне под локоть, она расправила плечи и вошла в клуб. Появление ее вызвало неловкую паузу – которая, впрочем, быстро пропала.

Слишком быстро. По мере продвижения по залу я замечал все больше взглядов, полных осуждения и жадного любопытства.

– Вы здесь ни при чем, – тихо проговорила леди. – Дело во мне. Со смерти Ульриха прошло только пять месяцев, но и после траура я не должна была сразу появляться в обществе мужчины. Так можно подумать, что я и не скорбела... Скандал! – она горько усмехнулась. – Потерпите, если можете. Всего один вечер...

Разумеется. Она все еще соблюдала траур. А Виктор, конечно, не соизволил об этом подумать. Или не счел достаточно важным, чтобы позаботиться о ее репутации.

– Мне очень жаль. Уверен, Эйзенхарт не знал, иначе ни в коем случае бы к вам не обратился...

Леди Эвелин резко развернулась. Серые глаза внимательно посмотрели на меня, ища насмешку.

– Вы очень хороший друг, – заключила она, не найдя ни намека на неискренность. – Всегда за него заступаюсь. Исправляете его провалы. И верите в лучшее, верно? Ему с вами повезло. Хотела бы я иметь такого друга...

И хотя я вряд ли согласился бы с ней в том, что касалось моих качеств, тоска в ее голосе была мне прекрасно знакома. Я ободряюще сжал скрытое под узким рукавом запястье.

– Он у вас есть.

И снова тяжелый пристальный взгляд, ищущий фальшь в моих словах. Наконец она сжала мои пальцы в ответ.

– Спасибо. Я это очень ценю. Хотя на вашем месте я бы еще раз обдумала предложение, – добавила леди шутливым тоном. – Вы обнаружите, что у меня тяжелый характер. Никогда не сближаюсь с теми, кто мне безразличен, и никогда не пытаюсь понравиться тем, кто вызывает у меня симпатию.

– В таком случае я должен быть польщен, – в тон ей ответил я. – За время нашего знакомства у меня ни разу не возникло ощущения, что вы пытаетесь расположить меня к себе.

Зато оттолкнуть от нее могло многое. Начиная с грубого языка и заканчивая посещением опиумных денов. В леди Эвелин странным, но притягательным образом сталкивались воспитание и бунтарство. И ничего из этого она не скрывала.

– Могу я задать бестактный вопрос? Почему вы в таком случае согласились помочь Эйзенхарту?

– Потому что он попросил.

Ее ответ был прост, но именно эта простота таила опасность.

– Прозвучит старомодно, но... Вы испытываете к нему чувства?

Леди Эвелин хитро покосилась на меня.

– Это так заметно? Я люблю его.

Если бы эти три слова произнесла любая другая девушка, я был бы спокоен, списав их на свойственную юности романтичность. Но леди Эвелин была совершенно серьезна, и до сих пор у меня не было ни одного повода заподозрить ее в легкомыслии.

– Вы видели его от силы дважды.

– Трижды, – педантично поправила меня леди и улыбнулась, как мне показалось, с грустью. – Только это ничего не меняет. Лос.

Судьба. А еще – жребий, зачастую непосильный.

Спрашивать, уверена ли она, было бессмысленно. А ведь Эйзенхарт, пусть не мог разглядеть полотно Вирд, тоже это понимал.

– Зная моего кузена, обязан сказать, что ваши чувства могут быть взаимны, – счел я необходимым ее предупредить.

Она равнодушно пожала плечами.

– Любовь редко бывает абсолютно взаимной, доктор. В отношениях всегда кто-то любит, а кто-то позволяет себя любить. Кто-то целует, а кто-то подставляет для поцелуя щеку. Не переживайте за меня. Я сказала, что люблю его: это судьба, и тут ничего не поделаешь. Но это не значит, что я так беспомощна перед ним, как вы думаете, – леди Эвелин потянула меня за локоть. – Пойдемте! У нас еще важное задание, если вы не забыли.

В недоброжелательно настроенной к леди Гринберг толпе все-таки нашелся один человек, которого не волновало соблюдение декорума. Словно из ниоткуда на нашем пути возникла очаровательная рыжеволосая особа в огненно-красном платье.

– Эви! – радостно воскликнула она, чмокая воздух возле щеки подруги. – Я так рада, что ты наконец пришла! Провожу тебя к нашей компании. А это кто?

Леди Эвелин нежно улыбнулась ей.

– Поппи, позволь представить тебе сэра Роберта Альтманна, друга семьи.

Я обратил внимание на то, что леди Эвелин опустила мое звание. И на свою новую роль сегодня вечером.

– Он не так давно приехал в город из колоний. Роберт, – леди Эвелин запнулась на имени, – позвольте познакомить вас с леди Амарантин Мерц.

Второй раз за вечер привлекательная девушка решила со всей придирчивостью рассмотреть мой облик. Я ответил тем же, задержавшись глазами на волосах цвета красного дерева и павлиньих перьях в них.

– Для друзей – просто Поппи, – леди Мерц улыбнулась, довольная увиденным, и протянула мне руку для поцелуя. – Идем, мы тебя уже ждали!

– Вы ей понравились, – шепотом заметила леди Эвелин, пока ее подруга отвлеклась по пути, встретив знакомого.

Я обернулся: в серых глазах плясали озорные искорки.

– Это плохо?

– Отчего же? Только будьте осторожнее, доктор. С Поппи никогда нельзя быть серьезным. Она разобьет вам сердце, если влюбится.

Чередой залов леди Амарантин провела нас к компании молодых мужчин, небрежность во внешности которых была создана столь же тщательно, что и, стараниями леди Эвелин, в моей, и нескольких ультрасовременных девушек: короткие, расшитые бисером платья, обрезанные у подбородка волосы и густо подведенные глаза, как по журналу мод.

– Наконец-то наша пропажа нашлась! – возвестила Поппи. – Для тех, кто с ней не знаком: это Эви Гринберг, наша самая богатая невеста. Дэнни, специально для тебя говорю! С ней Роберт Альтманн, ее друг из далеких колоний. Что касается этих оболтусов, то это мой брат Теобальд... – она любовно потрепала его по щеке.

– Наслышан, – я пожал руку нынешнему барону Мерцу, чье имя действительно было мне известно в связи с одним из расследований Эйзенхарта.

– Рядом с ним Васили Кормакофф...

Высокий, интеллигентного вида блондин в модных очках улыбнулся, отвечая на мое рукопожатие.

– Просто Бэзил, – предложил он. – Боюсь, наши имена бывают сложны для произношения. Как истинный сын Гардарики, он говорил без акцента, но с чрезмерной правильностью, присущей иностранцам.

– Васили – звезда современной поэзии, – продолжила Поппи и вздохнула. – Но, только не обижайся, коктейли ты смешиваешь намного лучше. Вот где настоящий талант!

– И сорок градусов алкоголя, – пробормотал мужчина, отмеченный Ястребом. – Поппи, ты ничего не смыслишь в искусстве.

– В кои-то веки вынуждена с тобой согласиться, Лен, – вступила в беседу леди Эвелин. – Привет. Никогда не думала, что скажу это, но приятно увидеть знакомое лицо здесь. Пусть даже оно и твое.

– Комплимент? От тебя? – осклабился он. – Это что-то новое. Как поживаешь, Эвелин? Как траур?

Леди Эвелин послала ему воздушный поцелуй.

– Леонард Мартин, – как ни в чем не бывало, представился ястреб. – Как вы поняли, мы с вашей подругой старые знакомые. А это – Александр Герге и дон Мариано Людовико Фиеретти, хотя я сомневаюсь, что это его настоящее имя.

Еще один из птичьего рода – к которому принадлежала большая часть собравшихся, – атташе по культуре и королевский бастард бросил на меня один краткий взгляд и равнодушно отвернулся, продолжая разговор с низкорослым брюнетом в оперном фраке. Если его и заинтересовала моя персона, он ничем это не показал, в отличие от остальных.

– Значит, вы приехали из колоний? – спросил Леонард. – Откуда, если не секрет?

– Отовсюду понемногу, – отшутился я. – Но в последнее время я был в Габеноре.

– В самом деле? В таком случае, может быть, вы знаете лорда Стонингема? Он служит губернатором в...

– Агонге. Разумеется.

– Как они с супругой? – не отставал от меня ястреб. – И их сын...

Я знал, что он пытается сделать: проверить, кто я такой, что из себя представляю, как – и, главное, зачем – пришел к ним сегодня. К счастью, поймать меня ему не удалось.

– Сыновья, вы хотели сказать, – поправил я его. – Леди Эдит родила незадолго до Кануна года. Фил был вне себя от счастья.

– Да, конечно... Я уже и забыл, как посылал ему поздравления.

Криво усмехнувшись и признавая свое поражение, ястреб отошел в сторону, однако его место заняли другие.

– Колонии... Как интересно! – хлопнула ресницами одна из девушек с каре. – Но что вы теперь делаете в Гетценбурге?

На этот вопрос я при всем желании не мог дать ответ. Не только потому, что должность ассистента на кафедре танатологии испортила бы сложившийся в их головах образ. Изначально я приехал сюда по приглашению леди Эйзенхарт, а остался... Сложно сказать почему. Сперва мне было все равно, где находиться. Единственным местом, мне не подходившим, была столица: после энергетического кризиса девяносто шестого состояние моего банковского счета не подходило для цен метрополии. В Марчестер, домой, меня тоже не тянуло. Там не было ни условий, пригодных для жилья, ни каких-либо светлых воспоминаний, чтобы я решил сесть на поезд до вересковых пустошей. Если бы не письмо леди Эйзенхарт, я бы, вероятнее всего, бесцельно скитался по провинции в ожидании комиссии в Керфийской крепости. Собственно, так я и собирался поступить, проведя пару недель в Гетценбурге. Но поменял свое решение... Почему?

– Сам не знаю, – честно признался я.

Ответ мой показался достаточно остроумным, чтобы вызвать смех и воодушевленное требование за это выпить.

Воспользовавшись передышкой, я подал бокал шампанского леди Эвелин и попытался примкнуть к кружку, образовавшемуся вокруг мистера Герге. Спустя полчаса я был вынужден признать свое поражение: мне удалось вернуть пару фраз, особенно когда речь зашла о раскопках профессора Дэниэля в Джизехе, однако мистер Герге стойко продолжал меня игнорировать. Обратился он ко мне лишь однажды.

– Прошу прощения? – удивленно переспросил я.

– Я спросил, не будете ли вы возражать, если я приглашу на танец вашу спутницу.

Имевшаяся у Эйзенхарта фотография не передавала его взгляд. Темные глаза будто сдирали кожу и вскрывали кости, тщательно анализируя все увиденное.

– Если леди не против...

Леди была не против. Я остался наблюдать за движущимися в ритме парами. Впрочем, ненадолго: другая леди тоже пожелала присоединиться к танцующим.

Глава 10

Эвелин

– Удивительно, что при таком количестве общих знакомых мы до сих пор не были представлены друг другу, – заметил слав, ведя в танце. – И, должен сказать, какая жалость...

Эвелин не выдержала и фыркнула.

– Даже не начинайте, – предупредила она. – Я знаю, что вы делаете.

– Вы так в этом уверены?

Возможно, кто-то более впечатлительный затрепетал бы под его взглядом. У Эвелин была слишком хорошая подготовка дома. Она не отвела глаза, но растянула губы в фальшивой улыбке.

– Вы пытаетесь польстить мне, чтобы вызвать у меня симпатию. Бесполезно.

– Зачем мне это делать?

О, Эвелин могла бы назвать множество причин.

– Вы бастард короля Владислауса. Его старший и любимый сын. И если то, что говорят о вашем слабоумном брате, правда, то вы более подходящий кандидат на ольтенайский престол. Но король боится признать вас своим наследником, потому что это приведет к неминуемой ссоре с церковью, давшей благословение на его брак с ее величеством Сивиллой. Он был бы готов поменять порядок наследования ради вас, даже обрадовался бы, что трон не достанется идиоту, однако ему нужен определенный стимул...

– Продолжайте, – с искренним интересом попросил Герге.

Легко. Так же просто, как этот старомодный вальс.

– Например, если бы вы женились на девушке из подходящего рода и ее семья встала бы на вашу сторону... Мы, конечно, не говорим о королевских домах, они не станут иметь дело с ублюдком. Но я помню, как вы приехали в Гетценбург. И вашу удивительно быструю помолвку с Роуз. Имя Хоторнов, которое вы бы получили, женившись на ней, сделало бы вас родственником императора, что не слишком порадовало бы его величество... Впрочем, насколько я припоминаю, вы бросили Роуз ради леди Тенеррей, которая может похвастаться не только родством с его величеством, но и деньгами. Удачная партия; кстати, где она?

С каждой фразой ухмылка на лице ее собеседника становилась все шире. Пока не начала походить на оскал.

– Боюсь, наша помолвка распалась.

– Какая печаль! – притворно ужаснулась Эвелин. – Неужели из-за слухов?

– Каких слухов?

– Ну как же. О смерти мисс Лакруа, конечно. А еще Хэрриет Лайонелл, я видела, как вы на нее смотрели в прошлом сезоне. Бедняжки. Две женщины, которых общество подозревало в том, что они были вашими любовницами. И обе мертвы. Неудивительно, что ваша невеста поспешила вернуться на Королевский остров. Вы ведь потому решили переключить свое внимание на меня? Виновны вы в их смертях или вас подставляют, но после этой истории приличные люди не свяжутся с вами. А дочка захудалого провинциального барона может потерять голову от вашего внимания...

Она повела плечом, чтобы скинуть его руку. Бесполезно.

– Вы себя недооцениваете.

– Разве? Я никто. Но почему-то вы все еще терпите мою болтовню.

– Возможно, это весьма занятная болтовня.

– Вы не отрицаете моих слов, – заметила Эвелин. – Неужели действительно решили за мной приударить?

Ее лексикон заставил слава поморщиться.

– Почему вас это удивляет? Вы завидная невеста. Ваш род не столь именит, вы правы, но ваших денег хватит на то, чтобы купить всю империю, еще на половину Арнуаля останется. А деньги в наше время ценятся больше, чем старинные буллы.

– Это деньги моей семьи, – поправила его Эвелин. – Не мои. А моя семья не станет вмешиваться. Дело принципа, знаете ли. Торговля должна идти, даже когда короли воюют.

– Вы могли бы на них повлиять. К тому же гораздо больше денег вашей семьи меня интересуют вы. Поверить не могу, что никто не заметил. Достаточно же посмотреть вам в глаза...

Только полгода в классе мистера Кальтшнейнера не дали Эвелин пропустить шаг. Едва не сбившись с ритма, она попыталась вывернуться из цепких объятий.

– Я расхотела танцевать. Проводите меня обратно.

– Позже, – пообещал слав, игнорируя ее маневр. – Думаю, нам стоит закончить этот танец. Начнем заново. Полагаю, мне следовало сразу переходить к делу, не тратя время на вежливость. В конце концов, ваш характер отлично известен в обществе.

– Пытаетесь меня уколоть? Я скорее сочту это за комплимент.

– Пусть так, – согласился слав. – Я не откажусь от денег и связей вашей семьи. Но это не главное. Вы гораздо ценнее.

– Не трудитесь, мистер Герге, – сухо попросила Эвелин. – Лесть на меня не подействует. Тем более после того, как вы мне угрожали.

– Это была не угроза. Восхищение. Я не ожидал увидеть здесь...

– Замолчите.

Если бы Эвелин могла, остановилась бы немедленно. Но это только привлекло бы больше внимания. Рука слава уже совершенно по-хозяйски легла на ее поясницу.

– У меня к вам предложение.

– Не заинтересована.

– Полноценное партнерство. Вы разделите со мной все, что я получу. Корону. Страну. Если все сложится – целый мир.

Несмотря на ситуацию, Эвелин не выдержала и расхохоталась. Какие амбиции!

– У вас большие планы.

– Только такие следует строить.

– Мне не нужна корона. И мир оставьте себе.

Слав оценивающе на нее посмотрел.

– Большинство женщин могут об этом только мечтать. Могу я узнать почему? И не говорите, что ваше сердце уже отдано другому. Когда сердце мешало хорошей сделке?

– Вы считаете меня настолько меркантильной?

– Я считаю вас разумной молодой леди, – возразил он. – Кто же счастливчик? Надеюсь, не тот врач в смокинге с чужого плеча, с которым вы пришли?

Взглянув направо, где доктор танцевал с Поппи, Эвелин почувствовала желание за него вступиться.

– Почему, собственно, нет?

– Он змей. Он воспитан армией. Он скучен – не говоря уже о том, что беден. Он не пара вам.

– Вы так считаете. Возможно, я желаю скуки.

– Не желаете, – убежденно заявил слав. – Не вы одна можете похвастаться умом и наблюдательностью. Я знаю, что вы согласились платить Фрейбургу, лишь бы вырваться из своей семьи. Вы желаете свободы. А скука – худшая из клеток. Я могу вас от нее избавить. Лучше она выйдет замуж за храмовника.

– Вы зря теряете время. Вам нужна корона Ольтеная, а я сделана не из того материала, из которого рождаются королевы.

– Посмотрите на императорскую семью, – возразил Герге, склонившись к ее уху. – Вы сделаны именно из него.

Пальцы на его плече снова дрогнули, выдавая ее.

– Вам бы пошла корона, – продолжил он, делая вид, будто ничего не заметил. – Помните эллийские предания? Тихе
[26]
, увенчанную крепостными стенами?

– Снова мне угрожаете?

– Даю вам стимул передумать, – поправил ее слав. – Однако музыка стихает. А вы сказали, что больше не хотите танцевать. Пойдемте. И подумайте над вашим ответом. Тем более что правильный вариант он обозначил.

Глава 11

Доктор

Я обнаружил леди Эвелин у окна, где она затягивалась сигаретой и выпускала дым в открытую форточку. В алькове, в стороне от толпы казалось, будто вся суета осталась где-то вдалеке. Я присоединился к леди и закурил, наблюдая, как медленно стекают оставшиеся после дождя капли.

– Вы в порядке? Вы довольно долго танцевали с Герге, – наконец нарушил я молчание.

На губах леди Эвелин появилась загадочная улыбка.

– Кажется, мне только что сделали предложение, – задумчиво протянула она, – от которого нельзя отказаться.

– Вас можно поздравить?

Ее смех заглушили первые ноты новой песни. Оркестр, взявший пятиминутный перерыв, вернулся и объявил следующий танец.

– Астор, – узнала его леди Эвелин. – Потанцуйте со мной, доктор. Заодно поговорим. Зная Поппи, уверена, она сейчас примчится вас искать...

Повинуясь, я проводил леди Эвелин на середину зала.

– Вы великолепно танцуете, – заметила она через некоторое время. – Впрочем, вы сегодня вообще открылись с новой стороны.

– Разве? – рассеянно переспросил я, надеясь, что разговор не пойдет по этой колее. Тем более что астор не располагал к беседам. Увы, моим надеждам было не суждено сбыться.

– Да, – подтвердила леди Эвелин, возвращаясь в мои объятия. – Например, ваше знакомство с губернатором Стонингемом...

– Я останавливался у него, когда бывал в Агонге.

Что может быть менее подозрительным, чем заявиться в гости к старому приятелю, раз оказался в городе?

– Но вас не было в Агонге в декабре. Вы были здесь, в Гетценбурге.

Верно. На некоторое время я замолчал, не желая вдаваться в объяснения. Леди это не устроило.

– Филипп и я знаем друг друга еще со школы. И состоим в переписке. Хотя правильнее будет сказать, что переписываюсь я с леди Эдит. Сам Фил возьмет в руки перо только по крайней необходимости.

– А джизехские раскопки? – этот вопрос ей пришлось почти прокричать, чтобы я услышал ее за барабанами. – Вы действительно их видели?

Я склонился к ней:

– Помните истории о проклятии гробниц? Даниэлю понадобился тогда специалист по ядам, а я был поблизости и подходил по квалификации.

Это походило на правду. Змеи, даже не обладавшие моим даром, все равно чувствовали яды лучше среднестатистического человека.

– Как видите, все просто.

Мне не удалось убедить ее.

– Просто? Да вы полны загадок! Взять хотя бы астор: где вы научились его танцевать?

– Вы не поверите, но у меня была бурная молодость, – пошутил я.

Она рассмеялась.

– В это я как раз поверю. У таких тихонь, как вы, обычно так и бывает. Но вот незадача...

Снова у меня под ладонями очутилось податливое женское тело, а губы оказались слишком близко к моим, когда она задрала голову. На мгновение мне показалось, что в серых глазах что-то мелькнуло, но в ту же секунду, следуя танцу, леди отдалилась.

– Ричес с оркестром впервые исполнили его два года назад. Ваша молодость так затянулась? А учитывая, что офицерам не положен отпуск, я теряюсь в догадках, где вы разучили его...

Тут она меня поймала. До колоний астор к моменту, когда я оттуда уезжал, еще не дошел.

– У вас странные представления о войне. По-вашему, мы только и делаем, что сидим в окопе?

– Я не права? Вместо этого вы ходите на танцы и изучаете древние языки?

– Всякое бывает, – уклончиво ответил я, ловя ее за талию. Звонкий стук каблуков по паркету немного стих, когда музыка замедлилась.

Мне не понравилось, как посмотрела на меня леди Эвелин в ответ. Еще меньше мне понравилось задумчивое выражение, которое приобрело ее лицо. Я знал, что она видит

сейчас: надменные черты лица, не скрытый за очками взгляд змеиных глаз – холодный и властный...

– Почему вы прячетесь? – наконец спросила она.

– Простите?

– За цветными стеклами и этими твидовыми костюмами... Вы так стараетесь выглядеть скучным и правильным доктором, что вам это почти удастся. Но на самом деле это фасад, верно? Вы носите вечерний костюм, словно родились в нем, танцуете как арнуалец и гораздо умнее, чем пытаетесь казаться. Так почему?

Я не нашелся, что ответить. За пять минут астора леди Эвелин подобралась ко мне ближе, чем можно было ожидать.

– Мне не нравится это слово. «Правильный», – заметил я.

– Какое, по-вашему, будет лучше?

– Нормальный.

Леди Эвелин лукаво улыбнулась:

– Это означает, что с вами что-то ненормально. А вы еще таинственнее, чем я думала, доктор! Но я понимаю.

Что-то подсказывало: она в самом деле понимала, что я хотел сказать в тот момент. Наши пальцы переплелись. Я уловил аромат разогретой на солнце полыни.

– Если вас утешит, – добавила она, – мне всегда казалось, что норма, если она существует, – это спектр, а не координаты на карте.

Как ни странно, это – или молчаливое взаимопонимание, возникшее между нами, – послужило небольшим утешением.

– Довольно обо мне, – сменил я тему. – Лучше расскажите о вас. Что вам удалось узнать от мистера Герге? У вас был весьма оживленный диалог.

Леди Эвелин отодвинулась и поморщилась, вспоминая своего предыдущего партнера.

– Он связан и с актрисой, и с Хэрриет Лайонелл. Его невеста, видимо, опасалась, как бы ей не оказаться следующей в списке жертв, раз порвала с ним. Но это не значит, что... Духи! – вздрогнула она. – Помяни Ворона, и он здесь.

Я обернулся. Астор как раз закончился, и мистер Герге занял место в нашем алькове, ожидая, когда вернется леди Эвелин.

– Проводите меня в гардеробную, – попросила она, резко меняя направление. – Думаю, мы достаточно поработали на Эйзенхарта. Я возвращаюсь домой.

– Я отвезу вас.

Время близилось к полуночи. Мне еще предстояло заехать к Эйзенхарту, обменять новый и слишком дорогой смокинг на свой поношенный костюм и проверить самочувствие Виктора, прежде чем вернуться к себе.

– Ну уж нет, доктор! Поппи не простит, если я уведу ее кавалера. Оставайтесь.

– Вы уверены?

– Я способна доехать на извозчике до дома, – с усмешкой убедила меня леди.

Вероятно, она была права. Тем более что Виктор мог пока справиться без меня, а присутственных часов у меня завтра не было. Я вполне мог задержаться. Что и сделал после того, как нашел для леди кэб.

А утро началось с газеты и неожиданного упоминания вашего покорного слуги на странице светской хроники...

Глава 12

Эйзенхарт

– Цвет вам к лицу, – заметил Виктор, усаживаясь рядом с ней на скамейку.

После вчерашнего скандала – по мнению «Гетценбургских новостей» – носить траур было бессмысленно, и Эвелин рассталась с черными одеждами. Чему Виктор был только рад. Ему и без того хватало напоминаний о смерти.

Закрыв книгу, она повернулась к нему. Бровь взметнулась вверх, но его уставший вид, не по сезону теплое кашне и одолженная у Роберта трость остались без комментария.

– Я была уверена, что вы опять пришлете вместо себя доктора.

Виктор издал страдальческий вздох. За это утро он успел услышать достаточно упреков от кузена, не поленившегося позвонить, чтобы убедиться, что Эйзенхарт просмотрел свежую прессу. Не хватало получить еще одну порцию нотаций.

– Док уже прочитал мне лекцию о том, что я неправильно вел себя с вами. И о том, что я должен извиниться. Простите. Могу привести множество оправданий, но скажу одно: я был уверен, что вы предпочтете его компанию моей.

– Почему же?

– Вы меня поцеловали.

Эвелин фыркнула, а потом все-таки не сдержалась и рассмеялась в голос.

– Если здесь есть логика, боюсь, она слишком сложна для моего женского мозга. Допустим.

Я вас поцеловала. И что?

– После этого вы исчезли.

– А вы ожидали, что я позвоню и приглашу вас выпить?

Это было бы неплохо. Удобно. В отличие от ее действий однозначно. Должно быть, что-то такое она прочитала в его выражении лица.

– Я сделала свой ход, детектив. Вы свой – нет. Я не собираюсь гоняться за человеком, которому безразлична. К тому же, – добавила она, – приставать к вам, когда вы в таком состоянии, было бы совершенно не ко времени. Вам сейчас хватает проблем, не так ли?

– Простите?

Она закатала рукав сиреневого жакета, показывая метку на запястье.

– Безумно больно, не правда ли? – светским тоном поинтересовалась она. – А с некоторых пор еще и очень холодно.

Виктор достаточно хорошо изучил укус у себя на руке за эти недели, чтобы признать его копию. Только на ее запястье след оставили не зубы. Чернота, потянувшаяся к его пальцам, стоило только Виктору дотронуться до кожи, была такой же, как метка Ворона, которую он попросил поставить ей в таборе.

– Пех меня заberi! – Виктор отдернул руку. – Она должна была исчезнуть!

– Как видите, не исчезла.

В растерянности Виктор провел пальцами к ее локтю. Темнота тянулась к нему: то ли к новой жертве, то ли...

– Как это вышло?

– Разве не вы говорили мне, что Ворон не играет по правилам? И что он вас любит и бережет? Полагаю, иногда его любовь принимает странную форму.

Например, разделенной на двоих боли. Впервые в жизни Виктор понял, почему Ворона боялся. Не потому что он был предвестником несчастья. А потому, что никто не мог предугадать, что придет в голову несносной птице в следующий момент.

– Но при чем здесь я? – почти жалобно спросил он. – Это дар миссис Сары, как он мог связать вас со мной? Скорее уж тогда с ней...

– Ради духов! Возьмите наконец ответственность за то, кто вы есть! Неужели вы думаете, что, если бы вы не нарушили ход событий, я когда-нибудь оказалась бы в вороньем таборе? Думаете, это миссис Саре Ворон одолжение делал? Как бы не так! Вы решили изменить мою судьбу, вам была нужна его помощь, вы поставили эту проклятую метку: миссис Сара была вашим прокси. Так примите ваш собственный дар – и его последствия!

Оказывается, она умела сердиться. За те немногие встречи Виктор успел оценить ее самообладание, и к тому, что его будут отчитывать с таким пылом, оказался не готов.

– Мне жаль. Я не думал...

– Не думали, – холодно подтвердила Эвелин. – Вы вообще ни о чем не думали, когда привезли меня в вороний табор.

– Неправда! Я... – Виктор осекся, вспомнив, что побудило его взять Эвелин к воронам. – Думал не о ваших чувствах. И не о вашей репутации. Вернее, думал, но как-то не так, видимо. Сожалею.

– Чем сотрясать воздух, лучше исправьте содеянное.

Совет дельный. И Виктор так бы и поступил, если бы не... Спрятав лицо в ладонях, он покачал головой.

– Я могу не успеть.

Признаться в этом оказалось легче, чем он думал. Он ни с кем не говорил о своем состоянии. Никто не знал. Берт, конечно, догадывался – не мог не учуять запаха от раны, – но держал язык при себе, а Виктор не спешил делиться. И док был в курсе. Но кузен был последним, у кого Виктор стал бы искать сочувствия.

– Успеете, – на его плечо легла затянута в перчатку рука. – Я верю, что успеете. В конце концов, Ворон не стал бы тратить на вас силы, если бы считал, что у вас нет шансов. Утешение пришло так неожиданно, что Виктор даже сначала не понял, что это было именно оно. Отнял руки от лица и с подозрением покосился.

– Ворон может ошибаться, – возразил он.

– Нет. Разве вы когда-нибудь слышали, чтобы он проигрывал? У вас еще будет время спасти деву от проклятия, – она усмехнулась уголками рта, – и разгадать это дело. Между прочим, зачем вы меня сюда пригласили? Думаю, с походом в книжный вы бы справились сами.

– Чтобы извиниться, – под недоверчивым взглядом Виктор исправился. – Ладно, чтобы спросить вас о вчерашнем вечере. Док хороший человек, но мыслит стереотипами. Я хочу знать, как вам понравился мистер Герге.

– Очарователен, – увидев его вытянувшееся лицо, Эвелин улыбнулась и добавила: – Для психопата, разумеется.

– Вот как?

– Да. Но он не убийца, которого вы ищете. Его и раньше не слишком жаловали в высшем свете, а после смертей леди Лайонелл и мисс Лакруа и вовсе будут смотреть как на прокаженного. Даже общество способно понять, что здесь что-то нечисто. Кто-то расстроил его matrimониальные планы с леди Тенеррей и лишил многих перспектив. *Is fecit cui prodest*

[27]

.

– Предлагаете искать, кому это выгодно? Думаете, Герге подставляют?

– Или мстят ему.

– Врагов у него немало, подозреваемых мы в таком случае найдем, – признал Виктор. – Тогда второй вопрос. Вы знаете, что такое язык цветов?

– Только благодаря вам, – хмыкнула Эвелин. – Это язык для тайного выражения чувств, в котором каждому цветку придается определенное значение. Он пришел к нам с востока, хотя, как считают авторы этой книги, некоторые из действующих в империи значений могли образоваться от частушек, где названия цветов использовались в качестве эвфемизма для подлежащих цензуре слов. Не доводилось слышать? Например, про Петера и его незабудки? – Эвелин с чувством продекламировала ее.

Доводилось. В одну из ночей, когда Виктор дежурил у камер. Оставалось только гадать, где ее могла узнать леди... Виктор неловко потер загривок.

– А вы любите шокировать окружающих.

– Я нахожу в этом определенное удовольствие, – согласилась она. – Хотя предпочитаю, чтобы это происходило на моих условиях.

Виктор умел читать между строк. Просто предпочитал игнорировать намеки. Но сегодня не стал делать вид, будто не понимает, о чем речь.

– Дайте догадаться: вы про статью в газете?

– И про нее тоже. Нет, мне понравилось, особенно про «привлекательного и таинственного незнакомца». Как подобное описание воспринял доктор?

Плохо. У кузена совершенно отсутствовало чувство юмора.

– Ладно, вернемся к нашим цветам, – решительно тряхнула головой Эвелин. – Не скажете, откуда такой интерес к ботанике?

– В день, когда умерла леди Лайонелл, мне прислали траурный букет. Потом, когда из окна выпала Коринн Лакруа, я получил нарциссы. Одна моя... Один мой осведомитель, – быстро исправился Виктор, – упомянул, что они означают лживую любовь или что-то в этом роде...

– И вы решили, что в этом есть какой-то смысл.

– Во всем в этой жизни есть какой-то смысл, – уверенно заявил Виктор.

– Только если у вас паранойя. Вы не думали, что это совпадение? Или что кто-то решил над вами подшутить?

– Сначала, – признался Виктор. – Однако между Хэрриет Лайонелл и Коринн Лакруа обнаружилась связь. Возможно, здесь она тоже есть.

Эвелин внимательно посмотрела на него и пожала плечами, отказываясь от дальнейших попыток его переубедить.

– Как пожелаете. Итак, в империю язык цветов попал лет двадцать назад. Уже третью весну, однако, он снова в моде. Спасибо женским журналам.

– Судя по тону, вы их, конечно же, не читаете, – прокомментировал Виктор.

– Достаточно того, что их читает моя модистка.

– А вы? Позвольте, сейчас догадаюсь. Вы предпочитаете «Популярную механику».

– Или «Терра Инкогнита», – подтвердила она, игнорируя его тон.

– Безусловно, бредовые теории о существовании доисторического народа в горной части Золотого Ханства куда интеллектуальнее дамских изданий.

Весь его сарказм пропал втуне. Вероятно, не следовало пересказывать содержание последнего номера. Под насмешливым взглядом Виктор понял, что его промах не остался незамеченным.

– На самом деле вы не правы, – произнесла Эвелин. – Мое презрение относилось не к женским журналам. В них нет ничего плохого. А к самому языку цветов. На редкость бесполезная идея. Скажите, какой толк мне знать, что, например, – она обернулась, и в поле ее зрения попал пышный куст рододендрона, чьи белые бутоны приготовились распуститься, – азалия означает... Минутку, найду в книге... «Умеренность» и «страсть» одновременно. Гениально, не так ли? Я поняла бы смысл, если бы она означала «Сегодня в девять у меня», но ни одно из «сообщений» на самом деле нельзя прочитать. Потому я не верю, что кто-то отправляет вам послания через цветы, детектив.

– Это мы сейчас посмотрим. Позвольте?

Виктор предложил ей руку. За время, что они провели на скамейке, в ботанический сад подтянулись многочисленные посетители, и теперь они с Эвелин фланировали по шуршащим гравием дорожкам мимо нянь с колясками, бонн и гувернанток с детьми постарше, хихикающих пар, выбравшихся из-под опеки дуэний, и немолодых дам в старомодных платьях, поддерживаемых под руку компаньонками.

– Первый букет, – Виктор попытался перекричать детскую ссору из-за ярко раскрашенного мяча, – был из ирисов.

Эвелин сверилась с книгой.

– «Вера», «мудрость», «я ценю нашу дружбу», «у меня есть для вас сообщение».

– Вот! – обрадовался он. – Подходит.

Эвелин недоверчиво изогнула бровь, но ничего не сказала.

– Еще там были такие фиолетовые... как шары...

– Только не говорите, что назначили встречу именно здесь из-за ботанического кретинизма.

– Не буду, – легко согласился Виктор. – Зато я могу их опознать, если увижу.

Поиски привели их на одну из пустых боковых дорожек. Слева располагался бассейн с табличкой, гласящей, что летом в нем будут цвести лотосы. Сейчас он был заполнен прошлогодней полусгнившей листвой, отчего желающих насладиться видом – и особенно запахом – вокруг не находилось.

– *Allium acuminatum*, – внимательно прочитал Виктор. – Вам это о чем-то говорит?

Эвелин закатила глаза.

– Ради духов, детектив! Это лук. Как вы могли его не узнать?

– Лук? – переспросил он.

– Вроде того, который используют почти во всех блюдах. Не обращайтесь внимания, – не найдя понимания, она махнула рукой. – Сомневаюсь, что он есть в этой книжке... Как ни странно, лук в справочник по языку цветов попал. Даже с весьма конкретным значением.

– «Вы ошибаетесь», – процитировала Эвелин, кивая проходящей мимо знакомой. – В смысле, не вы... То есть вы, но... К Пеху всё! Я от вас заразилась, или здесь начинает появляться какой-то смысл?

– Сейчас проверим. Только отыщем последний ингредиент.

Они обошли сад дважды. Прошли по каждой тропинке, осмотрели все растения, однако Виктор не видел нужного. От третьего круга Эвелин отказалась, заявив, что, как бы ей ни нравилась прогулка в его обществе, повторять маршрут она не будет.

– Может быть, вы опишете, что вам нужно? Но получше, чем в прошлый раз, прошу.

– У меня есть другая идея, – Виктор сунул руку в карман. – Я увидел у Шона рисунок...

– И вы молчали?!

– Возможно, мне тоже была приятна ваша компания, – галантно предположил он.

Эвелин ответила ему взглядом исподлобья.

– Скажите честно, что про него забыли. Давайте сюда, – она развернула сложенный вчетверо листок и пробежалась по нему глазами.

– А это черновик протокола допроса, который вам необязательно читать... Да-да, спасибо... С другой стороны...

– Шон – это ваш сержант, верно? – спросила она, разглядывая рисунок. – У него талант.

– К сожалению, да, – подтвердил Виктор.

Но, несмотря на слова, не без гордости. Брэм действительно был молодцом. Жаль, что его судьба так сложилась. Кто знает, может, в другом мире Гетценбург получил бы в его лице не полицейского, а известного художника.

– Узнаёте?

Она неуверенно качнула головой.

– Вы когда-нибудь были на море, детектив?

– Я редко выбираюсь за город. Никак не найду время на отпуск.

Надо было. Свозить Лидию, как обещал. И не только. С другой стороны, с самого начала Виктор поклялся работать до последнего вдоха, так много, сколько успеет.

– Мне это напоминает один кустарник, который растет на дюнах. Тамариск.

– Могу я?.. – Виктор указал на книгу.

– Пожалуйста. Она ваша.

Перелистывая страницы, он быстро дошел до нужной. Напротив названия стояло всего одно слово, производшее эффект взорвавшейся бомбы.

– «Преступление».

У небольшого кафе на входе в ботанический сад стояли поразительно неудобные стулья, но Виктор был рад возможности передохнуть. Даже неспешная прогулка сбивала дыхание и заставляла сильнее опереться на трость. Эвелин же делала вид, будто ничего не происходит. Однако, подняв глаза от словаря цветов, Виктор заметил, как она побледнела.

Исправить... Хотел бы он надеяться, что Эвелин права, и он успеет.

– Итак, что мы имеем, – резюмировал он. – «У меня есть для вас послание: вы ошибаетесь.

Это преступление». Не слишком похоже на совпадение.

– Нет, – вынуждена была признать она.

– Вопрос в том, о каком преступлении идет речь.

– О смерти Хэрриет? – предположила Эвелин. – Вы получили это сообщение в день, когда она отравилась.

– Спасибо, но мы уже догадались, что это преступление. Можно было не тратить на букет.

– Только после смерти Лакруа, – возразила она. – До того вы считали ее смерть самоубийством.

Признавая свой промах, Виктор замолчал.

– Кстати, о Лакруа, – хватило его, впрочем, ненадолго. – Что насчет второго букета? «Ненасстоящая любовь»? При чем здесь это?

– Все просто. Если вспомнить мистера Герге, – выражение лица Эвелин подсказывало, что лучше этого не делать, – можно предположить, будто отправитель пытался сказать, что на самом деле мисс Лакруа его не любила.

– А она любила его?

– Не знаю, – пожала плечами Эвелин. – В любом случае, она честно любила его подарки и деньги.

Виктор допил кофе одним глотком и мрачно уставился в дно чашки.

– Все равно ничего не сходится.

Надо было признать, что версия с языком цветов, за неимением других казавшаяся еще утром довольно привлекательной, зашла в тупик. Либо неизвестный отправитель букетов любил сообщать очевидное... Либо после проработки всех связанных с мистером Александром Герге ниточек Виктору предстояло путешествие в полицейский архив. Где его и так не любили – за излишнее, по мнению архивариусов, трудолюбие. Хоть кто-то оценил!..

Эвелин посмотрела на стоявшие у входа в сад солнечные часы и сверила их показания со своими.

– Уже два! – удивленно воскликнула она. – Ладно, детектив, было приятно, но мне пора.

– Мне тоже, – кисло подтвердил Виктор, отвлекаясь от работы. – Спасибо за помощь. И за книгу.

Он вовремя вспомнил, что сегодня четверг, а значит, перед посещением архива придется нанести визит матери.

Глава 13

Доктор

Я заглянул в библиотеку всего на минуту, чтобы забрать некоторые из книг, что оставлял на хранение в доме Эйзенхартов, но задержался у группового портрета.

Их было три сестры. Младшая, яркая и смешливая свиристель, вышла замуж за такого же яркого гвардейского капитана из Вейда. Он был красив, остроумен и подавал большие надежды – пока не дезертировал из армии, бросив семью. Его жена умерла вскоре после предательства супруга, а сына Эйзенхарты нашли много лет спустя в подростковой банде. Старшая, сладкоголосая канарейка, выбрала в мужа человека властного и деспотичного. В детстве я часто спрашивал себя, что она могла найти в отце. Он был немолод, когда решил жениться. Он мог дать ей деньги, положение, стабильность. Но стоило ли это его характера? Или она, подобно многим влюбленным женщинам, считала, что сумеет его изменить? Лишь много позже я понял, что отец давал ей нечто гораздо более ценное: свою любовь, какой бы извращенной она ни была.

Я всегда молчу, когда заходит речь о детстве как о самой счастливой и светлой поре жизни. Еще старательнее я молчу, когда слышу, что люди ставят знак равенства между любовью и счастьем.

Брак моих родителей был благословлен духами. Друг в друге они нашли свою судьбу. Казалось бы, величайший дар, который способна дать Вирд, – или величайшее проклятие. Любовь к моей матери лишала отца контроля над его даром, темным и опасным, – не зря в армии его прозвали Чумой. Он любил ее – но и ненавидел за это. Как ненавидел меня, унаследовавшего его дар, но в силу возраста неспособного его контролировать. Я мало помню мать: только голубые глаза и мягкий бархат голоса иногда проскальзывают в памяти. Она была почти всегда больна, и отца, наблюдавшего, как медленно угасает единственный любимый им человек, это приводило в еще большее иступление. Их жизни оборвались внезапно, в пожаре. И я никогда не признавал этого вслух, но в глубине души был рад такому концу. Для меня семья означала страдания, от которых смерть их освободила.

Брак моих родителей с точки зрения общества был благополучным. То, что я наблюдал в детстве, считалось счастьем – и от этого я боялся даже предположить, как выглядит менее удачный союз. Я никогда не верил в семью. И никогда не мечтал быть ее частью. Пока не приехал в Гетценбург.

Среднюю из сестер, равно как и ее патрона, Мэри-Голубку, не отличала выдающаяся красота. Зато у нее были спокойный добрый нрав и здравый смысл. Не гонясь за званиями и чинами, она приняла предложение провинциального полицейского, грубоватого и некрасивого, зато обладавшего таким же большим сердцем. И не прогадала. Со временем детектив стал начальником полиции Лемман-Клива, но спустя тридцать лет оставался все так же влюблен в свою жену. Их семья походила на иллюстрацию к детской книжке: горящий камин, радостные лица, стая умильно виляющих хвостом псов. Разумеется, не всегда все было так гладко – случались и ссоры, и скандалы, как, например, когда Виктор заявил, что выбирает карьеру полицейского. Но их семья была живой. Теплой. Любящей. Такой, что иногда я ловил себя на мысли, как сложилась бы моя жизнь, прими я после смерти родителей предложение сэра Эйзенхарта и отправься с ними в Гетценбург. Однако в скором времени все должно было измениться. Я видел, что смерть ребенка делает с семьями. Оставалось только надеяться, что...

– Роберт? Вы здесь? Все собрались внизу.

Мои мысли прервал Шон, отправившийся на поиски по просьбе леди Эйзенхарт. Бросив последний взгляд на портрет, я оперся рукой на перила.

– Уже иду.

– Подождите. Я хотел вас спросить...

Вынутый из сержантской формы Шон выглядел как подросток. Очень напуганный подросток.

– С Виктором что-то происходит, да? Он ничего мне не говорит...

– Да, – не стал отрицать я.

– Он справится?

Я не стал отвечать правду. Это был не мой секрет. Если бы Эйзенхарт не хотел ждать смерти в одиночестве, он бы рассказал все сам.

– Не знаю.

Больше я ничего не мог сказать, но, к счастью, Шон и не просил. Внизу стоял веселый гомон – оживленные голоса, детский смех, лай старого Уилсона. На мгновение сквозь шум прорезался испуганный окрик леди Луизы.

– Виктор!

– Это ты сейчас мне или ему? – лениво поинтересовался Эйзенхарт, ловя племянника. – Честное слово, зря вы его так называли, я еще не умер. Вот скажи, почему ты не остановил ее? – обратился он к зятю.

Барон Истон усмехнулся, с нежностью глядя на жену:

– Ты же знаешь, это невозможно.

– Мог бы попытаться. А, доктор! – подходя поздороваться, он сунул ребенка мне. Я, в свою очередь, постарался поскорее передать Виктора-младшего на руки бабушке. – Что вы там делали? Мы уже собирались снаряжать спасательную операцию.

Как-то само собой я оказался втянутым в разговор, и, чем быстрее день клонился к концу, тем отчетливее я понимал: никаких надежд. Я не хотел видеть леди Маргарет, сдерживающую рыдания над могилой сына, расширенные от страха глаза на бледном лице Луизы, сэра Эйзенхарта, бессильно сжимающего ладонь жены, не в силах ни утешить ее, ни найти покоя. Я не мог допустить, чтобы их семью разрушило горе. Если существовал хоть малейший шанс исправить будущее, я должен был им воспользоваться, какой бы глупой и безрассудной ни была эта затея.

Глава 14

Доктор

Романские храмы поражают воображение золотом и богатством. Ганзеатские – светом, льющимся из витражей цвета моря. Северные не похожи ни на те, ни на другие. Черные глянцевые кубы, отмеченные лишь двумя символами на входе – Габе и Лос, дар и судьба, – уродуют улицы своей простотой.

Однако внутри все иначе. Посетителя встречают статуи каждого существа, когда-либо ходившего по земле. Вырезанные все из того же камня скульптуры выполнены с такой точностью, словно в любой момент они оживут и сойдут со стен. Но статуи молчат. До той поры, пока не придет человек, способный говорить с духами – или хотя бы с одним из них. В храме нет окон, кроме отверстия в куполе, и внутри всегда царит полумрак. Длинные тени колеблются в свете свечей. От тяжелого запаха воска, крови и металла кружится голова и подгибаются колени. Северные храмы построены не для красоты. Они напоминают, что духи опасны.

Высоко под потолком расположились птицы: загадочный Ворон, точно по центру, чтобы видеть все в этом мире. Коршун, выбирающий своих жертв. Расправивший крылья Орлан. Намного ниже, в подвальном этаже, прячутся те, кто близок к земле. В обычный день я бы пошел к Змею. Спустился бы туда, где Северин уже проснулся от моего появления.

Но сегодня разговор у меня был не к нему.

Я обошел храм по периметру: нечасто змею доводится пройти по срединному уровню. Одна за другой проплывали мимо меня скульптуры: Артур-Медведь, патрон стражей и палачей, настороженно принялся ко мне. Серdito изогнула спину Лайла-Кошка, покровительница акробатов и воров. Рейнар-Лис, известный плут, даривший свою симпатию и защиту актерам и мошенникам, взмахнул хвостом...

– Вам помочь? – обратила на меня внимание служительница в простом черном платье.

Я покачал головой: дело, из-за которого я пришел, не требовало свидетелей.

Маркус нашелся у центрального алтаря: вздыбленная на загривке шерсть, плотно прижатые к голове уши, обнаженные клыки. Покровитель волков выглядел достаточно опасно, чтобы одуматься и повернуть обратно. Оставить все как есть. Позволить Виктору умереть.

Я стянул с руки перчатку и, стараясь не смотреть на изуродованные пальцы, полоснул лезвием по ладони. К сожалению, гигиена мало заботила духов. На шприц с венозной кровью они бы не повелись – но живая, горячая кровь, только покинувшая тело? Старый медный нож? Боль и страх? Эти подношения были им по вкусу.

Особенно Волку. Я положил окровавленную ладонь ему в пасть и смотрел, как алые капли стекают по морде.

– Ты знаешь меня.

Мы не первый раз вели этот диалог.

– И знаешь, зачем я здесь. Я пришел просить за Виктора Эйзенхарта. Он оскорбил тебя...

Маркус ощерился еще больше.

– И был тобой наказан. Я прошу...

Я осекся: глаза Волка вспыхнули золотым огнем. Что ж, по крайней мере, теперь я получил его полное внимание.

– Моя жизнь за его жизнь. Оставь Виктора в покое.

Каменные челюсти сомкнулись вокруг моих пальцев.

С духами существовала одна проблема: они были всемогущи. Они и так могли взять всё, что хотели, им не надо было ничего давать взамен. Поэтому являться в храм с такой просьбой было все равно что заявить о желании погибнуть.

– Хочешь, возьми долг с меня сейчас. Хочешь – потом. Я могу быть полезен тебе.

Холодный камень завибрировал вокруг моих пальцев. Кажется, я рассмешил духа.

«Неужели?»

– Разве нет? Разве я не спасал уже твоих сыновей?

«И убивал тоже, доктор».

Да. Это было бессмысленно отрицать.

– Эйзенхарт забрал жизнь твоего человека. Я могу спасти, – повторил я. – Любого, на кого укажешь. Если обману – заберешь мою.

На какое-то время дух задумался. Нам не дано увидеть узоры, сотканые Вирд. В отличие от духов мы не знаем, чем обернется любое, даже самое малое действие. И где нить полотна можно поправить, иначе затянув ее. Если такая возможность существовала...

Однако слишком силен был для Волка соблазн взять свое по праву, сломать человека, решившего бросить ему вызов.

«Что мешает мне взять твою жизнь просто так?»

Я почувствовал, как клыки пронзили кожу. А еще – как зашевелился чернильный змей у меня на боку. Скользнул на плечо, свернулся клубком вокруг шеи. Северин решил все-таки напомнить, под чьей я защитой. Украдкой я перевел дух. Я надеялся, что Змей не оставит одного из своих самых ценных подопечных, но не мог знать наверняка.

Это было моим единственным спасением. Маркус мог пугать меня, но знал, что со Змеем их шансы равны. Недовольно он раскрыл челюсти – чтобы в следующий момент вцепиться зубами в мое запястье. В глазах потемнело от боли. Я покачнулся и не смог устоять, падая на колени.

Когда туман перед глазами рассеялся, в зале никого не было. Каменная статуя молчала, только перемазанная кровью морда напоминала о произошедшем. Татуировка тоже вернулась на место: Змей убедился, что я в безопасности, и ушел. Я бросил взгляд на свою руку: по ощущениям, Маркус должен был отгрызть ее, но вместо культи я увидел только две пунктирные линии.

Послание было четким и ясным.

Долг принят.

Я вышел из храма и оглянулся на вырезанный над входом символ Судьбы. Оставалось только надеяться, что цена не окажется непомерно высокой...

Глава 15

Эйзенхарт

За остаток вечера и ночь к Виктору вспыхнули недобрыми чувствами не только сотрудники архива, но и его собственные коллеги. Со всей дотошностью он проштудировал относившиеся к совершенным за последние годы самоубийствам документы (к счастью архивных служащих, заинтересовавших Виктора дел оказалось немного – молодые девушки редко лишали себя жизни в Лемман-Кливе, еще реже так поступали богатые молодые девушки) и теперь выспрашивал подробности. Жаль, вопрос, не припоминает ли кто на месте преступления цветы, понимания среди детективов не находил. Равно как и уточнения, что за цветы это были и в каком количестве.

– Кажется, тот шутник его основательно достал, – прокомментировал деятельность Виктора Штромм, наливая себе кофе.

На всякий случай, чтобы все поняли, о каком шутнике идет речь, он кивнул на охапку распустившихся розовым веток, которые курьер оставил в общей комнате.

– Или он окончательно сбрендил, – возразил инспектор Вельке, недовольно оглаживая седые усы. – В конце концов, мы знали, что рано или поздно это случится. И вот: он считает эти цветы посланиями ему. Вздор!

– Я все слышу! – предупредил Виктор, заслоня ладонью микрофон.

Инспектор фыркнул и с чувством собственного достоинства удалился. Оставшиеся в общей комнате переглянулись.

– Что там с посланиями? – поинтересовался комиссар Роббе, подошедший к концу тирады. Виктор поднес палец к губам, показывая, что не может ответить. Берт пожал плечами:

– Эйзенхарт считает, что в букетах, которые ему приходят, зашифрованы сообщения, связанные с одним из прошлых дел.

– Кто-то ему мстит?

Невысказанное «опять» так и повисло в воздухе.

– Вряд ли, – улыбнулся Штромм. – Месть – это если б ему нож под ребра загнали. А это... Кто-то просто издевается.

Сам Виктор был слишком занят, чтобы возразить.

– Слушай, но ты даже не знаешь, о чем я хочу тебя попросить! – пытался убедить он Лидию, которая была не слишком рада звонку, разбудившему ее задолго до начала рабочего дня.

– Зато я знаю, что ты путаешь меня со справочной, – огрызнулась она. – Имей совесть, я тебе за эту неделю нашла информации на месяц чтения! Мэйбл уже подозревает, что я хочу занять ее место.

– Ты? Писать о слухах и кринолинах? Ни за что не поверю.

– Достаточно, что она в это верит, – отрезала Лидия. – К тому же от тебя я за это так ничего и не получила.

– Если дело в этом, то все можно исправить, – обрадовался Виктор. – Во-первых, ты знаешь, что Герге связан с двумя убийствами...

– Об этом все знают, – буркнула она. – После поспешного переезда леди Тенеррей в столицу и того вечера в «Савоне» все только о Герге и говорят. Кстати, помнишь, ты спрашивал меня о Хэрриет Лайонелл? Можешь представить, что у Герге была с ней интрижка? А ведь казалась такой тихоней...

– Во-вторых, – не дал сбить себя Виктор, – могу помочь тебе вернуть благосклонность Мэйбл. Она все еще ищет человека, сопровождавшего в «Савону» леди Гринберг?

– Лучше бы ты рассказал мне о своем расследовании, – проворчали на том конце провода. И после некоторых раздумий добавили: – Но я согласна и на это. Кто он?

– Некто Роберт Альтманн. Змей.

Было слышно, как перо царапнуло бумагу, пока Лидия записывала информацию.

– Я слышала, он из колоний. Что он делает в городе?

– Приехал к родственникам, – Виктор замолк, приближаясь к опасной территории.

– И? Кто его родственники?

Молчание по обе стороны телефонной линии стало красноречивым.

– Я, – наконец признался он.

– Что?

– Моя мать является младшей сестрой его матери, и так получилось, что...

– Скотина, – констатировала Лидия.

Виктор не обиделся, зная, что заслужил. Но по привычке попробовал опротестовать ее заявление.

– Почему? Я дал тебе его имя...

– Имя, которое я не могу использовать! Потому что, в отличие от кое-кого, выполняю обещания!

Это Виктор уже слышал. Во время их последней ссоры. Пытаясь отвлечь Лидию, он беспечно продолжил:

– В любом случае, так или иначе, но свою часть сделки я выполнил. Хотя бы выслушай теперь мою просьбу. Мне нужна информация о леди Эвелин Гринберг. Вся. Каждая мелочь... Алло?

Похоже, его слова остановили Лидию как раз в тот момент, когда она собиралась положить трубку.

– А ее ты в чем подозреваешь? – наконец заговорила она.

– Во многом.

Лидия беспокойно потарабанила ногтями по корпусу телефона. Виктор не сомневался, что она согласится: нюх на сенсации у Лидии был отличный, иначе девчонка из порта не сумела бы пробиться во «Флит и партнеры».

– Будет нелегко. До ее дебюта о ней никто особо и не знал: слабое здоровье, родные держали ее все время в деревне. А после... Про помолвку с Фрейбургом ты знаешь, ты расследовал его убийство. В остальном... Скажем так, есть причина, по которой о леди Эвелин не пишут в газетах.

– Какая же?

– Ее брат. Младший, Райнхардт, – уточнила она. – С ним... Что-то не так.

В принципе, фраза «что-то не так» обладала большим диапазоном, означая все возможное, от умственного заболевания до исходящей от мужчины угрозы. Судя по тону, Лидия имела в виду скорее второе.

– Вчера же написали, – возразил Виктор.

– Хочешь интересное совпадение? Райнхардта нет в городе.

– Еще любопытнее. Но «не пишут» ведь не значит «не знают»...

– Не значит, – согласилась Лидия. – Ты расскажешь все о своем нынешнем деле, – выдвинула она требования. – Дашь эксклюзивное интервью по окончании расследования. Разворот, не как в прошлый раз. Расскажешь, зачем тебе понадобилась леди Гринберг. И больше никаких «последних просьб умирающего».

– Хорошо, – покладисто пообещал Виктор. Последнее условие далось ему особенно легко: едва ли он успеет еще раз обратиться к Лидии за помощью. – Слушай, я должен идти. Появившийся две минуты назад на пороге Брэм отказывался уходить и пытался что-то показать жестами. Быстро свернув разговор (а ведь впервые Лидия не убегала, оправдываясь срочными делами!), Эйзенхарт бросил ему:

– Ну?

– Помните, вы просили сказать, когда появятся новости? Леди Хоторн вернулась в город.

– Почему ты не сказал раньше? Идем!

Не то чтобы Виктор не доверял суждениям Эвелин, однако стоило уделить внимание и другой точке зрения. Возможно, Герге были невыгодны эти смерти, но в письмах, которые передала Виктору леди Незерфилд, подруга Хэрриет, содержалось достаточно информации, чтобы понять, кто довел ту до самоубийства. И на момент смерти Коринн Лакруа алиби у мистера Герге тоже отсутствовало. Зато был повод: в последнее время мистер Герге, видимо, утомленный растущими запросами любовницы, в открытую срывался на ней. Оставался один вопрос: был ли Александр Герге способен на убийство?

Виктору не удалось поговорить с леди Тенеррей, но из присланного ею письма становилось очевидно, что бывшая невеста мистера Герге боится. Чего или кого? Виктор полагал, что жениха. И, чтобы проверить это, он намеревался поговорить с женщиной, которая могла знать Герге не просто хорошо, а лучше других.

Род Хоторнов был одним из самых древних в империи. Верные советники при престоле, они обладали властью, равной которой в стране не существовало. Но время меняет все.

Неблагополучное стечение обстоятельств – и от семейства осталось имя и две дочери.

Теперь же леди Мэриголд вовсе была последней.

Чтобы попасть в дом, Виктору пришлось преодолеть немалое сопротивление со стороны дворецкого. Нет, он сам понимал, что еще слишком ранний час для визитов, но сколько можно отпать? Сегодня утром ему снова принесли перевязанный траурной лентой букет (и опять отправитель оказался слишком хитер, чтобы его засечь!), и Виктор начинал опасаться, что вскоре узнает о новой жертве.

Благодаря медному жетону его все-таки пропустили со двора, где слуга выгружал из кареты чемоданы. Похоже, леди Хоторн вернулась в Гетценбург только что. Следуя за дворецким, Виктор прошел в гостиную. Первым, что бросалось в глаза, был портрет покойной Роуз Хоторн работы Персиваля и яркий букет разноцветных цинний на комодке перед ним.

«Вспоминаю о тебе каждый день», – машинально отметил про себя Виктор.

– Мне сказали, вы хотели срочно меня видеть, – леди Хоторн спустилась в гостиную, кутаясь в расшитый цветами халат. – Простите мой вид, – извинилась она, – я приехала только час назад и, честно говоря, хотела отдохнуть после дороги.

– Я постараюсь отнять у вас как можно меньше времени, – Виктор учтиво поклонился. – Я хотел поговорить с вами о мистере Александре Герге.

Леди Хоторн не скрывала своего удивления:

– Со мной? Почему?

В отличие от погибших женщин, леди Мэриголд Хоторн никогда не состояла в любовных отношениях с Герге. И все же, Виктор подозревал, знала о нем куда больше его влюбленных жертв.

Осиротев вскоре после совершеннолетия, леди Мэриголд решительно выгнала из дома многочисленную толпу дядюшек, желавших взять под свою опеку сестер Хоторн, и занялась воспитанием младшей сестры сама. Души не чая в ней, леди Мэриголд принесла в

жертву свое собственное счастье, заменила Роуз мать и была рядом с ней на протяжении всей ее жизни. Она своими глазами видела, как Герге впервые встретил леди Роуз, отговаривала сестру принимать его предложение, утешала, когда помолвка оказалась под угрозой... Была рядом до последнего, когда ее сестра, заболев от переживаний, слегла с пневмонией. Ей было что сказать о мистере Герге.

– Он чудовище, – ее лицо побелело, когда речь зашла об Александре. – Я знала много дурных людей, но никто не сравнится с ним. Не удивлюсь, если то, о чем вы рассказали, совершил он...

Она говорила с редкой убежденностью, и чем дольше Виктор слушал, тем больше укреплялся в своих подозрениях.

Глава 16

Доктор

В последнее время мне категорически не везло с правой рукой. Я говорю даже не о ранении, почти лишившем меня возможности двигать кистью и оборвавшем мою карьеру. Не так давно я снял гипс и снова был вынужден обратиться за помощью к Мортимеру. Молодой дрозд не стал задавать вопросов, когда я пришел к нему, пропахший храмом, с глубоким порезом на ладони и волчьим укусом выше. Я недовольно поправил манжету, скрывая под сорочкой бинты, и постучался к Эйзенхарту.

– Я пришел спросить о твоём самочувствии.

– А, доктор! – Виктор поднял взгляд от бумаг. Сияясь понять, что не так с фразой, он недоуменно моргнул и расплылся в довольной улыбке. – Мы перешли на «ты»? Ради этого стоит умереть! Пойдем.

Мы повторили путь вниз, где ремонтировались помещения для судебно-медицинской команды.

– побыстрее, – подталкивал меня в спину Виктор. – Роббе в здании, если он застанет здесь тебя с твоей чудодейственной шкатулкой, меня слушать не станут и сразу уволят.

– Так легко? Безо всякой причины?

Я удивился. Виктор бы нашел тысячу способов отбрехаться, даже если бы его обнаружили над трупом с окровавленным топором в руке. Что-то здесь было нечисто. Виноватое сопение позади меня подсказало, что причина все-таки была.

– Героиновые пастилки от зубной боли, – признался Эйзенхарт.

– Полагаю, зубы у тебя в тот момент не болели.

Про рецепт спрашивать не стал – и так понятно, что у его привычки избегать врачей были длинные ноги.

– Нет. Но послушай, мне было двадцать, мой ментор умер, и на меня свалились все его дела, – попробовал он оправдаться. – Я не знал, что делать! И вообще, со стороны Роббе это несправедливо, я их даже не успел попробовать!

Я промолчал.

– Мне было двадцать, – повторил Виктор. – Я поступил глупо. Но если не в этом возрасте делать глупости, то когда?

Желательно никогда. Но я не произнес этого и проворчал:

– Я бы предпочел услышать эту историю прежде, чем делиться с тобой морфием, а не наоборот.

– Тогда бы ты послал меня. К врачу, я имею в виду.

Именно так я бы и поступил.

– Значит, помощи от тебя я больше не дождусь? – с деланным равнодушием поинтересовался Эйзенхарт.

– Она тебе все еще нужна?

Второй раз за утро мне удалось повергнуть его в недоумение.

– В смысле?

– Как ты себя чувствуешь?

Наблюдая за растерянным выражением на его лице, я вздохнул. Я успел заметить, что Эйзенхарт был из людей, у кого разум доминирует над вопросами материальными.

Увлеченный очередным делом, он мог днями не есть, не спать, пока тело само не начнет валиться от усталости, и игнорировать неудобства до тех пор, пока состояние не станет совсем критичным. Но не заметить, как отступила смерть? Это другая ступень таланта. Право, я мог не тратить морфий, достаточно было найти Виктору интересную головоломку. Наконец он додумался осмотреть руку, приносившую ему в последнее время столько боли. С облегчением я отметил чистую белую кожу, лишенную каких-либо следов. Остальные симптомы, кажется, тоже отступали: его лицо потеряло лихорадочный румянец, он перестал кутаться в многочисленные свитера и шарфы. Слабость и боль больше не сковывали его движений. Словно напоминая, какой была цена за это чудесное исцеление, мое запястье снова заняло. Жаль, что укус Волка не пришелся выше, на потерявшую чувствительность ладонь.

– Что за?.. – озвучил Виктор свои мысли.

– Похоже, Маркус-Волк переменял свое решение.

– Угу, – недоверчиво отозвался Эйзенхарт. – Как же.

Профессия, впрочем, не позволила ему долго находиться в замешательстве. Сложив имевшиеся факты, он быстро вычислил виновника произошедшего.

– Откуда ты знал?

– Знал что?

– Сегодня ты спросил, точно ли мне еще нужен морфий. Откуда ты знал?

– Просто предположил, – пожал я плечами. – Ты не звонил утром и выглядишь гораздо здоровее, чем в последние недели.

Хлопнула дверь, и нам пришлось прервать разговор, но я подозревал, что Виктор еще вернется к этой теме. От допроса меня спас один из коллег Эйзенхарта. Молодой, деревенского вида, с длинной встрепанной шевелюрой цвета соломы и внимательными голубыми глазами, он обвел нас полным любопытства взглядом, хмыкнул и прислонился к стене.

– Альберт Штримм, – представил мне его Виктор. – Наш самый ценный и незаменимый сотрудник: полицейский и полицейская собака в одном лице. Шучу, Берт, не обижайся.

– Я помню, – взгляд, которым я ответил детективу Штримму, нельзя было назвать полным симпатии.

– В самом деле? – поразился Эйзенхарт.

Его реакция меня неприятно задела.

– Почему тебя это удивляет?

– Да потому что ты первый месяц только делал вид, что мое имя знаешь. А Берта видел всего раз.

– Только одну неделю, – возразил я.

На самом деле Эйзенхарт угадал, но признаваться в этом я не собирался. В свое оправдание могу сказать, что детектива Штримма, в отличие от Виктора, я встретил не в первые месяцы после приезда, которые прошли для меня словно под наркозом. И Эйзенхарт никогда не сидел по ту сторону стола в допросной комнате, источая угрозы.

А никто не запоминает угрозы так хорошо, как змеи.

Виктор не стал спорить и пожал плечами.

– Берт, зачем ты меня искал?

– Вообще-то я искал его, – протянул детектив, по-хамски тыча в меня пальцем. – Но это даже хорошо, что вы оба здесь.

Мы с Эйзенхартом переглянулись.

– Его?

– Меня? Зачем?

– Чтобы спросить о леди Амарантин Мерц.

У меня появилось нехорошее предчувствие.

– Что с ней?

Глава 17

Доктор

– Что с Поппи?

– Мертва, – бросил полицейский. – А почему – вы мне скажите. Вами там все пропахло. В первую нашу встречу мне довелось узнать, что детективу Штроту достался один из самых ценных даров – пять чувств, превышающие человеческие многократно. Он слышал дыхание и биение сердца, находясь на другом конце комнаты. Чувствовал запах человека... И, как выяснилось, запоминал. Действительно, полицейская собака: найти по запаху человека, которого видел несколько месяцев назад.

– Там – это в отеле? – уточнил я.

– В номере.

За моей спиной Эйзенхарт присвистнул.

– Мы встретились вчера за ужином, – пояснил я специально для него.

Детектив Штрот насмешливо фыркнул:

– Так это в высших кругах называется?

– Знаешь, док, для человека, который постоянно ноет, что все кончилось, у тебя удивительно бурная жизнь, – меланхолично заметил Эйзенхарт. – Как тебе это удастся? Я вон с девушкой полгода не могу помириться, от тебя уже про вторую слышу.

– Я не ною, – огрызнулся я и переспросил: – Сколько вы в ссоре?

– Месяцев семь? – посчитал в уме Виктор. – И три недели.

И он продолжал на что-то надеяться? Если так, то его непробиваемая уверенность в себе была еще хуже, чем я думал. Однако сейчас было неподходящее время для шуток.

Вспоминая прошлый вечер, я достал портсигар и закурил. Сложно было осознать, что Амарантин мертва.

– Детектив, – окликнул я Штрот. – Как это произошло?

Он тотчас повернулся ко мне, собранный и сосредоточенный.

– Посреди ночи леди Мерц набрала ванну, легла в нее, взяла в руки бритву и перерезала себе вены на запястьях.

– Ого! – оценил Эйзенхарт и словно между прочим спросил: – Как, ты сказал, прошло свидание?

Глупая шутка.

– Хорошо, – я холодно посмотрел на Виктора. – Но даже если нет, это не повод покончить с собой.

В это было не сложно поверить – невозможно. Когда я покидал Поппи, ничего в ее настроении не говорило о том, что она задумывается о суициде. А учитывая, что у Эйзенхарта уже было два самоубийства, оказавшихся не вполне самоубийствами...

– Могу я ее увидеть? – попросил я.

Полицейские переглянулись, и пес пожал плечами, позволяя. Хорошо, значит, я все-таки не был подозреваемым в этот раз.

Верхний этаж «Эклата», где Поппи жила после женитьбы брата, перекрыли. Дверь в номер, напротив, была широко распахнута, открывая взгляду интерьер: странную смесь роскоши и вульгарности, красные пол и портьеры, бархатный балдахин над кроватью и гигантского размера ванну, старомодно размещенную посреди спальни.

Тело Амарантина вытащили из ярко-розовой воды и перенесли на кровать. Поппи лежала там же, где накануне вечером, но контраст не мог быть более разительным. Странно видеть ее такой: в ушах еще стоял ее смех, живой и глубокий. И вот она была, накрытая простыней, холодная и безжизненная. Мертвая. Я не удержался и провел рукой по ее волосам.

Красное дерево и спелая вишня. Смерть еще не успела изменить их отлив. В отличие от лица. Черты заострились, молочно-белая кожа стала еще бледнее. Однако сейчас было не

до сантиментов. Я откинул простыню и принялся за осмотр. Доказательства моей правоты долго искать не пришлось.

– Это убийство.

– Мы догадываемся, – сообщил Эйзенхарт, с любопытством наблюдавший за мной.

– Ты не понял. Леди Хэрриет приняла снотворное сама. Мисс Лакруа тоже, возможно, лишила себя жизни самостоятельно. Но Амарантин не брала в руки бритву. Ее убили.

Я вновь посмотрел на ванну, стоявшую на позолоченных львиных лапах посреди номера, и прикинул количество крови, окрасившей воду в такой насыщенный оттенок.

– Никаких следов борьбы. Все, что вы найдете, – это частицы кожи у нее под ногтями. Мои. К ее смерти они не относятся. Она не сопротивлялась, потому что ее опоили. Вскрытие покажет, какой наркотик использовал убийца. Потом кто-то дождался, пока она потеряет сознание. Перенес ее в ванну, которую наполнил горячей водой, даже слишком горячей, судя по следам на коже. Возможно, надеялся, что время смерти определят как более позднее. И вскрыл ей вены. Она умерла от потери крови. Учитывая, что я ушел до десяти, Амарантин предупредила, что в десять у нее назначена встреча... Я не узнавал с кем, – ответил я, прежде чем Виктор успел задать вопрос. – Я бы сказал, смерть наступила немного позже полуночи. Вероятно, между полуночью и часом ночи.

– Откуда вы знаете? – недоверчиво спросил детектив Штротм. – Что сама она себя не резала?

– Посмотрите.

Я вытянул ее руки поверх простыни, ладонями к нам.

– Вы когда-нибудь пытались перерезать себе вены?

Пес покачал головой. Эйзенхарт кинул на меня внимательный взгляд.

– Взгляните, как были сделаны разрезы. При самоубийстве обычно видны множественные порезы: добраться до вен на самом деле не так просто, и подсознательно мы боимся боли, поэтому сдерживаем силу. Здесь они четкие, по одному на каждой руке. Но, главное, обратите внимание на направление. Вскрывая вены сам себе, человек начнет с наружной стороны запястья и поведет лезвие вовнутрь, – я продемонстрировал, что имел в виду, на своей руке. – Таким образом можно получить максимальное приложение силы. Здесь же...

– Наоборот, – подал голос Эйзенхарт. – Но это безумно неудобно.

– Самому – да. Но если другой человек, стоявший за спиной Поппи, держал в руке бритву...

– То все сходится. Кто осматривал тело? – обратился Эйзенхарт к коллеге.

– Ретт. Но он этого не сказал.

– Чему тут удивляться? Ладно, скажи лучше вот что: кто был в этой комнате после Роберта? И я забираю у тебя это дело, ты не против?

Штротм покачал головой.

– Не знаю. В ванну высыпали целую пачку жасминовой соли. Скорее всего, одна женщина и один мужчина. Запахи незнакомые.

– Женщина, вероятно, служанка, которая принесла поднос с чаем, – Виктор кивнул на накрытый столик возле двух кресел в углу. – А вот мужчина – это интересно.

Я подошел к столу. Кроме чайного сервиза из тончайшего майсовского фарфора, на нем стояла заполненная пепельница. На половине окурков остался смазанный след от помады светлого розового оттенка. Такой же был и на одной из чашек. Принадлежал он не Поппи: даже если она воспользовалась помадой после моего ухода, цвет был бы другим. Красным. Как кровь, как кларет, как каринфийские гранаты – но не таким бледным.

А еще на подлокотнике кресла, раскрытая на светской хронике, лежала газета. И мне не надо было смотреть на дату, чтобы узнать ее.

«Правила хорошего тона уже не в моде, – писал неизвестный автор, озаглавивший свой напыщенный и отдающий дешевыми бульварными романами опус „Времена и нравы“. – С каждым днем мы видим все больше этому подтверждений. Союз между мужчиной и женщиной перестает быть священным таинством, превращаясь в атавизм в современной действительности. Память о погибших выбрасывается, словно надоевшая фотокарточка. Мы всё больше становимся похожи на диких животных, управляемых похотью и инстинктом к размножению. „Хорошо провести время“, „получить удовольствие“ – это все, что интересует общество сегодня. Можно увидеть, как мужчина, чья невеста внезапно

решила разорвать отношения, в тот же вечер отправится развлекаться в обществе другой женщины. Возрадуйтесь те, кто долгое время считал, что между Александром Герге и леди Амарантин Мерц существует тайная связь! Настало ваше время принимать выигрыш по ставкам.

Те, кто считают, что мистер Герге – не сын империи и потому не может служить примером падения наших нравов, обратите внимание на другую персону. На дочь благородного и благопристойного рода. Тот же вечер и тот же клуб выбрала леди Эвелин Гринберг, до сих пор старательно изображавшая примерную девочку, чтобы прервать траур по жениху, зверски убитому барону Фрейбургу. И, разумеется, леди не пристало выходить в клуб одной. Ее избранник, загадочный змей, пока не известен свету, однако скоро это изменится. Конечно, многие попытаются оправдать юную представительницу респектабельного семейства: ведь покойный барон Фрейбург не отличался верностью, а нынешний кавалер леди Эвелин так приятен глазу. Загадочный и опасный, кто устоит перед таким сочетанием? Однако им следует вспомнить, как вели себя на этом вечере наши возлюбленные. В их поведении все говорило о близости, поэтому у меня возникает справедливый вопрос: а были ли барон Фрейбург единственным в отношениях, чью совесть отягощали измены? Я считаю, что нет! И вот почему: я не зря начала свой сегодняшний рассказ с другой пары. Волею Судьбы пути Александра Герге и младшей леди Гринберг в тот вечер пересеклись. Мы все могли наблюдать, как из невинного флирта разгорелась искра страсти и как в тот же момент милая Эвелин позабыла о своем спутнике ради возможного наследника ольтенайского престола. Что это было, как не еще одно доказательство распущенности? Для тех же, кто обеспокоился судьбой покинутого леди Гринберг змея, спешу разочаровать вас: привлекательного и таинственного незнакомца незамедлительно подобрала Поппи Мерц...»

Голос Виктора отвлек меня от брезгливых мыслей.

– Что? – рассеянно переспросил я.

– Опять читаешь комплименты самому себе? – Эйзенхарт скосил глаза на газету. – Я говорю, что у нас теперь три убийства. Отрицать это глупо. Еще у нас есть три букета...

– О чем ты? – перебил я, не понимая, как это относится к делу.

– Я не рассказывал тебе? – Виктор вкратце пересказал, как он узнал о языке цветов и что ему удалось найти. – Сегодня мне опять прислали цветы. К сожалению, слишком поздно, чтобы спасти ее, – добавил он, нахмурившись. – Цветущий миндаль и церцис. «Измена» и «предательство». Да, я выучил эту треклятую книжку уже наизусть, можешь смеяться. В общем, учитывая, кто жертва и о какой измене идет речь, думаю, настала пора поговорить с мистером Герге.

Глава 18

Доктор

Я оставил Эйзенхарта и отправился на работу. Чтобы разобраться с мыслями, решил пройтись пешком, отчего дорога до университета растянулась на добрых полчаса. Все это время меня не покидало чувство вины – не только по отношению к Поппи, к чьей смерти я чувствовал себя причастным, но и по отношению к леди Эвелин, познакомившей нас. Мне казалось важным, чтобы она узнала о смерти подруги не из газет. Я сомневался, что Виктор возьмет на себя труд известить ее, потому взял дело в свои руки.

– Я могу одолжить у вас телефонный справочник? – постучавшись в кабинет к Мортимеру, я получил толстенный талмуд, включавший в себя номера со всего острова. – И, если вы не против, я воспользуюсь вашим телефоном, чтобы далеко с ним не ходить. Джошуа Гринберг, Райнхардт Гринберг... Однофамильцев леди Эвелин в книге оказалось больше, чем я ожидал. Наконец я нашел нужный номер.

– Каменный остров, 94-80. Особняк лорда Гринберга, пожалуйста, – попросил я телефонистку.

Коллега удивленно на меня посмотрел.

– Могу я поговорить с леди Эвелин? Да, разумеется. Передайте ей, что звонит сэр Роберт Альтманн и что это важно. Хорошо. Да, – я отмахнулся от танатолога, пытавшегося что-то спросить. – Леди Эвелин?

– Доктор? – послышался в трубке ее голос. – Что у вас приключилось?

– Боюсь, это не телефонный разговор. Вы могли бы встретиться со мной?

– Сегодня? – в ее интонациях проскальзывало недоумение.

– Да. Прошу прощения за внезапность, но это срочно.

Подумав, она согласилась:

– Хорошо. Кафе «Вест» вас устроит? Могу там быть через полчаса.

– Я предпочел бы менее людное место, – признался я, не обращая внимания на Мортимера. – Если вы не возражаете, я мог бы приехать к вам...

– Ну уж нет! – рассмеялась леди. – Домой я вас не приглашу, и не ждите. Надеюсь, вас не обидит, что я не хочу плодить еще больше слухов? Кафе «Вест», через тридцать минут, – она отключилась, не давая мне времени на объяснения.

Наконец настал момент для изнывавшего от любопытства Мортимера. Во время телефонного разговора он еще сдерживался, однако теперь решил засыпать меня вопросами.

– Это была та самая леди Эвелин Гринберг? Хотя что я спрашиваю, будто их несколько. Вы с ней знакомы? Как, откуда? Вы... – его глаза расширились от внезапного понимания. – Духи вас заберите, это про вас там было в газете?

Мысленно я помянул недобрым словом Эйзенхарта, втавившего меня в эту историю.

– Понятия не имею, о чем вы, – отказался я от всех подозрений.

– Конечно, – хитро улыбнулся коллега. – Так откуда вы знаете друг друга?

«Мой кузен подозревал ее в убийстве, мы гнались за ней через полгорода, а потом она поила нас малиновым шнапсом и рассказывала о фиктивной помолвке ради махинации с наследством». Такой была правда, которую я решил не озвучивать. Вместо этого я засобирався.

– Мне надо идти.

– Пех вас раздери, Роберт! Скажите хоть, чем вы ее зацепили?

Мортимер был неплохим человеком и другом. Несколько тщеславным и самоуверенным, но у него имелись на то причины. Будучи юн и красив – той вызывающей, немужественной красотой, которая приводит в восторг женщин и могла бы сослужить ему отличную службу, выбери он вместо танатологии сцену, – он определил для себя качества, которые должны были означать успех у женского пола. И теперь искренне недоумевал, как человек, который не обладал выдающейся внешностью, одевался в скучные твидовые костюмы и был мрачен, неразговорчив и слишком серьезен – то есть совершенно не соответствовал ни одному из его критериев, – попал на светский раут в элитный клуб, да еще с девушкой гораздо выше себя по положению. Я не стал его разочаровывать, объясняя, что «свидание» устроил Виктор в целях расследования. Посмеиваясь про себя, вместо этого я оставил Мортимера ломать голову над тем, что могло связывать одну из богатейших невест империи и армейского ветерана, прозябавшего в провинции на пособие по инвалидности и жалование ассистента профессора.

Я успел добраться до кафе раньше леди Эвелин и выбрать столик. Расположенный в нише под портретом императорской четы и частично скрытый за ширмой у входа на кухню, он давал уединенность, которая, я боялся, понадобится леди Эвелин после того, как она услышит новости. Леди Эвелин пришла вскоре после меня, я только успел получить свой кофе и бокал шерри. Впорхнула в кафе, сбросила яркий жакет на руки метрдотелю и уверенным шагом направилась ко мне – единственная женщина среди одетых в монокромные костюмы клерков, биржевых маклеров и юристов из расположенного неподалеку министерства. Я почувствовал себя словно под прицелом фотографического аппарата: все взгляды сконцентрировались на нас, за что, видимо, опять надо было благодарить автора той дурацкой статьи.

– Кофе для леди, – у нашего столика мгновенно появился официант с бокалом, полным взбитых сливок.

Леди Эвелин с неискренней, хотя отлично исполненной, как в нашу первую встречу, улыбкой поблагодарила его и обратилась ко мне:

– Итак, доктор, о чем вы хотели поговорить?

– О леди Мерц. Она...

– А! – теперь на ее губах заиграла другая улыбка, живая и полная лукавства. – Я предупреждала вас, доктор: не привязывайтесь к Поппи. Ее интересует секс, и ничего более. Если вы рассчитываете на что-то кроме постели, скажу сразу: ничего не выйдет. Ей снова удалось удивить меня: прямыми словами, спокойным тоном, словно речь шла о чем-то обыденном, отсутствии смущения. Сейчас мы были не в клубе, где действовали свои, ночные правила, а в дневном мире, чопорном и старомодном («Устаревшем», – поправила бы меня леди Эвелин, если бы услышала мои мысли). Море, где женщины считались слабым полом, который нужно было защищать от всего, начиная от финансовых вопросов и заканчивая образованием. Море, где – абсурдно – до сих пор существовал «кофе для джентльменов», черный и горький, и «кофе для леди», приторно-сладкий и практически лишенный кофеина, чтобы уберечь их слабую конституцию от возбуждающего эффекта. Море, где любовь была чем-то возвышенным, а физическая ее часть стыдливо умалчивалась обоими полами, где пассивность была главной женской добродетелью. Глядя на ее улыбку, я понимал, что у этого мира нет никаких шансов. Грядут перемены.

– Боюсь, дело не в этом. Леди Амарантин умерла.

– Что?

В вопросе пока было больше растерянности, чем осознания. Я пододвинул к ней шерри – не лучшее успокоительное, но сойдет, чтобы сгладить первый шок.

– Мне очень жаль.

Я ожидал слез и не нашел их. Собственно, я не нашел вообще никакой реакции. Моя собеседница молчала, откинувшись на спинку кресла, и бездумно смотрела в одну точку.

– Леди Эвелин?

– Поговорите со мной, – хрипло попросила она. – О чем угодно, только не о...

Я понимал. Хотя не мог ее утешить.

– Почему чеснок называют ванилью для бедняков? – озвучил я первый пришедший в голову вопрос.

Сам не знаю, отчего это пришло в голову. Должно быть, вспомнился наш разговор с Эйзенхартом в этом же кафе, во время которого я впервые услышал о деле, оказавшемся более опасным, чем мы оба думали.

Недоуменно моргнув, леди Эвелин внезапно расхохоталась. Все тем же охрипшим, пугающим голосом. Но это была не истерика, а настоящий смех, пусть и родившийся в таких обстоятельствах.

– А вы умеете удивить, доктор, – через силу улыбнулась она, промокая выступившие слезы. – Не знаю. Так просто говорят. Еще с давних времен, когда ваниль только начали поставлять из Страны облаков. Повара в богатых домах чего только не выдумывали с новыми специями, а обычный народ... У него был только лук да чеснок, – она замолчала и достала из сумочки сигареты. – Как она умерла? Передозировка?

Перехватив мой удивленный взгляд, она пояснила:

– Вы думали, из-за чего Поппи так прозвали?

Я полагал, что из-за цвета волос, полыхающих, как красный мак.

– После смерти отца ей выписали опиум в качестве снотворного. Она так и не сумела от него отказаться.

– Это были не наркотики.

Интересно, что покажет токсикологический анализ. Если ее одурманили именно опиумом, знал ли убийца о ее пагубной привычке? Я поднес леди Эвелин спичку.

– Тогда что?

– Ей перерезали вены.

– Кто? – коротко поинтересовалась леди.

– Не знаю.

Я надеялся, что Эйзенхарт сумеет найти ответ на этот вопрос.

– Я должен спросить: между Поппи и Александром Герге что-то было?

– Смотря что вы подразумеваете, – слабо улыбнулась леди Эвелин. – Поппи спала практически со всеми своими знакомыми, но это никогда ничего не значило для нее.

– Никогда?

По моему опыту, какой бы длинной ни была череда партнеров, кто-то всегда оставлял след в сердце.

– Нет. Не думаю, что у Поппи имелась какая-то трагическая история любви. Вы ведь на это намекаете? Для нее она была слишком легкомысленна. Поппи любила получать удовольствие. Если между ней и Герге что-то и случилось, то они скорее были друзьями с определенными преимуществами, чем возлюбленными.

Я в этом сомневался. Когда Герге на том вечере заинтересовался леди Эвелин, я наблюдал за ними – и не я один. Во взгляде Амарантин, которым она провожала Герге на танцпол, не было банальной ревности, но что-то неуловимое, что-то, что я не смог вспомнить и понять...

– Но не любовь.

– Почему же?

– Во-первых, – леди Эвелин снова была собранной и сосредоточенной, будто мы обсуждали не смерть ее близкой подруги, а историю, произошедшую давно и не с нами, – Поппи знала его почти вечно. Герге приехал поступать в Гетценбургский университет, где познакомился с Теобальдом, десять лет назад. Поппи тогда было одиннадцать. Едва ли романтическое начало отношений. Во-вторых, она познакомила его с Роуз.

– Роуз?

У меня сложилось впечатление, что Эйзенхарт преувеличил касательно моей личной жизни – если у кого-то она была бурной, то у мистера Герге.

– Роуз Хоторн, его невеста. Не та, что бросила его. Предыдущая.

– Почему они не поженились?

– Это... – леди Эвелин нахмурилась, подбирая слова. – Неприятная история.

Эвелин, Амарантин и Роуз не просто дебютировали в одном сезоне – они вместе обучались перед выходом в свет у Кальтшнейнера, знаменитого гетценбургского владельца школы этикета. Стояли одна за другой на танце дебютанток на Весеннем балу, открывающем сезон в Лемман-Кливе. Вместе, единственные из герцогства, были представлены ее величеству в столице.

– Представьте, мы были вдвоем в метрополии. В чужом городе, где никого не знали. Мы приехали вместе, и нам оставалось только держаться друг друга. Но это было не так плохо. Особенно когда миссис Риттер, которую отправил с Поппи Теобальд, принимала снотворное и можно было выскользнуть на вечеринку... Роуз никогда с нами не сбегала, наверное, потому я с ней так и не подружилась. Впрочем, возможно, дело во мне: мы и с Поппи были близки, но никогда не были подругами. А Роуз к тому же была слишком блеклой. Скучной. Такая, знаете ли, идеальная невеста и жена: чуть глуповатая, молчаливая и восхищающаяся своим мужчиной. Мне больше по душе была Поппи или Мэриголд, сестра Роуз. Вот в ней чувствуется характер. Впрочем, я отвлеклась.

Леди пригубила шерри и продолжила:

– Как я уже говорила, их с Александром познакомила Поппи. Она как-то раз пригласила Роуз к себе, Тео был тогда дома, а где Тео, там и Герге. Теобальд стал его пропуском в гетценбургский свет, поэтому Герге предпочитал держаться как можно ближе. Так они встретились впервые. Он произвел на нее впечатление своими манерами – и своим происхождением тоже: подумать только, настоящий принц, пусть без маленькой формальности. Она... Она ему подходила. Поэтому Герге сделал ей предложение, а Роуз, не задумываясь, его приняла. Первое время она была вне себя от счастья, порхала с такой очаровательной улыбкой, что за нее нельзя было не порадоваться. Потом начались проблемы. Вы уже, наверное, заметили, что мистер Герге не слишком разборчив, когда дело касается женщин. С Коринн Лакруа его связывали длительные отношения. Но это было нормально, на нее Роуз соглашалась закрыть глаза. В конце концов, в свете не так много мужчин, которые не содержали бы хотя бы одну любовницу, – скривилась леди Эвелин. – Можно сказать, что почти и нет.

– Но были другие, – угадал я.
– Да. А еще Герге, будучи прагматичным ублюдком – во всех смыслах последнего слова, – постоянно искал кого-нибудь получше. Сивилла, жена его отца, богата. Если бы он женился на Роуз, император, которого не обрадовал бы союз его внучки с бастардом, помог бы королю Владислаусу принять правильное решение и объявить наследником Герге. Но ольтенайская казна без денег Сивиллы резко уменьшилась бы в размерах. Поэтому Герге искал кого-нибудь, чья семья не только станет ему союзником в борьбе за трон, но и поделится своими накоплениями.
Кого-нибудь вроде леди Тенеррей.
– О его интересе к ней заговорили еще до смерти Роуз. Не знаю, послужило это спусковым крючком, или случилось что-то еще, но Роуз не выдержала, – леди Эвелин медленно качнула в пальцах бокал. – Она отравилась.

Глава 19

Доктор

Я столкнулся с мистером Герге в дверях отдела убийств. В сопровождении двух адвокатов он выходил от Эйзенхарта, я же, наоборот, пришел к тому с новостями.
– А, доктор Альтманн, – совершенно не удивленный, он окинул меня своим фирменным взглядом и обернулся к Виктору: – До свидания, детектив Эйзенхарт. Было интересно наконец встретиться с вами лично.
– Как все прошло? – поинтересовался я у Эйзенхарта, когда они покинули коридоры управления.
– Не спрашивай, – пробурчал он, наливая себе кофе. – Кажется, я даже поседел.
На мой взгляд, это было преувеличением, но я не стал его разочаровывать. И не стал расспрашивать дальше. Вместо этого я прошел за ним в кабинет, дождался, пока он закроет дверь, и поведал ему новости:
– Ты знал, что предыдущая невеста мистера Герге, леди Роуз Хоторн, также покончила с собой?
С громким стуком Виктор опустил чашку на стол.
– Любопытно... – протянул он. – Нет, не знал. Откуда информация?
– От леди Гринберг. И в этот раз, пожалуйста, обойдемся без шуток! – Эйзенхарт закрыл рот, так и не успев ничего сказать. – Я счел необходимым сообщить ей о смерти леди Мерц. Услышав мой рассказ, Виктор допил кофе и откинулся на спинку стула, размышляя.
– Я не знал, что леди Роуз покончила с собой, – задумчиво произнес он. – Официально причиной смерти стоит пневмония. Но я знаю, что в доме Хоторнов это было не единственное самоубийство. Тогда в архиве я не обратил на это внимание, больше года прошло, девушка была служанкой, и у нее имелись причины лишиться себя жизни, однако в свете последних известий... Взгляни-ка.
Из ящика письменного стола он достал свернутый вчетверо листок бумаги.
– Горничная леди Роуз... Ну, к тому времени она не была горничной, после смерти леди Роуз ее уволили... Неважно. Она повесилась. Это предсмертная записка.
Из желтой, дешевой по качеству бумаги выпали засушенные цветки птицемлечника.
– «Искушение», – прокомментировал Эйзенхарт.
Искушение чего? Какого греха?
Нервный, прыгающий почерк говорил о самой большой ошибке, которую уже невозможно исправить. Местами угловатые буквы расплывались кляксами там, где на бумагу капали слезы. Тот, кто писал это письмо, был в отчаянии, никаких сомнений.
– Патолог сказал, она ожидала ребенка.
– От...
– Не доказано. Но забавная получается картинка, правда?

Я не успел ответить: пронзительно громко зазвонил телефонный аппарат.

– Одну секунду, – попросил меня Эйзенхарт. – Алло? Леди Эвелин? Да, спасибо, я тоже рад. А вы?.. Приятно слышать. Поблагодарить меня? За что? Нет, я тут ни при чем. Потакая своему любопытству, я придвинулся поближе, пытаюсь расслышать слова леди Гринберг.

– Точно вам говорю. С чего вы вообще решили, что они от меня? Наверняка у вас найдется еще куча поклонников.

– Может, и найдется, но кто кроме вас мог прислать букет без записки? – рассмеялась леди Эвелин.

– Есть у меня один такой на примете, – помрачнел Эйзенхарт. – Даю три подсказки. Темные глаза. Нос как у грифа. Ольтенайский паспорт.

Нам не понадобилось много времени, чтобы разгадать, кого Виктор имел в виду.

– Он, конечно, способен на многое, но цветы точно не от него, – не согласилась леди Эвелин. – Мистер Герге уже прислал сегодня розы. И не просто приложил к ним свою карточку, но переписал на ней «O Fortuna».

– Sors immanis et inanis?

[28]

– припомнил Эйзенхарт строку из стихотворения. – Интересный выбор.

– Как думаете, это можно классифицировать как угрозу?

Виктор усмехнулся:

– Попробуйте. Однако, как полицейский, не советую вам писать на мистера Герге заявление. Битву с его адвокатами вы проиграете. Вообще, какой честный человек пользуется услугами адвокатов... – пробормотал он с досадой.

– Я пользуюсь, – сообщил я одновременно с леди Эвелин.

Эйзенхарт хмыкнул.

– Что и требовалось доказать, – ответил он, видимо, нам обоим. – В любом случае, вынужден вас разочаровать: это не я. Удачи в поисках.

Положив трубку, он смущенно на меня посмотрел:

– Кто-то прислал леди Гринберг цветы, а она почему-то решила, что это я таким образом выражаю ей благодарность за помощь в расследовании, – объяснил он. – Глупость какая.

– Определенно, – согласился я. – Причем даже не знаю, что более глупо: что ты не подумал это сделать или что леди Эвелин все еще слишком хорошего о тебе мнения.

В голову пришла неожиданная и неприятная мысль. В последнее время цветы от анонимных поклонников не значили ничего хорошего.

– Ты не думаешь, что букет мог послать леди Эвелин тот же человек, что отправлял их тебе?

– С чего бы? До сих пор он присылал их прямо мне, а не надеялся на посредников. К тому же кому вообще нужна леди Эвелин?

– И все же...

Слишком часто в этом расследовании фигурировали цветы от неизвестного отправителя. Возможно, Виктор тоже это понимал, поэтому так легко согласился «доказать мне, что я все выдумываю и зря трачу нервы».

– Я только что получил звонок с Каменного острова. Соедините меня с тем же номером, – попросил он телефонистку. – Да, леди Эвелин. Хотел кое-что уточнить. Что за цветы вам прислали? Вот как? Нет, точно не я. И вам хорошего дня, – он вновь положил трубку. – Райские птицы. Что, согласно языку цветов, переводится как «свобода», «радость» или «предвкушение». Как видишь, ничего, что можно было бы приобщить к делу.

Несмотря на его заверения, беспокойство не отпускало меня.

– Кенари, – понял я, что напоминало мне название цветов. – Когда на островах только стали появляться курорты, их рекламировали как «рай на востоке». – Эйзенхарт смерил меня внимательным взглядом, пытаюсь понять, к чему я клоню. – А канареек стали называть райскими птицами.

Что, если в этот раз цветок не оглашал причину смерти, а указывал на следующую жертву?

Глава 20

Доктор

На этот раз убедить Эйзенхарта оказалось не так просто. Дошло до того, что я сам взял телефон в руки. Леди Эвелин не подходила к аппарату, взявший трубку дворецкий заявил, что леди велела ее не беспокоить.

– Может, ей просто надоели мои звонки? – предположил Виктор.

Или с ней что-то случилось.

В конце концов мне все так надоело, что я отправился к леди Эвелин сам. Кэбмен высадил меня возле знакомого особняка – при свете дня тот казался не менее мрачным, чем в прошлый раз, – где я незамедлительно попал в руки дворецкого. Разумеется, он не горел желанием меня впустить. В тот момент я был слишком настойчив для приличного посетителя. Удивлен, что меня не спустили с крыльца до того, как...

– Пропустите его, – потребовали у меня за спиной. – Полиция.

Я обернулся и увидел Эйзенхарта.

– Ты думал, я оставлю тебя одного? – криво ухмыльнулся он мне и вновь обратился к дворецкому: – Детектив Эйзенхарт. Мне необходимо срочно увидеть леди Эвелин Гринберг. Этот человек со мной.

На зятянутого в форму мужчину это не произвело никакого впечатления.

– Исключено. Но вы можете оставить свою карточку, и лорд

Гринберг вызовет вас, когда сочтет нужным.

– Послушайте, – недовольно засопел Эйзенхарт. – Вы, должно быть, не поняли. Полиция, – он вновь помахал перед носом дворецкого медным жетоном.

– Прекрасно понял вас с первого раза, детектив.

– Я должен сейчас же войти в дом. Пропустите.

– Только если покажете ордер.

Мы бы пререкались дольше, если бы в доме не закричала женщина. Этого было достаточно, чтобы мы с Эйзенхартом одновременно метнулись наверх. Все это время я удивлялся, что леди Эвелин не вышла на шум сама. Теперь я знал почему. Мы нашли ее в кабинете. Леди Эвелин лежала на полу возле письменного стола.

– Она жива, – пульс под моими пальцами бился с пугающей частотой. Я осторожно похлопал ее по щекам. – Эвелин! Очнитесь!

Веки дрогнули, лицо исказила боль.

– Доктор, – сфокусировала она взгляд на мне.

– Помогите перенести ее на диван, – потребовал я у Эйзенхарта.

– Нужно вызвать врача!

Я обернулся: девушка, чей крик мы услышали, стояла в дверях, испуганно прижав руки к груди.

– Вызывайте. Только скажите, чтобы поторапливался: иначе, боюсь, он может не успеть. С дивана донесся смешок.

– Вы всех так утешаете, доктор? – слабо прошептала леди Эвелин.

– Все будет хорошо, – пообещал я, подходя к ней.

Мне не нравилось то, что я видел. Пульс под сто пятьдесят. Редкое, затрудненное дыхание. Серое от бледности лицо. Расширенные зрачки. Судороги. Острая боль. Рвота. Это было отравление – но что именно его вызвало?

Я обратил внимание на кофейный столик, стоявший чуть поодаль. Похоже, чаепитие закончилось совсем недавно, слуги даже не успели убрать посуду: тарелку с морковным

кексом, две чашки, одну из которых украшал отпечаток бледно-розовой губной помады... Я схватил вторую. К счастью, в ней оставался чай.

– Что там? – напряженно спросил Эйзенхарт, наблюдавший, как я допиваю отраву.

– Цикута.

Неизвестная дама ее не пожалела. Удивительно, как леди Эвелин была еще жива.

Эйзенхарт побледнел.

– «В моей смерти будешь виноват ты», – пробормотал он.

– Понадобится промывание желудка, – я обратился к дворецкому. – Велите подогреть воду.

Много воды. Принесите порошок активированного угля или хотя бы угольные бисквиты.

Заварите крепкий кофе. Если в доме есть барбитуратовое успокоительное, принесите и его на всякий случай.

Мои указания не нашли отклика, пока леди Эвелин не подозвала девушку к себе.

– Дора... – никто из нас не слышал, что она прошептала, но блондинка кивнула и бросилась прочь из комнаты, выталкивая вслед за собой и дворецкого.

Через минуту она вернулась и протянула мне шкатулку с лекарствами. На пожелтевших от времени картонных упаковках стояла храмовая печать: первое время после воскрешения людей, как правило, мучили ужасные кошмары, поэтому дрозды не скупались на снотворное. Похоже, кто-то из родственников леди Эвелин умер не своей смертью и был возвращен в наш мир. Но сейчас было не время об этом думать.

– Врач в пути. Все, что вы просили, сейчас принесут. Я могу помочь как-то еще?

– Можете сказать, кто был здесь до нашего прихода, – попросил Эйзенхарт.

– Мэриголд, – ответила вместо нее леди Эвелин. Ее состояние ухудшалось, посиневшие губы едва справлялись со словами. – Мэриголд Хоторн. Она видела нас в саду.

Мне это ни о чем не говорило, но вот Эйзенхарту... Детектив изумленно замер:

– Это невозможно.

Потоптавшись вокруг дивана, он виновато пробормотал:

– Я должен идти.

– В таком случае иди, – разрешил я. Леди Эвелин на его слова не отреагировала, вновь впадая в забытие.

В дверном проеме снова появился дворецкий, командовавший целой процессией из слуг.

– От тебя здесь все равно никакого толка... – тихо добавил я, надеясь, что Эйзенхарт не услышит.

Глава 21

Эйзенхарт

Леди Хоторн он нашел на кладбище. Черная карета с фамильным гербом стояла у ограды городского некрополиса. Темноволосый возничий, которого Виктор вспомнил по своему визиту, кивнул ему, когда он проходил мимо.

– Она там.

Леди Мэриголд сидела на скамье возле относительно свежей для этой части кладбища могильной плиты. Она должна была слышать, как Виктор подошел, но не повернула головы, продолжая неотрывно смотреть на высеченную в мраморе надпись. «Любимой сестре».

Встав за ее спиной, Виктор с отвращением произнес официальную формулировку:

– Леди Мэриголд Хоторн, вы обвиняетесь в доведении до самоубийства, организации убийства, убийстве первой степени и покушении на убийство. Попрошу проследовать за мной в полицейское управление. Там вы сможете вызвать адвоката. До тех пор вы имеете право хранить молчание.

Сначала Виктору показалось, что она не услышала его. Он уже думал повторить, когда она произнесла:

– Я не поеду с вами в управление.

– Еще как поедете!

– Нет, – спокойно возразила она. – Не смогу.

На могильной плите лежал букет нежно-сиреневых астр. «Прощай», – автоматически перевел их значение Виктор и в ужасе повернулся к леди Хоторн.

– Что вы наделали?

– У меня осталось меньше получаса, детектив.

То, что он принял за спокойствие, оказалось слабостью. Прислушавшись, он понял, что слова даются ей с трудом.

– Потом все будет так, как должно было давно случиться. Можете остаться здесь. Или можете затолкать меня в машину, но до участка я не доеду. Не трудитесь бежать за врачом, – предупредила она. – Он ничем не поможет.

Виктор опустился рядом с ней на скамейку.

– Вы сказали, покушение на убийство. Значит, вы нашли Эвелин раньше, чем я ожидала. Она еще жива?

– Пока да, – он не стал говорить, что все могло измениться с тех пор, как он уехал из дома Гринбергов. Из растительных ядов цикута была самой опасной, и леди Мэриголд об этом знала.

– Жаль, – равнодушно бросила она.

На этот раз Виктор не сдержался:

– Она была вашей подругой!

– Она предала меня. Предала Роуз, ее память! Она и этот сукин сын...

Глаза – зеркало души. Это не красивые слова, а правда. Посмотри на ворона, и увидишь в серых глазах старого духа, много веков наблюдающего за миром через своих детей.

Посмотри в глаза сумасшедшего, и увидишь... бездну.

Виктор спросил себя, как не понял этого раньше. Да, внешне леди Мэриголд казалась нормальным человеком, но глаза ее выдавали. Та страсть, которой обернулась ненависть к Герге, сожгла ее душу. Все, что осталось, – пустая оболочка, движимая одной только мыслью.

При этом для постороннего поведение леди Мэриголд выглядело адекватным. Ее речь была разумна, пусть и несколько заиклена на Герге, но это Виктор мог понять после произошедшего. Чего он не сумел вовремя понять, так это того, что иногда безумие – это просто смещение приоритетов.

Но от этого оно не становится менее страшным.

– Если все это было ради нее, зачем вы пошли таким путем? Отчего не убили самого Герге, раз он был виновен?

– Я хотела, чтобы он страдал. Так, как я, когда потеряла Роуз. И еще больше, когда его приговорят к смерти, – она перевела взгляд на Виктора. – Почему? Почему вы его не арестовали?

Виктор сомневался, что смерти любовниц причинили Герге страдания. Некоторое неудобство – да. Но не более.

– Потому что он невиновен. Ваш план был хорош: вы заранее проследили за мистером Герге и выбрали время, когда у него не будет алиби, но при этом перехитрили сами себя с этими цветами. Зачем вы их присылали?

Почему выбор пал на цветы, Виктор не стал спрашивать. Имена сестер подсказали ему ответ

[29]

.

– Вы должны были обратить внимание.

– Это вам удалось. Только вы не учли, что имеете дело с мужчинами. Герге не мог отправить цветы. Точно так же, как я не мог их понять.

Леди Мэриголд лишь пожала плечами.

– Теперь уже все равно. Вот, – она достала из сумочки исписанные летящим почерком листы. – Мое признание.

Виктор принял его и бережно положил в карман.

– Я более-менее представляю, что в нем написано. Однако сейчас, пока вы живы, мне бы хотелось услышать правду. – Не получив от собеседницы реакции, он продолжил: – Если разговор отнимает у вас слишком много сил, я сам все расскажу, вы будете лишь меня поправлять.

Леди Мэриголд медленно кивнула.

– Я начну с Дженни Браун, горничной вашей сестры. Вы убили ее в порыве гнева, получив письмо, в котором она во всем созналась. Я сначала недоумевал, почему предсмертная записка была сложена, и только потом понял: ее сложили, чтобы положить в конверт. Это было не предсмертное послание, а письмо с извинениями, адресованное конкретному человеку. Вам. Получив его и поняв, почему погибла ваша сестра – последней каплей для нее стало, когда она обнаружила своего жениха с собственной служанкой, верно? – вы отправились к ней. Не уверен, знали вы уже тогда, что убьете ее. Возможно, вы приняли решение под влиянием момента. Я даже склонен это предполагать, иначе у вас вряд ли хватило бы сил ее задушить. Вы скрыли следы преступления, обставив все как суицид. Ваш сообщник, благодаря которому вы смогли повернуть остальные убийства, появился уже тогда? – Женщина снова кивнула. – Он помог вам повесить тело и отвез вас домой. Интересно, что ровно на следующий день после смерти мисс Браун вы уехали из города. Отправились в длительное путешествие по континенту. Довольно внезапно, но никто не удивился. Смерть Роуз стала для вас большим ударом, поэтому желание сменить на время окружение было легко понять. Но на самом деле отправиться в путешествие вас заставила не скорбь. Страх.

– Я долгое время не понимала, почему за мной никто не явился, – согласилась леди Мэриголд, – Я не думала, что кто-то поверит в наш обман.

Виктор криво усмехнулся:

– В этом нет ничего удивительного. Мисс Браун была бедна и одинока, дело списали, не расследуя. Итак, вы отправились на континент. Первый шок прошел, но время не принесло вам покоя. А в газетах вы всё видели имя Александра Герге. Он открывал выставки, присутствовал на светских раутах, объявил о помолвке... Тогда вы начали задумываться, что это несправедливо. Он наслаждается жизнью, а ваша сестра лежит в могиле. Вы не понесли наказания за убийство мисс Браун, и это сподвигло вас на новые преступления. Ваш напарник начал слежку за Герге, вы стали собираться в обратный путь. Первой жертвой стала леди Хэрриет Лайонелл, чьей единственной виной было то, что она, как Роуз, влюбилась.

– Не смейте сравнивать ее и мою сестру! – гневно перебила его леди Мэриголд.

Злость придала ей сил.

– Почему? Разве вы не видите, как они похожи? Хэрриет была словно копией Роуз...

Конечно же, леди Мэриголд не видела. Вместо этого она разразилась потоком брани и попыталась его ударить. Виктор увернулся и теперь крепко держал ее за руки.

– Вы действительно не замечаете сходства, – прозрел он. Не стоило уповать на здравый смысл в беседе с сумасшедшей. – И не понимаете, что за свою ошибку леди Хэрриет была и так наказана.

– Чем? Она была жива, у нее все было впереди...

– Страхом и болью. Она отдала Герге все, что у нее было: сердце, репутацию, будущее. А он ее бросил.

– Она была сама виновата! Никто ее не заставлял с ним спать!

– Вы выбрали ее первой, потому что она была самой слабой. Вам даже не пришлось пачкать руки: леди Хэрриет покончила с собой сама. Как вы этого добились? Письмами, в которых угрожали рассказать всем о ее ошибке с Герге? – Судя по выражению ее лица, так оно и было. – Жаль, что они не сохранились. После убийства вы велели вашему сообщнику отправить первый букет. Должен признаться, я так и не смог вычислить отправителя. Ваш человек покупал цветы у разных продавцов, на рынке, где поток покупателей слишком велик, чтобы запоминать их лица. А ленту, видимо, приобрел еще заранее там, где это не привлекло бы внимания, – например, у бродячего торговца. Потом он находил мальчишку, иногда у рынка, иногда в другом месте в городе, и платил, чтобы тот доставил цветы мне.

Не буду спрашивать, как он выяснил, кому именно посылать цветы, это разузнать не так сложно...

– Вы единственный, кто ведет расследования об убийствах в высшем свете, – неожиданно решила ответить леди Мэриголд. – Это все знают.

– Ну да, я могу нормально разговаривать, не смущать господ своим внешним видом, и у моего отца есть личное дворянство, что делает меня почти человеком, – согласился Виктор. – Логично, что такие дела обычно попадают ко мне. Как я уже говорил, адресата было узнать несложно. Со смертью леди Хэрриет мы разобрались. Хотя вы рисковали, ее самоубийство могли так же скрыть, как смерть вашей сестры.

– Вы бы этого не допустили, – с убежденностью заявила леди Мэриголд. – Вы хороший детектив, это тоже известно. Вы бы поняли, что ее смерть была не просто самоубийством. К сожалению, она ошибалась. Занятый больше своей – казавшейся тогда неминуемой – смертью, Виктор не только чуть не скрыл суицид леди Хэрриет, но едва не завалил дело. – А если бы не понял, вы бы намекнули мне более прозрачно? Перейдем ко второму труп. Коринн Лакруа. Герге содержал ее. Не только он, конечно, но остальные ее покровители нас сейчас не интересуют.

– Шлюха, – отозвалась леди Мэриголд. – Дорогая шлюха.

– Она бы с собой не покончила, получив пару анонимок. Тут вам на помощь опять пришел ваш сообщник. Соседи и портье видели незнакомого молодого мужчину, который пришел к мисс Лакруа тем утром. Они поссорились, мисс Лакруа попыталась обороняться и при этом разбила вазу, что тоже слышали соседи. Потом крики стихли, и хлопнула дверь. Все решили, что мужчина ушел, но на самом деле произошло следующее: он схватил мисс Лакруа, заткнул ей рот, демонстративно громко хлопнул дверью, обеспечивая себе алиби (никто из соседей ведь не стал бы выглядывать на лестницу, чтобы убедиться, что он действительно ушел), и вытолкнул мисс Лакруа вниз, после чего ускользнул через черный ход. Вы опять все четко просчитали: обнаружили не только время, о котором мистер Герге откажется говорить, уж не знаю, по каким причинам, но и день, когда в расположенном напротив офисе выходной.

– Вы хвалите меня? – равнодушно спросила леди Хоторн.

– Возможно. Ваш план обладал определенной оригинальностью и был довольно логичен для...

– Для женщины?

«Для того, кто безумен», – хотел сказать Виктор, но промолчал.

– Пусть будет так.

Он не стал указывать на то, что в деле было множество несоответствий, родившихся из душевной болезни его составительницы. Зачем было идти таким сложным путем? Почему каждый раз нужно было инсценировать самоубийства, если все равно обвинять в них Герге? Возможно, для леди Хоторн это все имело какой-то смысл, но от Виктора, пусть он и сумел понять действия преступников, этот смысл ускользал.

– После этого я снова получил букет, значение которого оставалось для меня загадкой. Боюсь, вы слишком хорошо думали о полиции и обо мне, продумывая эту часть. Дальше должна была наступить очередь леди Тенеррей, которая не только стала невестой мистера Герге, но пыталась занять это место еще при жизни Роуз. Ее вы специально оставили напоследок, но прогадали. Леди Тенеррей что-то поняла и успела покинуть Гетценбург, прежде чем вы до нее добрались. Впрочем, вы быстро нашли ей замену. Леди Амарантин Мерц. Если бы Мэйбл знала, сколько вреда принесет ее писанина! Вы прочли статью, в которой намекалось на тайный роман леди Амарантин с Герге, и отправились к ней с вопросом, правда ли это.

– Она во всем призналась, – глухо сказала леди Мэриголд. – Все это время она спала с ним. Когда была жива Роуз, сейчас...

Виктор опасался, что на самом деле леди Мэриголд было все равно, существовала ли связь между Герге и леди Амарантин. Призналась бы Поппи или нет, ее участь была решена, иначе у леди Хоторн с собой не оказался бы пузырек с опиумом.

– К тому времени вы вернулись в Гетценбург и инкогнито поселились в «Эклате». Вы объяснили, что не хотите пока привлекать внимания, и вам, разумеется, пошли навстречу. Как иначе, когда просит сама леди Хоторн. Вы написали Амарантин и попросили ее

встретиться с вами. В десять поднялись из своего номера к ней. К тому времени Амарантин, изображая гостеприимную хозяйку, заказала чай, в который вы незаметно подлили опиумную настойку. Тот же метод вы потом использовали, подлив в чай леди Эвелин настойку цикуты. Оставалось дожидаться, пока она подействует. Когда леди Мерц лишилась сознания, вы набрали воду в ванну и позвали вашего сообщника, чтобы он помог перенести тело и убить ее. И опять прислали мне цветы. Только я их неправильно понял: решил, вы намекаете на то, что леди Амарантин изменяла Герге. На самом деле речь шла о другой измене. В вашем представлении она предала вашу сестру. Но леди Эвелин! Ее-то вы за что обрekli на смерть? Неужели из-за одного невинного танца?

– Невинного? Вы там были, чтобы так утверждать? Помяните мое слово, она его не упустит. Эвелин всегда хорошо видела выгоду. Но она должна была умереть не потому. Когда я увидела вас с ней в ботаническом саду, я поняла, что она все вам расскажет. А вы меня найдете.

Виктор покачал головой:

– Вы слишком плохо о ней думали. Леди Эвелин ничего мне не говорила. Я не искал вас, пока вы сами себя не выдали. Знаете, я до последнего вас не подозревал. Как я мог? Вас ведь не было в городе, – усмехнулся он. – У меня не было причин в этом сомневаться. Я даже не заметил вас тогда в саду. А ведь следовало проверить. Билет на пароход, гостевую книгу в отеле. Следовало вспомнить, что все свидетели врут.

Еще один досадный промах в этом деле. Когда нет улик, когда все, что у тебя есть, – это свидетельские показания, так хочется посчитать их правдой. Нельзя. Это было первым – и главным – уроком, который он получил, став полицейским. Никому не верь. Подозревай всех. Всегда. За каждую мелочь, за невинный взгляд, за случайно оброненное слово... Потому что доверие – это слабость. А слабость – это смерть. Иногда чужая, но от этого не легче.

– Вы все сказали, детектив?

– Нет. Я еще не назвал имя вашего сообщника, верно? Гарри Купер. Он был слугой в вашем доме – но, более того, вы, Роуз и он выросли вместе. Именно он пришел вам на помощь, когда вы убили Дженни, и ему вы отправляли указания потом. Но почему он согласился? Он был влюблен в леди Роуз?

– Нет, – резко ответила леди Хоторн. – Но он понимал то, чего никогда не поймете вы. Что такое верность.

С этим Виктор тоже мог поспорить: помощь в многочисленных убийствах в его понимании с верностью никак не вязалась. Но какой смысл возражать сумасшедшей? Вместо этого он только спросил:

– Для вас верность очень важна, верно? Тогда почему вы так спокойно об этом говорите? Он ведь отправится на гильотину.

Улыбка тронула обескровленные губы леди Мэриголд.

– Сначала найдите его, детектив. Для меня, – она тяжело вдохнула, – все кончено, но для него – нет. Я ценю верность. Поэтому приказала Гарри уехать.

– С деньгами с вашего счета, который вы сегодня обналичили? – уточнил Виктор.

– Вы и про это знаете?

– Когда я искал вас, дворецкий сказал, что Гарри повез вас в банк.

– Тогда вы понимаете, что не найдете его.

– Найду, – пообещал он. – У меня есть его описание, я разошлю ориентировки по всему острову. Велю проверять пассажиров всех кораблей. Я найду его.

– Теперь вы все сказали, детектив? – повторила свой вопрос леди Хоторн.

– Да.

И все услышал.

– Могу я вас тогда попросить? Мне осталось немного времени. Позвольте мне провести последние минуты наедине с Роуз.

Конечно, он согласился. Как он мог отказать? Он встал и медленно побрел к выходу с кладбища. Разумеется, кареты там уже не было. А письменное признание леди Хоторн, которое он прочитал по дороге, то, где она брала всю вину на себя, не давало официального повода преследовать слугу дальше. Леди Хоторн была права: его не найдут.

Когда он вернулся, леди Мэриголд лежала ничком на земле. Рука покоилась на надгробной плите, а на губах застыла улыбка. Виктору оставалось только надеяться, что в смерти она все-таки обрела покой.

Глава 22

Лидия

Бывший дом встретил ее жалобами. Скрипнула замочная скважина, затрещали старые половицы, отзываясь на ее шаги. Виктору следовало бы лучше ухаживать за своим жилищем, но разве его это когда-либо заботило? В глубине души Лидия вообще удивлялась, что он не избавился от дома.

Хотя нет, неправда. В глубине души Лидия прекрасно понимала, почему он так и не съехал. Она нашла Виктора в полумраке гостиной, сидящим в кресле у давно потухшего камина.

Погруженный в свои мысли, он даже не заметил, как она вошла.

– Что ты здесь делаешь? – вздрогнул он, когда Лидия включила торшер.

– Я получила твое письмо.

– И пришла за интервью?

Он сощурил глаза – не то реагируя на свет, не то ожидая ее ответа.

– Нет, – Лидия бездумно стерла ладонью пыль с каминной полки и присела на подлокотник его кресла. – Шеф прочитал копию признания леди Хоторн. И решил его не печатать. Он справедливо считает, что такие новости императора не обрадуют.

– Тогда зачем ты здесь?

– Ты выглядишь лучше, – невпопад ответила она.

– А чувствую себя так же погано.

Он прислонился лбом к ее руке и выдохнул:

– Я не гожусь в полицейские.

Ей было знакомо это его состояние. Каждый раз появлялось дело, повергавшее его в отчаяние, которое он не мог скрыть за шутками и улыбками. Каждый раз, возвращаясь домой, он сидел так в гостиной до тех пор, пока огонь в камине не превратится в золу, а на небе не зажгутся первые звезды. Пока тяжелые мысли не отступят и не оставят его в покое. Он был равнодушен к людям, которые пошли на преступление ради выгоды. Отправлял на гильотину тех, кто убивал из убеждений. Но раз за разом находил оправдания тем, кого толкнуло на убийство сердце. Лидия помнила, как он впервые позвонил ей после расставания. Стоял промозглый ноябрь, и новость о выловленном в реке обезглавленном трупе барона Фрейбурга будоражила город.

Тогда стараниями Виктора лишились жизни двое, и не рожденный еще ребенок сразу стал сиротой. Он чуть не проклял себя за это.

И после этого переживал, считая себя плохим человеком...

– И все же ты пошел работать в полицию.

– Не по своему выбору. Традиции, Пех их побери. Кто-то должен изображать преемственность, пока Шон не вырастет. А в действительности... – продолжил он. – Я слишком похож на этих людей, чтобы судить их. Ты знаешь, в этой ситуации я бы поступил так же.

– Надеюсь, не так же, – печально улыбнулась она.

Четыре трупа, четыре жизни, оборвавшиеся даже не на середине. И все потому, что одна сестра сделала выбор, а вторая не смогла его принять.

– Возможно. Но если бы кто-то убил близкого мне человека, я бы тоже отомстил.

Они оба знали, что он говорил правду.

– Посмотри на меня, – попросила она. – А теперь послушай. Это был выбор. Твой выбор.

Никакие не традиции. И знаешь, почему ты его сделал? Потому что тебе прекрасно известно, что в погоне за возмездием страдают невинные люди. И ты мог бы оправдать для

себя леди Хоторн, если бы она убила Герге, но на самом деле ты знаешь, что она виновна. Она забрала жизни тех, кто по большому счету не имел отношения к смерти ее сестры. А это непростительно ни при каких обстоятельствах. Поэтому ты пошел в полицию. Этих людей тоже должен кто-то защищать.

Убедить Виктора ей не удалось.

– Все бессмысленно, – пробормотал он. – Люди убивают себя, убивают друг друга, а все, что я могу сделать, – это отправить на казнь еще пару человек, добавляя их к счету.

– Неправда, – возразила Лидия. – Ты спасаешь жизни. Сколько их, тех, кто избежал смерти, потому что ты нашел убийцу? Возьми, например, леди Гринберг: она все еще жива.

Благодаря тебе.

Его рот дернулся, будто он готовился опротестовать ее слова, но вместо этого Виктор предпочел кисло согласиться.

– Спасибо, – неуверенно произнес он.

– Пожалуйста.

Им обоим было известно, что этот разговор ничего не изменит. Что Виктор все так же будет считать виновными в произошедшем не только леди Мэриголд, но и Герге, и будет мучиться от того, что Герге, без которого не началось бы безумие, стоившее жизни шестерым, не понесет никакого наказания. Но одной цели Лидия этой беседой добилась: заставить его отбросить тяготившие мысли, напомнить, что иногда смерть может действительно спасти жизни, каким бы парадоксом это ни представлялось.

Сегодня вечером этого было достаточно.

– Так зачем ты пришла? – напомнил Виктор, отвлекаясь от переживаний.

Он встал и по очереди зажег все светильники, отчего в комнате стало уютнее и даже теплее. Добрый знак, означавший его окончательное возвращение в мир живых.

– Вот, – протянула она ему папку. – Все, что ты просил.

Под картонной обложкой скрывались фотографии, копии документов, черновики так и не написанных статей. Все, что было известно о Марии Доротее Эвелин Гринберг, младшей дочери пятнадцатого барона Гринберга. И ничего, что могло бы заинтересовать полицейского.

– Немного, – заметил Виктор, пролистывая досье.

– Я предупреждала. Что ты вообще ищешь?

Он пожал плечами, уходя от ответа.

– Здесь этого нет. Ты все смотришь на часы, – заметил он.

Лидия с досадой спрятала руку за спину.

– Не думала, что так у тебя задержусь.

Намек был очевиден. Виктор вскочил с кресла, в которое опустился, рассматривая фотографию с Весеннего бала.

– Пойдем, найду тебе кэб.

– Не стоит, – смутилась Лидия. – Меня ждут.

В комнате повисло неловкое молчание. Наконец он усмехнулся:

– Значит, это конец?

– Конец давно наступил, – с грустью улыбнулась ему Лидия. – Просто ты отказывался это замечать.

Эпилог

Доктор

– Как вы себя чувствуете? – спросил я, занимая место напротив леди Эвелин.

Мы сидели в том же кабинете, где обнаружили ее тогда. Она еще была бледна и слаба, и, забравшись с ногами в старое дубовое кресло, слишком большое для нее одной, казалась

поразительно хрупкой. Но для человека, несколько дней назад лишь чудом избежавшего смерти, держалась удивительно хорошо.

– Очень глупо, – призналась она.

Я спрашивал не о том, но не стал перебивать, позволяя ей выговориться.

– Я всегда считала, что неплохо разбираюсь в людях. Но, оказывается, совершенно их не понимаю, – беспомощно улыбнулась леди Эвелин. – Когда был траур по Ульриху, когда я была отрезана от мира, Мэриголд начала присылать мне письма. Она была единственной, кто остался со мной в это время. Кто пытался утешить, не зная, что утешать меня не в чем. Я стала считать ее своим другом...

Тем сложнее оказалось принять ее предательство. Я понимал это. Виктор мне все рассказал. Даже мне было трудно поверить в то, что совершила леди Хоторн, а ведь я как никто другой знал, что любовь часто толкает нас на самые уродливые из поступков.

– Не думаю, что проблема в вас. На самом деле никто из нас не понимает других людей. И не знает их по-настоящему.

– Возможно, – согласилась она со мной, переводя взгляд на стоявший на комодке букет. – Хотя вас, мне кажется, я знаю.

Оранжевые лепестки райских птиц распустились на нем ярким плюмажем. Почему его не убрали? Роз, присланных мистером Герге, я не заметил. Что побудило леди Эвелин оставить эти цветы?

– Скажите, доктор... – последовавший вопрос я менее всего ожидал услышать. – Что бы вы сделали, если бы кто-то узнал ваш секрет и угрожал его раскрыть?

Для меня ответ был очевиден.

– Убийство – не вариант, – каким-то образом прочитала леди Эвелин мои мысли и напряглась в ожидании.

– Тогда я перестал бы скрываться. Лишил бы противника рычага воздействия.

По задумчивости, скрывшей ее улыбку, я понял, что эта идея леди тоже не нравится. На мгновение я захотел спросить, какую тайну она хранит, предложить ей облегчить душу рассказом, но понял, что это сделало бы меня не лучшим человеком, чем тот, кто досаждал ей. Если бы она хотела мне рассказать, она бы сделала это.

– А если этот секрет не только ваш? И, раскрыв его, вы подвергнете опасности своих близких?

К счастью, мне никогда не доводилось оказываться в таком положении.

– Я бы уехал. Хотя бы на время, в надежде, что за мое отсутствие этот человек забудет обо мне.

– Я уже пыталась уехать, – печально усмехнулась леди Эвелин. – Помните, как мы познакомились? Но, похоже, мое место здесь. Хотя... Я слышала, Вейд очень красив в это время года.

– Так и есть.

Зеленые холмы, лазурно-синяя вода, в которой отражается такое же яркое небо, и молочно-белая полоса песчаного пляжа. Вейд был изумителен летом и не зря собирал в это время тысячи туристов со всей империи, но я боялся, что это послужит леди Эвелин слабым утешением.

– Кстати, – спохватился я, – Эйзенхарт просил вам передать.

– Детектив Эйзенхарт? – удивилась она, принимая завернутый в бумагу сверток.

Я сам удивился, когда Виктор заглянул ко мне утром на работу и спросил, не собираюсь ли я опять к Гринбергам. У меня не получилось спросить, что в посылке, – он удрал, впихнув мне сверток в руки, – поэтому теперь я с любопытством наблюдал за тем, как леди Эвелин ее разворачивала.

Под оберткой, перевязанной пестрой тесьмой, оказалась широкая колба с одним-единственным цветком тигровой лилии. Где только Виктор добыл ее в мае? Обычно сезон для этого сорта начинался в конце лета. Про себя я порадовался, что кузен все-таки вспомнил о правилах хорошего тона.

И, разумеется, леди Эвелин оказалась права, Эйзенхарт даже не подумал подписать подарок. Я собрался было обратить ее внимание на это обстоятельство, но слова застряли у меня в горле. Я никогда не видел у нее такой широкой улыбки. Да что там, я не был уверен, что видел у кого-либо выражение такой яркой, совершенной радости.

– Если бы я знал, что вы так любите лилии, обязательно принес бы их вам, – наконец сумел сказать я.

Леди Эвелин подняла на меня счастливые глаза:

– Не люблю. Но помню, что они означают

[30]

.

Сноски

1

Т. н. холостяцкое жилье; квартира-студия, иногда без своей ванной комнаты (фр .).

2

От нем. Geist; в данном случае – крепкий спиртной напиток на основе ягод.

3

Дословно «ужасный ребенок»; в т. ч. человек, смущающий других бестактным или провокационным поведением (фр .).

4

Раздел светской хроники в местной газете, освещающий самые громкие скандалы гетценбургского света.

5

Особое условие.

6

В странах, где помолвка считалась имевшим юридическую силу договором, – компенсация за отказ жениться.

7

В данном случае – вежливое обращение к любому жрецу.

8

Длительный отпуск. Также может означать год перед поступлением в высшее учебное заведение либо между выпуском из высшего учебного заведения и поступлением на работу, в том числе потраченный на путешествия с целью получения нового опыта и знакомства с другими культурами.

9

Господин.

10

Куп, медяк – сленговое название полицейского в Лемман-Клив.

11

От нем. Pech – неудача. Старое суеверие, до сих пор упоминается на севере империи. Нелюбимый брат Судьбы, запутывающий ее пряжу и тем самым приносящий людям несчастья и неудачи. В некоторых местах также считается прозвищем Ворона.

12

Другое название философского камня.

13

«Кто устережёт самих сторожей?» (лат.)

14

Пренебрежительное название для человека из рабочего класса в империи.

15

Прозвище воров в империи, полученное из-за покровительства им Лайлы-Кошки.

16

Почему бы и нет? (фр
.)

17

Французский кикбоксинг.

18

Фехтование на тростях.

19

Общее прозвище тех, чей дар способен подавлять волю окружающих.

20

Да (фр
.)

21

Эксперимент (фр
.)

22

Заряд (фр.)

23

Мощность (фр.)

24

Очарован (фр.)

25

Дама полусвета (фр.).

26

В зависимости от культуры, богиня судьбы (то есть еще одна ипостась Вирд и Лос) либо удачи как случайного стечения обстоятельств.

27

Сделал тот, кому выгодно (лат.).

Судьба жестока и пуста (лат.
.).

Marigold (англ.) – бархатцы.

Влюбитеcь в меня, если осмелитесь.

[illegible]